

三國演義

Ло Гуаньчжун

ТРОЕЦАРСТВО

Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями

Ло Гуаньчжун
Троецарствие

«ЭКСМО»

1494, 2023

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Гуаньчжун Л.

Троецарствие / Л. Гуаньчжун — «Эксмо», 1494,
2023 — (Подарочное издание. Знаменитая классика с
иллюстрациями)

ISBN 978-5-04-197544-9

Ло Гуаньчжуна, ставшего в Китае почти легендой, считают автором 6 классических китайских романов, главный из которых — «Троецарствие». Роман, написанный в XIV веке, создан на основе летописи и народных сказаний, повествующих о событиях III века, когда Китай распался на три царства: Вэй, У и Шу, которые вели между собой непрерывные войны. «Троецарствием» зачитывались все: от императора до представителей социальных низов. Роман о Троецарствии — самый читаемый исторический роман в позднем императорском и современном Китае, и его литературное влияние в регионе сравнивают с произведениями Шекспира в английской литературе. «Троецарствие» по праву входит в четверку великих китайских романов наравне с книгой «Сон в красном тереме». В настоящем издании текст сопровождается комментариями и классическими иллюстрациями из китайского ксилографа XVII в.

УДК 821.581-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-197544-9

© Гуаньчжун Л., 1494, 2023

© Эксмо, 1494, 2023

Содержание

«Троецарствие» и его автор	6
Глава первая	17
Глава вторая	23
Глава третья	27
Глава четвертая	31
Глава пятая	35
Глава шестая	39
Глава седьмая	43
Глава восьмая	47
Глава девятая	53
Глава десятая	58
Глава одиннадцатая	61
Глава двенадцатая	65
Глава тринадцатая	67
Глава четырнадцатая	71
Глава пятнадцатая	75
Глава шестнадцатая	79
Глава семнадцатая	86
Глава восемнадцатая	90
Глава девятнадцатая	95
Глава двадцатая	98
Глава двадцать первая	102
Глава двадцать вторая	107
Глава двадцать третья	110
Глава двадцать четвертая	115
Глава двадцать пятая	117
Глава двадцать шестая	123
Глава двадцать седьмая	127
Глава двадцать восьмая	131
Глава двадцать девятая	134
Глава тридцатая	138
Глава тридцать первая	141
Глава тридцать вторая	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Ло Гуаньчжун Троецарствие

Luó Guànzōng
SĀNGUÓ YǎNYÌ

© Панасюк В.А., перевод на русский язык, наследники, 2024

© Рифтин Б. Л., предисловие, комментарии, наследники, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

«Троецарствие» и его автор

Когда в 1820 году в Китай вместе с Российской духовной миссией поехал чиновник Азиатского департамента Е. Ф. Тимковский, ему было поручено закупить там книги для русских библиотек. Среди прочих книг за немалую для того времени сумму был приобретен и ксилограф под названием «История Трех царств», про который в «Реестре китайским и маньчжурским книгам, купленным в Пекине в 1821 г.» было сказано: «Происшествия в течение 76 лет описаны живыми красками, со многими вымыслами, свойственными более героической поэме, нежели истории». Эта краткая запись, видимо, первое упоминание о «Троецарствии» Ло Гуаньчжуна на русском языке.

О Ло Гуаньчжуне, имя которого стоит на всех изданиях «Троецарствия», известно до обидного мало. Пятьдесят лет назад основоположник современной китайской литературы и блестящий исследователь ее классической традиции Лу Синь разыскал некоторые сведения о писателе и определил примерные даты его жизни – 1330–1400 годы. Исходя из комментариев Ло Гуаньчжуна к упоминаемым в «Троецарствии» географическим названиям, некоторые современные исследователи предполагают, что дату рождения писателя следует передвинуть лет на тридцать вперед и что, следовательно, он родился около 1360 года и умер, видимо, в 70-х годах XIV века. По некоторым источникам, он родился (или жил) в Цяньтане, подле знаменитого своими красотами города Ханчжоу, где с XII века были сосредоточены многочисленные зрелищные и увеселительные заведения. Под огромными навесами у Овощного рынка, перед Конным двором, подле Крепости, где стояли солдаты, и еще в двух десятках других мест выступали народные рассказчики. Среди них были и такие, которые повествовали о героях Трех царств. Мы знаем об этом из свидетельств очевидцев. Так, сунский автор Гао Чэн писал: «Во времена императора Жэнь-цзуна (1023–1063) на базарах встречались люди, рассказывавшие о событиях Троецарствия. Мастера-кукольники делали фигурки для теневого театра и изображали войну между Тремя царствами». Знаменитый поэт и эссеист XI века Су Дунпо оставил нам запись, свидетельствующую о том, на чьей стороне были симпатии тогдашних слушателей: «Когда дети с городских окраин шалили и надоедали домашним, те давали им деньги и посылали слушать рассказы про старину. Слушая повествования о борьбе Трех царств, дети хмурились и плакали, когда Лю Бэй терпел поражение, и громко выражали свою радость, когда разбитым оказывался Цао Цао». Так было в XI веке. Известно, что в следующее столетие существовал даже особый вид исторического сказа о борьбе Трех царств и что лучшим среди исполнителей этих историй слыл сказитель Хо Сыцзю.

XIII и XIV века – время расцвета китайской драмы, когда было создано более шестисот пьес, из которых не менее пятидесяти было посвящено героям Трех царств. Нет сомнения, что Ло Гуаньчжун видел многие из них. Он и сам создал три пьесы, из которых до нас дошла лишь одна – «Встреча ветра и облаков», повествующая об основателе Сунской династии Чжао Куаньине. Имя Ло Гуаньчжуна стоит на титуле не только «Троецарствия», но и фантастического романа «Развеянные чары», и «Повествования об истории падения династии Тан и Пяти династиях», «Повествования о династиях Суй и Тан» и других, в том числе и некоторых старинных изданий «Речных заводей». Был ли Ло Гуаньчжун автором всех этих произведений или их приписывали ему благодаря его славе – сказать трудно. Может быть, он и написал некоторые из них, но они потом столько раз перерабатывались, что с уверенностью говорить сейчас о его авторстве нельзя.

Ло Гуаньчжун прославился своим главным произведением – «Троецарствием», популярность которого в Китае, да и в других странах Дальнего Востока необычайно велика. Произведение это часто называют историческим романом, что, строго говоря, не совсем верно. Это еще не роман в привычном для нас понимании, а предшествующая роману книжная эпопея исто-

рического характера. Для «Троецарствия» характерны широкий масштаб изображения событий, сделанный с использованием исторических хроник, выдвижение на первый план исторических, а не личных судеб, наличие элементов хроникальности в развитии сюжета, отсутствие психологизма в изображении героев, которые являются не индивидуальными характерами, а обобщенными типами.

В Европе, где были столь популярны далекие от реальной истории рыцарские романы, особенно о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, развитие исторического повествования началось сравнительно поздно и пошло в основном по пути создания произведений типа романов Вальтера Скотта – в них подлинные исторические события обычно служат лишь фоном, на котором действуют большей частью вымышленные герои, чьи судьбы и стоят в центре повествования.

В Китае же литературное развитие шло иным путем – от крупномасштабной эпопеи к романам, описывающим судьбы отдельных героев прошлого. Так случилось, видимо, потому, что формирование исторического повествования происходило в Китае лет на пятьсот раньше, чем в Европе, когда частные судьбы людей еще мало привлекали внимание писателей (они интересовали лишь рассказчиков коротких бытовых историй) и не могли быть поставлены в центр исторического повествования. Заметим, что в пору жизни Ло Гуаньчжуна в китайской литературе только-только начиналось движение от реального исторического героя к вымышленному, чему «мешал», хотя во многом и чисто внешний, историзм традиционного китайского мышления. Еще за много десятков столетий до Ло Гуаньчжуна китайцы превратили героев своих древнейших мифов в будто бы реально существовавших правителей и сановников, а уж про героев преданий более поздних эпох и говорить нечего – все они были «распределены» по соответствующим династиям, сменявшим друг друга на протяжении веков. Это историзованное представление о прошлом поддерживалось и богатейшей историографической традицией: как только начинала править новая династия, император тут же отдавал приказ собрать все, что осталось от предыдущей, и составить ее подробнейшую официальную историю. Так, вскоре после завершения в 265 году периода борьбы Трех царств – Вэй, Шу и У – и создания единой Цзиньской империи по императорскому повелению сановником Чэнь Шоу была создана официальная «История Трех царств».

Историзованным было и средневековое эпическое творчество. Мы знаем, что многие русские былины хотя и отражают борьбу с монголо-татарским нашествием, но делают это в самой общей форме – в них нет описаний реальных битв и других событий, что старофранцузская «Песнь о Роланде» тоже не является исторической песнью. У китайцев же, как и у некоторых других народов Дальнего Востока, не было героического эпоса типа русских былин, романских героических песен или поющих сказаний вроде киргизского «Манаса». Их заменили поздние исторические повествования, те самые сказания – о героях, основателях династии Хань, живших в конце III века до н. э., о героях борьбы Трех царств, о тех, кто вместе с Ли Шиминем боролся в начале VII века за основание знаменитой династии Тан, – которые рассказывали профессиональные сказители. Сказы эти складывались в целые эпические циклы, исполнение которых требовало месяца, а иногда и больше. Некоторые циклы были записаны. Конечно, не с голоса, как это делают нынешние фольклористы, а скорее по памяти, может быть, даже и для памяти, чтобы сказитель – а многие из них были людьми грамотными – не забыл основную канву сюжета. Эти краткие изложения были изданы в начале XIV века, причем изданы с иллюстрациями, занимающими верхнюю треть каждой страницы. Так родились своеобразные китайские народные книги, дальняя родня европейских лубочных изданий. Книги эти издавались, скорее всего, для тогдашних горожан. Среди этих книг был и «Сказ по «Истории Трех царств», изданный в юго-восточной провинции Фуцзянь между 1321 и 1324 годами. Небольшая иллюстрированная книжечка – как бы прообраз будущей эпопеи Ло Гуаньчжуна. В последние годы китайские ученые высказали предположение, что и само «Троецарствие»

написано Ло Гуаньчжуном к концу 20-х годов XIV века, то есть вскоре после издания народных книг.

Если о жизни создателя «Троецарствия» почти ничего не известно, то о его работе над эпопеей можно сейчас рассказать довольно подробно. Итак, читатель уже знает, что, когда Ло Гуаньчжун приступил к написанию своего «Троецарствия», он мог воспользоваться официальной династийной историей Чэнь Шоу, народными сказами о героях Трех царств и созданной во многом на их основе народной книгой, пьесами о тех же событиях, ставившимися, а частично и изданными в ту эпоху, а также теми многочисленными дополнениями к «Истории» Чэнь Шоу, которые были составлены в V веке сановником Пэй Сунчжи, и созданными уже в XI–XII веках сводными летописями, в которых была последовательно описана история Китая с древнейших времен до X столетия. Именно эти летописи и дали Ло Гуаньчжуну как бы путеводную нить, все основные события Троецарствия были представлены им, в отличие от Чэнь Шоу, во временной последовательности.

«Троецарствие» посвящено одному из наиболее бурных периодов в истории Китая. В конце II – начале III века н. э. феодальный Китай переживал много трудностей самого различного характера. Двадцать семь наводнений вынудили десятки тысяч крестьян покинуть свои дома. Стихийные бедствия случались почти каждые два года. Десятки раз поля опустошались полчищами саранчи. Историки сообщают, что в некоторых местностях от голода умирала почти половина населения. Пустующие земли прибирали к рукам крупные феодалы, а нередко и евнухи, игравшие в ту смутную пору заметную роль при дворе. Крупные землевладельцы все больше выходили из-под власти императоров династии Хань, правившей с 206 года до н. э. Империя Хань чуть было не пала под натиском восстания «краснобровых» в первые годы нашей эры, но один из дальних родственников императорского дома Лю – Лю Сю смог расправиться с крестьянским движением и в 25 году н. э. провозгласил себя Гуань-ди – Блестящим и воинственным императором, а царство свое назвал Восточная Хань.

Постепенно и эта обновленная династия привела страну в состояние полного кризиса. Чиновники пренебрегали своими обязанностями, думая лишь о собственном обогащении, тем более что пример им в этом подавал сам император Лин-ди (правил с 168 по 189 г.), любимым развлечением которого было изображать из себя странствующего торговца. Огромной личной казной государя ведали евнухи, которые и сами были не прочь пустить деньги в оборот через купцов. Финансы страны все больше приходили в упадок. Источники того времени осторожно говорят то о каких-то «дешевых деньгах», то о «легковесных» монетах. Растущее недовольство двором и крупными феодалами в народных низах, частые нападения полчищ цянов (народности тибетского происхождения) на западе, сяньбийцев (древней монгольской народности) – на севере расшатывали основы недавно еще могущественной Ханьской империи, расширившей в I – начале II веков свои границы путем завоевания и присоединения соседних, особенно западных земель вдоль знаменитого Шелкового пути. Усилились интриги могущественных евнухов, военачальников, сколачивавших различные группировки, враждовавшие одна с другой. В низах общества распространялись всевозможные тайные вероучения, среди которых наибольшее число сторонников приобрела секта «Тайпиндао» – «Пути великого спокойствия» во главе с Чжан Цзяо и его братьями. В религиозно-мистической форме проповеди Чжан Цзяо звучал фактически призыв к установлению всеобщего равенства. Вот почему за десять с небольшим лет проповеднической деятельности братья Чжан обратили в свою веру несколько сот тысяч человек и объединили их в военные отряды, объявив, что в первый год нового шестидесятилетнего цикла (по таким циклам велся счет годам в древнем и средневековом Китае) свергнут самого императора. Чжан Цзяо установил связь с двумя придворными евнухами, которые обещали в назначенный день устроить дворцовый переворот. Однако предатель выдал евнухов, они были казнены, несколько тысяч придворных и столичных чиновников, подозреваемых в заговоре, были схвачены. Тогда Чжан Цзяо тотчас же поднял восстание, получившее название

«восстания Желтых повязок», поскольку его участники повязывали головы кусками желтой материи. Это было в 181 году н. э.

В течение десяти дней вся Поднебесная империя пришла в движение, большинство чиновников в провинциях, охваченных огнем восстания, бежало, двор был в панике. Но вскоре против повстанцев были брошены регулярные войска и вооруженные отряды крупных землевладельцев, через десять месяцев восставшие были разбиты наголову, хотя отдельные разрозненные отряды в разных местах страны продолжали действовать еще много лет. Разгром Желтых повязок связывают с именами военачальников: Юань Шао – выходца из знатного служилого рода, Цао Цао – первоначального сподвижника и друга Юань Шу, приемного сына влиятельного евнуха, Сунь Цзяня – правителя земель в среднем и нижнем течении реки Янцзы, которые именовались землями У или Дун У – Восточное У. Под началом Цао Цао первое время воевал и Лю Бэй – дальний потомок основателя династии Восточная Хань, который тоже участвовал в подавлении восстания Желтых повязок. Но когда восстание было в основном подавлено, то есть общая цель достигнута, военачальники стали бороться друг с другом за власть в Поднебесной. Император, по сути дела, превратился в игрушку в руках соперничающих клик. После смерти государя Лин-ди, в 189 году, на престоле воцаряется его сын Шаоди, но через несколько месяцев его свергает могущественный царедворец, полководец Дун Чжо, и сажает на престол другого сына покойного государя, рожденного от наложницы. Проходит семь лет, и безвольный император Сянь-ди попадает в руки Цао Цао – человека решительного, который не разбирался в средствах для достижения цели и благодаря этому добился высшего положения. Он привлек на свою сторону многих талантливых людей, ибо ценил не происхождение или знание конфуцианского этикета и канонических книг, а умение управлять народом и командовать войсками. Это был типичный средневековый диктатор, захвативший власть, но формально правивший от имени номинального государя. Однако под властью Цао Цао находился не весь тогдашний Китай, а в основном центральная его часть. Земли по Янцзы прочно удерживали представители рода Сунь – сперва Сунь Цзянь, а потом его сын Сунь Цюань, который основал царство У, в 221 году принял титул вана – высший княжеский титул, а через восемь лет провозгласил себя императором. Юго-западные земли Китая оказались во власти Лю Бэя, основавшего на них царство Шу и принявшего в 221 году титул императора. Сам Цао Цао еще раньше, в 216 году, объявил себя ваном (до этого он был первым министром), а когда он в 220 году умер, его сын Цао Пэй низложил ханьского императора Сянь-ди и объявил себя первым императором новой династии Вэй. Борьба за власть шла между тремя царствами ровно шестьдесят лет, пока страна не была объединена вновь в 280 году под эгидой новой династии Цзинь. Бурное время с начала восстания Желтых повязок и до нового объединения страны и есть те семьдесят шесть лет, в которые происходят все описываемые Ло Гуаньчжуном события.

Идеалы автора «Троецарствия» формировались в основном под влиянием конфуцианского учения об управлении государством и поведении человека в обществе. С древних пор, однако, конфуцианская доктрина существовала параллельно с даосизмом – учением о естественном Пути (Дао), согласно которому весь мир рассматривается как бесконечный поток естественного развития вещей. В первых веках нашей эры даосизм вобрал в себя и элементы древней магии и шаманизма, превратившись из учения натурфилософского в религиозно-мистическое со своими святыми и культами. Влияние даосизма испытали многие китайские писатели прошлого, в том числе и Ло Гуаньчжун.

Из конфуцианства Ло Гуаньчжун воспринял и главный принцип китайской историографии, которая со времен Конфуция видела свою цель в том, чтобы проповедовать конфуцианские добродетели, восхвалять законных правителей и порицать узурпаторов. Как писал Цянь Даци – автор первого предисловия к «Троецарствию», помеченного 1495 годом, цель исторического сочинения, которую перенял и Ло Гуаньчжун, не в бесстрастной регистрации событий в хронологическом порядке, а в попытке «осветить расцвет и упадок былых династий, отра-

зять добродетель и злые помыслы правителей и подданных, зафиксировать успехи и промахи в государственном управлении, дать представление о счастливой и злосчастной судьбе людей... чтобы у потомков появилось желание склонять людей к добру и предостерегать их от зла». Эти же назидательные цели были и у автора «Троецарствия». Ло Гуаньчжун раскрывает перед читателем эпопеи свою концепцию исторического развития, свои представления об идеальном правителе, о нормах человеческих отношений.

Показывая распад Ханьской империи и борьбу Трех царств, Ло Гуаньчжун исходит из традиционного представления об истории как о непрерывном движении от объединения к раздробленности и затем снова к объединению и порядку. История движется как бы по замкнутому кругу, она подобна природе, в которой происходит постоянный процесс смены расцвета и увядания, смерти и нового рождения. Достигнув апогея в своем развитии, каждое явление переходит в свою противоположность: высшая радость, как и высший расцвет, сменяется грустью и горем, но на смену самому отчаянному горю вновь приходит радость. Эту мысль о циклическом развитии общества Ло Гуаньчжун заимствовал у древнекитайских историографов, которые развивали ее в соответствии с даосскими идеями о тождественности развития природы и общества. Откройте первую страницу эпопеи, и вы прочтаете слова о том, что, когда великие силы Поднебесной долго разобщены, они стремятся к соединению, но после длительного соединения вновь распадаются. И хотя слова эти принадлежат не самому Ло Гуаньчжуну, а добавлены в XVII веке редактором и комментатором эпопеи Мао Цзунганом, они очень точно выражают позицию автора – эта мысль в «Троецарствии» высказывается неоднократно. Однако согласно конфуцианским представлениям, воспринятым Ло Гуаньчжуном, все события этого земного мира – падение и возвышение династий, войны, победы и поражения, смерть и рождение великого человека – есть лишь проявление воли Неба, Неба как некой абстрактной, не воплощенной в образе божества силы, веления которой, проявляясь в небесных знамениях или доведенные до сведения людей через особые спущенные сверху «небесные книги», требуют интерпретации мудреца. Так, доказательством того, что время Ханьской династии миновало, в эпопее служат многочисленные дурные предзнаменования: куры запели петухами, черная туча влетела во дворец, появилась огромная змея и проч. Небо в «Троецарствии» присутствует непрестанно, его веления играют роль рока, судьбы в жизни героев. Веления Неба – это, конечно, не только дурные предзнаменования, но и чудесные избавления положительных героев от опасностей. Например, когда конь с воином, везшим малолетнего наследника Лю Бэя, рухнул в яму, вдруг вспыхнуло красное зарево, и конь одним прыжком выскочил наверх – тогдашний читатель воспринимал это тоже как веление Неба.

Конфуцианство хотя и признавало предначертанность всех событий Небом, но всегда исходило из жизни земной и реальных потребностей времени. Этот «прагматизм» также постоянно находит свое отражение в эпопее: герой должен соотносить свои поступки не только с небесными знамениями, но и с реальной ситуацией – таковы два основных фактора, определяющих положение героя книги. Но есть третий: воля героя. Сочетание этих факторов в эпопее рождает постоянные конфликты: или Небо, несмотря на активные стремления героя, не дает согласия на его действия и притязания (так получается с Цао Цао, который хотя и захватывает большую власть, но быстро гибнет в мучениях от болезни), или реальная ситуация противостоит воле героя и приводит к поражению на поле боя или в столкновении хитроумных стратегов.

Цао Цао талантлив, но он узурпирует власть, и Небо противится этому, а когда прогоняют законного ханьского императора Сянь-ди, воины и народ провожают того с сожалением, а Небо гневается, поскольку нарушен его закон, и посылает страшный вихрь и ливень.

Основные герои «Троецарствия» люди известные. Подсчитано, что в эпопее действует более четырехсот персонажей – почти все они герои исторические, главным образом люди знатные, придворные, полководцы, военачальники и сановники. Основные черты положитель-

ных героев определены этическим комплексом конфуцианства – верность долгу, сыновняя почтительность. В «Троецарствии», например, есть такой знаменитый эпизод. Цао Цао, мечта ослабить Лю Бэя, отправляет его советнику Сюй Шу подложное письмо, якобы от матери, в котором говорится, что она брошена в темницу. Лю Бэй, для которого узы между сыном и матерью священны, отпускает Сюй Шу во вражеский стан. Матушка же Сюя, поняв, как ловко Цао Цао провел ее сына, видит в этом позор для себя и кончает жизнь самоубийством. Казалось бы, Сюй Шу после этого должен вновь вернуться к Лю Бэю и мстить Цао Цао, но долг сына – охранять могилу матери (для этого нередко даже строили подле могил специальные хижины), и он остается в стане врага, отказываясь, правда, помогать Цао Цао своими советами.

В число конфуцианских добродетелей входила и «сообразительность» («минь»), которая трактовалась как умение понять веление времени, придумать хитрый план, с помощью которого можно победить противника. Эти планы, как правило, в эпосе придумывают особые люди – советники, первые министры. Самый прославленный из них – знаменитый мудрец и стратег Чжугэ Лян. Собственно, все «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна и задумано как нескончаемая цепь хитроумных планов, которые один лагерь, одно царство применяет против другого, одна придворная группировка – против другой.

В самом начале «Троецарствия» перед читателем разворачивается знаменитый «план цепи». Суть его в следующем. Министр Ван Юнь придумывает хитрый план, как избавиться от военачальника Дун Чжо, готового вот-вот захватить престол. Он умело использует чары своей певицы и танцовщицы Дяочань, которая понравилась и Дун Чжо, и его приемному сыну, храброму воину Люй Бу. Ван Юнь обещает отдать ее Люй Бу, а сам отдает Дун Чжо. Узнав об этом, Люй Бу обвиняет Ван Юня в коварстве и обмане, но тот объясняет, что Дун Чжо просто захотел взглянуть на красавицу, а потом увез ее к себе под предлогом, что хочет отдать ее своему сыну Люй Бу. Разгневанный Люй Бу является к Дун Чжо и убивает его. Хитроумный план, подобный цепной реакции (отсюда и его название), удался. Этот эпизод издавна считается в Китае одним из наиболее удачных, он по-настоящему новеллистичен, и на его примере мы и попытаемся показать творческую лабораторию Ло Гуаньчжуна. План цепи не придуман автором книжной эпопеи. Он уже был и в народной книге, о которой говорилось выше, и в анонимной драме XIII–XIV веков под названием «В зале Парчовых облаков тайно замышляется план цепи». Эпизод этот в эпосе состоит из четырнадцати мелких сюжетных ходов. Если сравнить их с соответствующими ходами в народной книге и драме, а также с изложением событий в династийной «Истории Трех царств» и «Зерцале всеобщем, в управлении помогающем», то окажется, что пять ходов целиком взяты Ло Гуаньчжуном из исторической литературы, три являются сочетанием ходов драмы и данных исторической прозы, один навеян текстом драмы, два – драмой или народной книгой одновременно и только три незначительных сюжетных отрывка придуманы самим Ло Гуаньчжуном, причем это, кроме первой встречи героев своеобразного «любовного треугольника», два увещевания приближенного Дун Чжо по имени Ли Жу (буквально: Ли Конфуцианец), с которыми он обращается к своему патрону, призывая его задобрить Люй Бу подарками и не доводить дело до ссоры. Заимствуя сюжетные ходы из предшествующей литературы, Ло Гуаньчжун, конечно, не делал этого механически. Так, и в народной книге, и в драме Дяочань (ее имя не встречается на страницах исторических сочинений, скорее всего, перед нами редкий у Ло Гуаньчжуна вымышленный, хотя и не им самим, персонаж) изображается женой Люй Бу, которая потеряла мужа во время смуты и оказалась у Ван Юня. В драме, например, она соглашается помочь министру избавиться от Дун Чжо потому, что он обещает после этого вернуть ее мужу. В эпосе же мотивировки поступка совсем иные: Дяочань – воспитанница Ван Юня, она готова помочь ему из чувства дочерней почтительности (столь пропагандируемого конфуцианством), ведь он относился к ней как к родной. Изменение, произведенное здесь Ло Гуаньчжуном, не случайно, он менял именно мотивировки действий.

Смело черпая материал из обеих традиций – народной литературы и исторической прозы, автор эпопеи относился к ним неодинаково: то, что Ло Гуаньчжун заимствовал из народной литературы, подвергалось гораздо большей обработке, чем то, что бралось из исторических сочинений. Дело в том, что народная книга, например, была пронизана буддийскими идеями, а Ло Гуаньчжун, как уже говорилось, отдавал предпочтение конфуцианству. Однако из живой повествовательной и драматической традиции он заимствовал как раз наиболее важные для построения сюжета коллизии, а из исторических сочинений – большей частью эпизоды, создающие фон повествования. Оттуда же взяты и некоторые реплики исторических персонажей. Отталкиваясь от двух различных традиций, Ло Гуаньчжун создал абсолютно новое по своим качествам произведение. Новаторство его заключается, в первую очередь, в том, что из отдельных и часто не связанных между собой фактов он создал сюжетную ткань эпопеи. В историческом сочинении запись под одним годом объединяет самые различные события, там важно только, что они случились одновременно, но «Троецарствие» ставит все факты в единую цепь причинно-следственных связей, случаи из жизни героев становятся мотивированными ходами единого сюжета. Например, в исторической литературе говорится и о строительстве крепости Мэйу, которую воздвиг Дун Чжо, и о казнях сановников, которые он производил во время пиров, и о заговоре министра Ван Юня против Дун Чжо, но там между этими фактами нет никакой логической связи. А у Ло Гуаньчжуна все эти факты связаны в единую логическую цепь. Ван Юнь, увидевший на пиру, как по приказу Дун Чжо скинули с башни одного из сановников, а потом его голову принесли к столу на красном блюде (эти подробности сняты в сокращенном русском издании), возвращается домой и не находит себе покоя. Тут-то и возникает у него план убийства тирана. Разрозненные факты соединились в единую цепочку событий.

Создавая художественное полотно, Ло Гуаньчжун выдвигает на первое место любимых им героев, тех самых, которые уже были любимыми в народных сказаниях: это Лю Бэй, дальний потомок императорского дома, до того обедневший, что ему с матерью приходится жить скудным заработком от плетения сандалий и циновок, и его побратимы – бесстрашные богатыри Гуань Юй и Чжан Фэй, а также мудрый советник Чжугэ Лян. Все они герои исторические. Их жизнеописания есть и в «Истории Трех царств» Чэнь Шоу, но в создании образов этих героев Ло Гуаньчжун больше опирался на народную традицию эпического сказа и драмы. Именно оттуда заимствован эпизод братания Лю Вэя с Гуань Юем и Чжан Фэем. Мотив этот характерен для эпоса разных народов, братаются богатыри русских былин Илья Муромец и Добрыня Никитич, Илья и Алеша Попович, герои немецкого, французского эпоса и эпоса тюркских народов. Братанию, однако, обычно предшествует поединок между будущими названными братьями. Ничего этого нет в «Троецарствии», герои случайно встречаются и решают совершить жертвоприношение и обряд братания. Но если мы обратимся к китайским народным легендам, то увидим, что в фольклорных вариантах описанию братания предшествует рассказ о том, как главные богатыри Чжан Фэй и Гуань Юй меряются силами. Мясник Чжан Фэй, рассказывает предание, в полдень прекратил свою торговлю, опустил в колодец кусок мяса, поднял тяжеленный камень весом в пятьсот цзиней (или 250 кг) и прикрыл колодец, сказав, что кто подымет камень, тому и достанется мясо. В это время к колодцу подошел Гуань Юй, легко, словно шарик от самострела, поднял камень, взял мясо и пошел прочь. Чжан Фэй догнал его и бросился на него с кулаками. Началась драка (бытовой вариант поединка), силы оказались равными (что тоже обычно для эпоса). Их разнимает Лю Бэй, продававший плетеные сандалии, они знакомятся и становятся побратимами. По другому варианту, они состязаются в лазанье на дерево, но в книжной эпопее не осталось и следов этого типично фольклорного мотива. Любопытно и другое: в устных легендах зачинщиком всюду выступает Чжан Фэй – типичный эпический герой-забияка, отвага и несдержанность которого могут погубить то дело, за которое борются герои. В народной книге, созданной до «Троецарствия», описание встречи будущих побратимов начинается именно с Чжан Фэя, действие как бы ориентировано на него, а в книжной эпопее, где, в

соответствии с конфуцианскими взглядами автора, на первое место выступает законный потомок ханьских императоров Лю Бэй, действие начинается с него, именно он встречает Чжан Фэя и Гуань Юя, а не они его. Это, казалось бы, мелкое изменение, тем не менее, точно отражает иную позицию автора, хотя в тексте эпоса Чжан Фэй и остается героем-забиякой: он то избивает ревизора, приехавшего проверять Лю Бэя (согласно «Истории» Чэнь Шоу, его избил сам Лю Бэй), то рвется в бой, не желая выполнять хитрые стратегические замыслы Чжугэ Ляна. В «Троецарствии» Чжан Фэй сохраняет многие черты народного героя – богатыря. Исторический Чжан Фэй был человеком образованным, славился не только как воин, но и как искусный каллиграф, в эпосе же он неграмотный мясник, умеющий лишь биться с врагом. Сохраняя многие черты эпического образа Чжан Фэя, Ло Гуаньчжун в то же время стремился несколько снизить эпичность образа, сделать его более правдоподобным исторически. В «Троецарствии» есть такой знаменитый эпизод: от могучего крика Чжан Фэя падает с коня вражеский полководец Сяхоу Цзе, а сам Цао Цао в страхе бежит без оглядки со своим войском. (Как не вспомнить здесь богатырский окрик Ильи Муромца, от которого шатались дома и падали маковки церквей!) Однако, если мы обратимся к тексту народной книги, то прочитаем о ситуации более удивительной, чем в эпосе, – от громоподобного крика Чжан Фэя рухнул Чанбаньский мост. Ло Гуаньчжун не пожелал заимствовать столь неправдоподобную эпическую гиперболу.

По-иному описан в «Троецарствии» Гуань Юй, главное в его образе – верность клятве, данной при братании, он до конца верен Лю Бэю, но не столько как вассал своему патрону, сколько как младший брат старшему брату. Долг для него превыше всего. Как ни ублажал его Цао Цао, как ни старался задобрить подарками, он вернулся к Лю Бэю, едва узнал, где находится его названный брат. Гуань Юй великодушен, он не дерется с уставшим противником или врагом, попавшим в тяжелое положение, в его правилах бой только на равных. Вот почему он великодушно отпускает Цао Цао, имея полную возможность взять его в плен на дороге Хуажундао.

Особенности, присущие каждому герою, находят соответствие и в его внешнем облике. У неистового Чжан Фэя голова барса и тигриные усы, отличительным знаком Гуань Юя является цвет его лица – кирпично-красный, такой, какой бывает у перезрелого финика-жужуба. По легенде, не нашедшей отражения в эпосе, а записанной в 30-е годы нашего века, Гуань Юй родился из крови казненного на небесах дракона – превращение не смогло завершиться, потому что, как это обычно бывает в сказках и легендах, чашку с кровью открыли на день раньше срока. Красный цвет лица в традиционном китайском театре – символ беспредельной верности долгу, и в этом смысле грим Гуань Юя чрезвычайно типичен. Красное лицо считалось отражением «красного» (то есть верного, искреннего, не знающего колебаний) сердца.

Совсем по-иному нарисован портрет Лю Бэя. Если описание внешности Чжан Фэя и Гуань Юя автор эпоса позаимствовал из народной книги, то облик Лю Бэя он целиком перенес из «Истории Трех царств» Чэнь Шоу. Описание это на первый взгляд весьма странное – у Лю Бэя свисающие до плеч уши, длинные, ниже колен, руки. Разгадка, однако, в том, что, описывая Лю Бэя, историограф III века меньше всего думал создать его реальный портрет, он использовал полагающиеся Лю Бэю по этикету как основателю царства Шу эпитеты, заимствованные из буддийского арсенала. И «уши до плеч», и «руки ниже колен» – эпитеты Будды, возникшие в Индии и «пришедшие» в Китай в первых веках новой эры, когда монахи принялись переводить с санскрита на китайский язык буддийские сутры. Так же как и в средневековой Византии, где императоров описывали с помощью эпитетов, полагающихся Христу, в Китае III–VI веков историографы нередко использовали эпитеты Будды при описании внешнего облика государей. Вот почему из героев Трех царств только Лю Бэй, законный с точки зрения конфуцианцев государь – продолжатель императорского рода, отмечен такой необычной внешностью. Уже потом, когда Три царства прекращают свое существование и на исторической арене появляются представители рода Сыма, которым суждено основать новую династию

Цзинь, они описываются с помощью этих же буддийских знаков. В описание внешнего облика героев эпопеи входят и их одежда, и их оружие. Эти описания не соответствуют историческим реалиям, они взяты из устных вариантов сказаний, в которых народные рассказчики красочно описывали одеяния своих героев, свободно перенося их из сказа о событиях XI века до н. э. в сказ о правившей в VII–X веках династии Тан. Каждый герой-воин в «Троецарствии» воюет со своим характерным оружием: Гуань Юй выезжает на бой с мечом Черного дракона, Чжан Фэй – с длинным «змееподобным» копьем, Люй Ву – с алебардой Квадратное небо. Это оружие – такой же знак эпического героя, как и его необычная внешность. Из дошедшего до нас древнего «Трактата о мечях» мы знаем, что у реального Гуань Юя было немало разных мечей, с которыми он, видимо, и выезжал на бой, но в эпопее он всегда вооружен своим мечом Черного дракона, который напоминал древнерусский бердыш – это было огромное кривое лезвие на длинной, в рост человека, рукояти, заканчивавшейся мордой дракона, из пасти которого как бы и выходило лезвие (потому он и назывался мечом дракона). Лю Бэй, как заметит читатель, изображен в «Троецарствии» весьма пассивным. Сам он решений не принимает, объявить себя императором не решается. Нет сомнений, что образ его создан в соответствии с традиционным для конфуцианства представлением о том, что идеальный правитель «управляет, не действуя», за него дела вершат мудрые сановники, которые заботятся о народе. Таким мудрым сановником и предстает в эпопее Чжугэ Лян. Чжугэ Лян тоже персонаж исторический, он один из лучших стратегов раннесредневекового Китая. До нас дошло даже собрание его сочинений, составленное тем же историографом Чэнь Шоу. В образе Чжугэ Ляна в эпопее как бы соединены воедино черты конфуцианского мудреца и даоса-мага.

Он и описан в эпопее как даос. Его отличительным знаком является накидка из журавлиных перьев, а журавль ассоциировался в представлении китайцев с бессмертными святыми даосских верований, которые подымались в небеса верхом на журавлях. И веер из перьев, одним взмахом которого Чжугэ Лян отправляет в бой целые армии, – тоже примета не военачальника, а отшельника-даоса. Чжугэ Лян в эпопее всегда выезжает на поле боя в коляске. Это тоже не случайно, он подражает знаменитому стратегу китайской древности – полководцу IV века до н. э. Сунь Биню. По ложному доносу в царстве Вэй Сунь Бинь был обвинен в преступлении, и ему отрубили ноги. Посол другого царства Ци, тайком увез Сунь Биня к себе, и тот впоследствии руководил военными действиями против Вэй, следуя за войском в коляске. Точно так же поступает в эпопее и Чжугэ Лян. Он не только читает знамения Неба и умеет сам придумывать хитроумные планы разгрома противника, но и может творить заклинания и вызывать, например, ветер и дождь. Знаменитый эпизод о том, как Чжугэ Лян помог полководцу царства У Чжоу Юю разгромить флот Цао Цао, как раз и построен на этом умении. Следует, однако, сказать, что, создавая художественный образ Чжугэ Ляна, автор книжной эпопеи нередко приписывал ему и чужие деяния. Так, например, в главе сорок шестой рассказывается о том, что Чжугэ Лян обещает Чжоу Юю за три дня изготовить сто тысяч стрел. Он снаряжает суда, велит привязать к бортам снопы соломы и ночью с шумом выехать навстречу судам Цао Цао. Воины Цао Цао стали беспорядочно стрелять в приближающиеся, но невидимые в тумане суда, и все снопы с одного борта оказались утыканы стрелами; тогда Чжугэ Лян велел подставить другой борт и получил еще столько же. Так за одну ночь только благодаря смекалке Чжугэ Лян добыл сто тысяч стрел. Из исторических сочинений мы знаем, что подобная история не имеет отношения к реальному Чжугэ Ляну. В «Кратком описании царства Вэй» рассказывается, например, что правитель земель У по имени Сунь Цюань в 213 году, во время войны с Цао Цао, отправился на своем корабле на разведку и подъехал к судам противника. Вражеские воины усыпали его корабль стрелами; тогда Сунь Цюань, чтобы восстановить равновесие, велел повернуться к врагу другим бортом и так избежал катастрофы. В народной книге этот маневр приписан уже Чжоу Юю, причем речь идет не о случае во время разведки, а о сознательной хитрой операции с целью добычи стрел. Ло Гуаньчжун заимствовал этот сюжетный ход, но при-

писал его Чжугэ Ляну, поскольку это более соответствует логике его художественного повествования и образу хитроумного стратега. Он использовал и различные другие легенды, создав образ всеведущего советника-мага, который сродни аналогичным типам мудрых советников эпоса разных народов, вроде Мерлина из западноевропейских сказаний о короле Артуре.

Иначе обрисованы в «Троецарствии» противники Лю Бэя – коварный Цао Цао и правители царства У. Цао Цао человек хотя и талантливый, но, как и все тираны, подозрительный и коварный. Цао Цао в эпопее – антипод Лю Бэя. Лю Бэй правит с помощью гуманности, в его образе воплощен народный идеал мудрого правителя, Цао Цао поддерживает свою власть насилием. Лю Бэй почтителен к матери, Цао Цао еще в детстве прославился тем, что обманывал своего дядю, у которого воспитывался (эти подробности сняты в сокращенном русском издании). Лю Бэй во всем слушается Чжугэ Ляна, Цао Цао полагается только на свой ум и карает тех, кто осмеливается критиковать его проступки. Цао Цао подозрителен. Он казнит знаменитого лекаря Хуа То, который предлагает сделать ему под наркозом трепанацию черепа (факт реальный, а не вымышленный, Хуа То действительно пользовался снадобьями, которые снимали боль во время операций), Цао Цао убивает слугу, приблизившегося к спящему хозяину, чтобы поправить одеяло. Этот и многие другие мелкие эпизоды, связанные с Цао Цао, были записаны уже в неофициальных сочинениях III–VI веков, откуда их заимствовал Ло Гуаньчжун. Вместе с тем у Ло Гуаньчжуна образ Цао Цао неоднозначен. Цао Цао бывает смел, иногда даже выказывает великодушие к побежденным, иногда запрещает своим воинам грабить жителей покоренных земель. В отличие от фольклора, где герои четко делятся на абсолютно положительных и абсолютно отрицательных, Цао Цао был нарисован автором эпопеи как герой более сложный и противоречивый.

Однако жизнь средневекового художественного произведения, особенно относящегося к так называемой «простонародной» литературе, не похожа на жизнь современного произведения. Почти все китайские книжные эпопеи на протяжении веков подвергались переделкам и изменениям. То же произошло и с «Троецарствием». В XVII веке некто Мао Цзунган, о котором почти ничего не известно, несколько видоизменил текст эпопеи Ло Гуаньчжуна, сделал из двухсот сорока главок сто двадцать глав, придумал для них новые названия на манер двустий (это соответствовало сложившейся после Ло Гуаньчжуна традиции), уменьшил количество вставных стихов и цитируемых официальных документов, усилил отрицательное начало в образе Цао Цао, снял некоторые мелкие эпизоды и отдельные детали, составил интересные комментарии к большинству эпизодов и к каждой главе. Работу Мао Цзунгана трудно оценить однозначно: положительно или отрицательно. Факт тот, что с этого времени «Троецарствие» стало издаваться только в его обработке. Именно эта версия переведена на многие восточные и западные языки. По ней создавались пьесы для пекинской музыкальной драмы (их известно около ста пятидесяти), для репертуара всех местных разновидностей китайского театра (а их насчитывается более четырехсот). «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна в версии Мао Цзунгана стало основой и для поздних сказительских вариантов. Как говорилось выше, народные сказители исполняли сказания о героях Трех царств еще до Ло Гуаньчжуна. После появления его эпопеи они стали пользоваться ею как основой для своих устных выступлений. Выступления эти продолжают и по сей день. Автор этого предисловия еще в 1959 году на Небесном мосту в Пекине слышал, как замечательный сказитель Лянь Кожу рассказывал о Чжан Фэе, своим криком устроившем воинов Цао Цао на Чанбаньском склоне, а приехав в Китай в 1981 году, ходил на выступления дочери Лянь Кожу, которая унаследовала мастерство отца. В разных местностях существуют свои школы исполнения «Троецарствия». Рассказывают эту эпопею и восточномонгольские хурчи. Популярна она и в Таиланде, где, как говорят, переделаны главы, повествующие о походах Чжугэ Ляна против вождя южных (видимо, тайских) племен Мэн Хо. Семь раз в эпопее берет его в плен Чжугэ Лян, желая заставить покориться Шускому царству. В этом эпизоде особенно заметно характерное для феодального Китая стремление показать

свое культурное превосходство над не знающими культуры «варварами». Так вот, переделывая «Троецарствие», в Таиланде создали свою версию, согласно которой Мэн Хо брал в плен Чжугэ Ляна, показывая свое военное превосходство, а не наоборот.

Видимо, уже в XIV–XVII веках появились и первые иллюстрации-гравюры к эпосе Ло Гуаньчжуна (напомним, что иллюстрированной была и предшествующая «Троецарствию» народная книга). Впоследствии тема борьбы Трех царств заняла свое место и на красочных народных лубочных картинах, которые печатаются с досок и до сих пор. И сейчас еще в знаменитых мастерских Янлюцина (в Тяньцзине) можно приобрести отпечатанную со старой доски и раскрашенную вручную картину с изображением приезда Лю Бэя в царство У для женитьбы на дочери тамошнего правителя. В прошлом веке лубки на темы «Троецарствия» во множестве изготавливались и во Вьетнаме – так популярно было там это произведение.

«Троецарствие» – самая ранняя китайская книжная эпопея. Она интересна для нас как памятник дальневосточного Средневековья, рисующий исторические события того времени, показывающий народные идеалы и особенности общественной жизни старого Китая, обусловленные конфуцианством и даосизмом. Чтение эпопеи помогает лучше понять Китай сегодняшний, со всеми его сложностями и противоречиями.

Русский перевод «Троецарствия», выполненный по версии Мао Цзунгана, появился впервые в 1954 году. Настоящая книга представляет собой сокращенное издание того же перевода, в котором сохранена основная сюжетная линия произведения. При подготовке этого издания были сокращены многие однотипные эпизоды, бесчисленные описания поединков, многочисленные вставные стихи, сведения, перенесенные Ло Гуаньчжуном из летописи, и исторические подробности, которые требуют для русского читателя большого и сложного комментария. Кроме того, в текст были внесены необходимые уточнения и исправления. Думается, что в таком виде эта старинная эпопея станет более доступной нашему читателю. В книге воспроизведены китайские гравюры из издания «Троецарствия», сделанного с досок в XVII веке, возможно, из того самого издания, которое было привезено в 1821 году в Россию и сохранилось в фондах Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук.

Б. Рифтин

Глава первая

Пируя в Персиковом саду, три героя дают клятву. Разгромив Желтые повязки, братья совершают свой первый подвиг

Говорят, что великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются.

В конце правления династии Чжоу ¹ семь княжеств вели друг с другом междоусобные войны, пока княжество Цинь не объединило их в одно царство ². А когда пало царство Цинь, началась борьба между княжествами Хань и Чу ³, завершившаяся их объединением под властью династии Хань.

Основатель Ханьской династии Гао-цзу ⁴, поднявшись на борьбу за справедливость, отрубил голову белой змее и объединил всю Поднебесную.

Впоследствии, когда династия Хань находилась на краю гибели, ее снова возродил Гуаньфу ⁵. Империя была единой до Сянь-ди, затем распалась на три царства. Но до того, как она распалась на три царства, государь Хуаньди ⁶ по наветам евнухов заточал в тюрьмы ни в чем не повинных людей.

При его преемнике, Лин-ди, евнухи стали еще больше бесчинствовать.

И вот появились дурные предзнаменования. Так, в день полнолуния четвертого месяца второго года периода Установления спокойствия ⁷, когда император Лин-ди поднялся на трон, во дворец ворвался порыв ветра, с балки спустилась огромная черная змея и обвилась вокруг трона. Император от испуга упал. Змея исчезла, загрохотал гром, хлынул дождь и посыпался град.

Во втором месяце четвертого года периода Установления спокойствия в Лояне случилось землетрясение. Восемь лет спустя, в первом году периода под девизом Блеск и Согласие ⁸, куры запели петухами. В день новолуния шестого месяца во дворец влетела огромная черная туча. Осенью в Нефритовом зале засияла радуга. Обрушились скалы в Уюане.

¹ С XI в. до н. э. Китай управлялся династией Чжоу, однако постепенно власть Чжоуского двора становилась все более и более номинальной, и в V–III вв. до н. э. страна фактически распалась на семь уделов: Цинь, Чу, Хань, Чжао, Ци, Вэй и Янь.

² Постепенно северо-западное царство Цинь присоединило к себе земли остальных уделов, и Китай был объединен вновь под эгидой династии Цинь, правившей с 221 по 207 г. до н. э.

³ Последнее десятилетие III в. до н. э. в Китае ознаменовано мощными крестьянскими выступлениями против императорской власти. Ставший во главе восставших мелкий чиновник Лю Ван и потомственный военачальник Сян Юй в 207 г. до н. э. свергают последнего императора династии Цинь, и в следующем году Лю Ван провозглашает новую династию – Хань, а себя царем – ваном. Однако Сян Юй, его главный соперник, обосновавшийся на землях удела Чу, тут же начинает войну против Лю Вана, которая завершается победой последнего, в 202 г. до н. э. принявшего титул императора.

⁴ *Гао-цзу* (букв.: «Высокий предок») – посмертный императорский титул, под которым известен в истории основатель династии Хань Лю Бан. Правил с 206 по 195 г. до н. э.

⁵ В 17–18 гг. н. э. в Китае вспыхивает восстание «краснобровых»; под ударами повстанцев, избравших своего императора, рушится Ханьская империя. Но тут на политическую арену выступает родственник правящего дома, землевладелец Лю Сю, который в 25 г. и провозглашается императором Гуаньфу-ди (Блистательный и воинственный государь). Он назвал свою династию Восточная Хань.

⁶ *Хуань-ди* – император Восточной Ханьской династии; правил с 146 по 167 г.

⁷ В Древнем Китае, начиная со 163 г. до н. э., каждый император при вступлении на престол избирал себе особый пышный девиз правления. Девизы правления нередко менялись по прихоти государя в связи с теми или иными событиями в жизни страны, так что один император мог править сначала под одним, а потом под другим девизом. «Установление спокойствия» – девиз правления императора Лин-ди. Второй год под этим девизом – 168 г. н. э.

⁸ *Блеск и Согласие* – третий из девизов правления Лин-ди, под которым он правил со 178 г.

Советник Цай Юн в докладе государю объяснил превращение кур в петухов тем, что власть перешла в руки женщин и евнухов. Тогда евнухи оклеветали Цай Юна, он был сослан в деревню, евнухи же фактически стали управлять страной. Возмущенный их произволом, народ помышлял о восстании, роем поднялись, точно осы, разбойники и грабители.

В то время в области Цзюйлу жили три брата – Чжан Цзяо, Чжан Бао и Чжан Лян. Чжан Цзяо собирал в горах целебные травы и однажды повстречал там старца, который пригласил его к себе в пещеру, передал ему три свитка божественной книги и промолвил:

– Вручаю тебе изложенные здесь основы учения Великого спокойствия. Возвести народу о них от имени Неба и спаси род человеческий. Если же отступишься, несчастье падет на тебя!

Сказав это, старец исчез.

Чжан Цзяо денно и нощно постигал книгу, научился вызывать ветер и дождь, а в первом лунном месяце первого года периода Срединного спокойствия ⁹, когда на людей напал мор, многих исцелил наговорной водой. Число его учеников и последователей росло день ото дня. Из них Чжан Цзяо создал тридцать шесть дружин, поднял войско и провозгласил себя полководцем князя Неба, Чжан Бао – полководцем князя Земли и Чжан Ляна – полководцем князя Людей. Они распространяли слухи, что Синему небу скоро конец, что на смену ему придет Желтое небо и что в первом году нового цикла в Поднебесной воцарится Великое благоденствие.

– Дни Ханьской династии сочтены. Появился великий мудрец. Повинуйтесь Небу и служите Правде. Наградой вам будет Великое спокойствие! – обратился Чжан Цзяо к народу.

Народ откликнулся на призыв Чжан Цзяо. Четыреста или пятьсот тысяч человек повязали головы желтыми повязками и примкнули к мятежу. Силы мятежников были огромны. При их приближении императорские войска разбегались.

Когда армия Чжан Цзяо подошла к границам округа Юнчжоу, его правитель Лю Янь объявил набор добровольцев.

И вот в уезде Чжосянь отыскался среди добровольцев настоящий герой.

Он не любил читать книги, был великодушен, немногословен, ни радость, ни гнев не отражались на его лице, зато душа была преисполнена великими замыслами и желанием водить дружбу с героями Поднебесной. Высокий рост, смуглое лицо, алые губы, свисающие вниз уши, глава навывкате, длинные руки – все выдавало в нем человека необыкновенного. Это был Лю Бэй, по прозвищу Сюань-дэ, – потомок Лю Шэна, Чжуншаньского вана, и праправнук ханьского государя Цзин-ди.

Лю Бэй рано лишился отца, они с матерью плели сандалии да циновки, тем и кормились. Возле их дома росло высокое тутовое дерево с кроной, напоминавшей крытую колесницу, – знак того, что из семьи Лю выйдет знаменитый человек.

Когда Лю Янь призвал желающих вступить в войска, Лю Бэйу было двадцать восемь лет. Он горестно вздохнул, прочтя воззвание, и вдруг услышал за спиной громоподобный голос:

– Что это вы так тяжело вздыхаете?

Лю Бэй оглянулся и увидел мужчину могучего сложения, с головой барса, круглыми глазами, короткой толстой шеей и ошетиенными, как у тигра, усами. Необычайный вид незнакомца поразил Лю Бэя.

– Кто вы? – спросил он.

– Я Чжан Фэй, – ответил незнакомец. – Наш род извечно живет в Чжосяне, у нас тут усадьба и поле; мы режем скот, торгуем вином и водим дружбу с героями Поднебесной.

– А я потомок Ханьского императорского дома, прозываюсь Лю Бэй. Вздохнул же я потому, что у меня нет ни сил, ни средств, чтобы расправиться с мятежниками.

⁹ В 184 г. Лин-ди провозгласил новый девиз правления – Срединное спокойствие.

– Ну, денег-то у меня хватит! – сказал Чжан Фэй. – А что, если мы с вами подыдем деревенских молодцов на великое дело?

Такое предложение пришлось Лю Бэю по душе. Они вместе отправились в харчевню выпить вина. Вдруг какой-то рослый детина подкатил к воротам груженую тележку и, немного отдышавшись, крикнул слуге:

– Эй, вина мне и закуски! Да поживей поворачивайся – я тороплюсь в город, хочу вступить в армию!..

Длинная борода, лицо – перезрелый финик, брови – гусеницы шелкопряда, высокий рост, величественная осанка. Все это привлекло внимание Лю Бэя. Он пригласил незнакомца к столу и спросил, кто он такой и откуда родом.

– Зовут меня Гуань Юй, а родом я из Цзеляна, что к востоку от реки Хуанхэ, – ответил тот. – Там я убил кровопийцу, который притеснял народ, и пришлось мне бежать. Вот уже несколько лет скитаюсь я по рекам и озерам и теперь, прослышав, что здесь набирают войско, явился на призыв.

Лю Бэй рассказал ему о своем плане. Гуань Юй план понравился, и они вместе с Чжан Фэем стали его обсуждать.

– У меня за домом Персиковый сад, – сказал Чжан Фэй. – Сейчас он в полном цвету, и как раз настала пора принести жертвы Земле и Небу. Давайте же завтра совершим церемонию жертвоприношения и соединим свои сердца и силы в братском союзе, чтобы начать великое дело.

На следующий день они закололи черного быка, белую лошадь, воскурили в цветущем Персиковом саду благовония и, дважды поклонившись, произнесли клятву:

– Мы, Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй, клянемся быть братьями, дабы, соединив сердца свои и силы, послужить государству и принести мир простому народу. Клянемся умереть в один год, в один месяц, в один день. Того же, кто нарушит клятву, да покарают Небо и Земля!

После этого они признали Лю Бэя старшим братом, Гуань Юя – средним братом, а Чжан Фэя – младшим братом.

Лю Бэй вооружился обоюдоострым мечом, Гуань Юй – мечом Черного дракона весом в восемьдесят два цзиня а Чжан Фэй – копьем длиною в два человеческих роста, после чего они на грудь надели панцири. С ними было более пятисот деревенских храбрецов.

Через несколько дней стало известно, что предводитель Желтых повязок – Чэн Юаньчжи во главе пятидесятитысячного войска вторгся в округ Чжоцзюнь. Правитель округа Лю Янь приказал отдать под командование Лю Бэя и его братьев отряд из пятисот воинов и послать их на разгром мятежников. И вот братья выступили в поход и расположились лагерем у подножия Дасинских гор на виду у мятежников. Когда оба войска встали друг против друга, Лю Бэй выехал на коне вперед. По левую руку у него был Гуань Юй, по правую – Чжан Фэй.

Размахивая плетью и всячески понося мятежников, Лю Бэй потребовал, чтобы они немедленно сдались. Чэн Юаньчжи пришел в ярость и дал команду своему помощнику Дэн Мао вступить в поединок. Чжан Фэй схватил свое длинное копье и вонзил его прямо в сердце Дэн Мао. Тот замертво упал с коня. Тогда Чэн Юаньчжи подхлестнул коня и, в свою очередь, бросился на Чжан Фэя. Но навстречу ему, вращая в воздухе своим огромным мечом, уже несли Гуань Юй. Не успел Чэн Юаньчжи опомниться, как меч Гуань Юя рассек его надвое. Мятежники побросали копья и обратились в бегство.

Чжан Фэй, Лю Бэй, Гуань Юй

А на следующий день пришла весть от Гун Цзина, правителя округа Цинчжоу. Он сообщал, что город окружен мятежниками, и молил о помощи. Лю Бэй согласился пойти на выручку Гун Цзину и во главе пятитысячного войска двинулся на Цинчжоу. Но победы не одержал, отступил и расположился лагерем.

– Мятежников много, – сказал он своим братьям, – их можно победить только хитростью. Ты, Гуань Юй, с тысячью воинов укроешься в горах слева, а Чжан Фэй, тоже с тысячью воинов, укроется в горах справа. Сигналом к выступлению будут удары в гонг.

На другой день войско мятежников было разбито, а осада с Цинчжоу снята.

В это время пришла весть, что Лу Чжи сражается в Гуанцзуне против главаря мятежников Чжан Цзяо. А Лу Чжи был некогда учителем Лю Бэя, и Лю Бэй решил ему помочь.

Вместе с братьями Лю Бэй отправился в Гуанцзун. Лу Чжи обрадовался ему и сказал:

– Здесь я окружил мятежников, но братья их главаря, Чжан Лян и Чжан Бао, стоят лагерем в Инчуане против Хуанфу Суна и Чжу Цзюаня. Я дам вам тысячу пеших и конных воинов, отправляйтесь туда и разузнайте, что там да как.

Лю Бэй поднял войско и двинулся в Инчуань.

В это время Хуанфу Сун и Чжу Цзюань потеснили мятежников к Чаншэ, а ночью подожгли их лагерь, сооруженный из ветвей и сухой травы. Повстанцы бежали, не успев в панике ни оседлать коней, ни облачиться в латы.

С остатками войск Чжан Лян и Чжан Бао вырвались на дорогу, но здесь им путь преградил отряд во главе с Цао Цао. Он был высокого роста, с маленькими глазами и длинной бородой.

Как-то некий Цяо Сюань сказал Цао Цао:

– В Поднебесной грядет великая смута, и принести мир сможет лишь тот, кто обладает выдающимися талантами. Вам, господин, надлежит совершить это благородное дело.

Двадцати лет Цао Цао сдал экзамен, получил звание лана и был пожалован должностью начальника уезда, расположенного к северу от столицы Лоян. Был он нелицеприятным, нарушителей порядка строго наказывал, будь то богач или бедняк, простолюдин или знатный.

Как только вспыхнул мятеж Желтых повязок, Цао Цао во главе пяти тысяч конных и пеших воинов отправился в Инчуань. Он как раз и преградил путь отступавшим в беспорядке мятежникам, перебил их более десяти тысяч, захватил знамена, гонги, барабаны и множество коней.

Когда Лю Бэй с братьями привел свои войска в Инчуань, Хуанфу Сун сказал:

– Силы Чжан Ляна и Чжан Бао истощены. Сейчас они побегут в Гуанцзун под защиту Чжан Цзяо. Лучше всего вам отправиться туда.

Лю Бэй повернул обратно. На полпути братья повстречали конный отряд, сопровождавший повозку для преступников. Каково же было их удивление, когда в повозке они увидели Лу Чжи!

– По навету евнуха Цзо Фына меня сместили с должности и сейчас везут в столицу на суд, – сказал Лу Чжи.

Услышав такое, Чжан Фэй в ярости схватился за меч. Он хотел перебить стражу и освободить Лу Чжи, но Лю Бэй его удержал.

Лу Чжи повезли дальше, а Гуань Юй сказал:

– Не лучше ли нам вернуться в Чжоцзюнь? Лу Чжи больше не командует войсками, и там, куда мы идем, у нас нет опоры.

Лю Бэй согласился с ним, и они двинулись на север. Шли два дня, поднялись на гору и тут увидели, что ханьские императорские войска бегут и их преследуют мятежники со знаменами, на которых написано: «Войско полководца князя Неба».

– Это Чжан Цзяо! – воскликнул Лю Бэй. – Скорее в бой!

Войско Чжан Цзяо, только что разгромившее армию Дун Чжо и преследовавшее ее по пятам, дрогнуло от неожиданного натиска.

Братья выручили Дун Чжо и проводили его в лагерь. Когда же Дун Чжо узнал, что храбрыцы не имеют ни чинов, ни рангов, он стал относиться к ним с презрением. Тогда Лю Бэй в гневе покинул шатер.

– Мы спасли этого негодяя, – возмутился Чжан Фэй, – а он оказался таким неблагодарным! Я не смирю свой гнев, пока не убью его! – И, выхватив меч, Чжан Фэй направился в шатер Дун Чжо. Вот уж поистине:

Деянья и думы людей сегодня, как древле, все те же.
Кто может сказать: человек – герой он иль простолюдин?
Попробуй на свете сыщи храбрей и проворней Чжан Фэя,
Который обидчиков всех готов был повергнуть один.

О дальнейшей судьбе Дун Чжо вы узнаете из следующей главы.

#####¹⁰

¹⁰ Конец главы (кит.).

Глава вторая

Чжан Фэй в ярости избивает окружного инспектора. Хэ Цзинь замышляет перебить дворцовых евнухов

Итак, Чжан Фэй хотел убить Дун Чжо, но братья его удержали.

– Он посланец императорского двора! Как же можно поднять на него руку?!

– Если вы хотите служить этому наглецу, оставайтесь, а я уйду! – заявил Чжан Фэй.

– Мы поклялись жить и умереть вместе, – сказал Лю Бэй. – Мы тоже уйдем.

Ночью братья повели свой отряд к Чжу Цзюаню. Тот принял их с радостью, и они, объединив свои силы, выступили против Чжан Бао.

В это же время Цао Цао присоединился к Хуанфу Суну. Они вместе выступили против Чжан Ляна, и в Цюйяне произошла великая битва.

Чжу Цзюань атаковал Чжан Бао, возглавлявшего почти девяностотысячное войско мятежников, и послал вперед Лю Бэя. Чжан Бао же выставил против него своего помощника Гао Шэна.

С копьем наперевес на Гао Шэна бросился Чжан Фэй и после нескольких схваток сбил противника с коня. Лю Бэй тотчас же подал сигнал к наступлению. Тогда Чжан Бао распустил волосы и, опершись на меч, стал творить заклинание. Завыл ветер, загрохотал гром. С неба спустилась черная туча, и из нее потоком хлынули тысячи конных и пеших воинов, которые тут же вступили в бой. Войско Лю Бэя пришлось в смятение, и он поспешно отступил.

– Чжан Бао прибегнул к колдовству, но я его перехитрю, – сказал Чжу Цзюань. – Завтра же мы зарежем свиней, баранов и собак, наполним их кровью сосуды и устроим засаду в горах. Когда мятежники на нас нападут, мы обрызгаем их нечистой кровью, и все их колдовство потеряет силу.

Так и сделали. На другой день на высоком холме установили сосуды с кровью свиней, баранов и собак, и когда мятежники пошли в наступление, Лю Бэй выступил им навстречу. Едва противники скрестили оружие, как Чжан Бао сотворил заклинание, и снова, как накануне, из черной тучи на землю потоком хлынули конные и пешие воины. Лю Бэй обратился в бегство. Мятежники его преследовали. Но едва лишь они достигли холма, как сверху на них полилась нечистая кровь, а на землю попадали бумажные человечки и соломенные кони!

Чжан Бао понял, что его чары развеяны, и хотел отступить. Но на него с четырех сторон одновременно ударили Гуань Юй, Чжан Фэй, Лю Бэй и Чжу Цзюань. Армия мятежников была полностью разгромлена. Раненому Чжан Бао самому едва удалось спастись.

За это же время Хуанфу Сун одержал подряд семь побед. В боях с ним пал Чжан Лян. Что касается Чжан Цзяо, то он был убит еще ранее. Однако оставшиеся в живых предводители мятежников Чжан Хун, Сунь Чжун и Хань Чжун собрали десятитысячную армию, объявили себя мстителями за Чжан Цзяо и продолжали борьбу.

Чжу Цзюань получил высочайший указ усмирить мятежников и двинул свои войска к Юаньчэну, где те укрепились.

Расположившись лагерем неподалеку от города, Чжу Цзюань стал готовиться к бою. В это время с востока подошел еще один отряд войск. Возглавлял его военачальник богатырского телосложения. Звали его Сунь Цзянь, и был он потомком знаменитого Сунь-цзы ¹¹.

¹¹ Сунь-цзы (учитель Сунь) – почтительное прозвание Сунь У (конец VI – начало V в. до н. э.), великого стратега и полководца Древнего Китая, основоположника китайского военного искусства, учение которого изложено в трактате, названном «Сунь- цзы».

Сунь Цзянь предложил Чжу Цзюаню вместе напасть на город. Под их ударом город пал. Мятежники понесли тяжелые потери, пленных было не счесть. В нескольких десятках областей был установлен мир.

За свои подвиги Чжу Цзюань получил звание начальника конницы и колесниц и был назначен правителем Хэнани. Он представил доклад о заслугах Сунь Цзяня и Лю Бэя. Сунь Цзянь, благодаря своим высоким связям, тоже быстро получил должность. И лишь Лю Бэй был обойден вниманием, и ему пришлось долго ждать. Только после случайной встречи с советником Чжан Цзюнем, который за него походатайствовал, Лю Бэя назначили начальником уезда Аньси.

Отбывая к месту службы, Лю Бэй распустил по домам своих воинов. Он взял с собой лишь Гуань Юя, Чжан Фэя да человек двадцать, наиболее преданных ему. Вступив в должность, он быстро навел порядок в своем уезде, и спустя месяц там уже никто не совершал преступлений.

Однако вскоре императорский двор объявил о разжаловании всех, кто получил гражданские должности за военные заслуги.

В уезд прибыл окружной инспектор. Он прямо прошел в зал уездного управления и уселся на возвышении. Лю Бэй остался стоять у ступеней.

– Начальник уезда Лю Бэй, кто ты родом? – спросил инспектор.

– Я потомок Чжуншаньского вана, – отвечал Лю Бэй. – Должность получил в награду за заслуги в битвах с Желтыми повязками.

– Лжешь! – рявкнул инспектор. – Ты не родственник правящего дома, и никаких заслуг у тебя нет! Есть высочайшее повеление разжаловать подобных тебе самозванцев!

Он вызвал уездных чиновников и приказал им писать жалобу на Лю Бэя, будто тот притесняет народ.

В это время мимо подворья, где остановился инспектор, верхом проезжал Чжан Фэй. У ворот он увидел толпу плачущих стариков.

– Что тут происходит? – спросил он.

– Инспектор требует, чтобы чиновники оклеветали начальника уезда, а мы пришли за него заступиться, – отвечали ему. – Стражники нас не пускают, да еще бьют.

Чжан Фэй пришел в ярость. Он спрыгнул с коня, бросился к воротам, растолкал стражников и ворвался в зал. Инспектор восседал на возвышении, а перед ним на полу лежали связанные чиновники.

– Разбойник! Притеснитель народа! – крикнул Чжан Фэй, схватил его за волосы, вышвырнул из зала, привязал к коновязи и принялся нещадно хлестать прутом по месту ниже спины.

Лю Бэй услышал шум и вышел узнать, что произошло.

– Уважаемый Лю Бэй, спасите меня! – взмолился инспектор. Добрый по натуре, Лю Бэй приказал Чжан Фэю остановиться. В это время подошел Гуань Юй.

– Старший брат, – сказал он, – бросьте эту ничтожную должность и вернитесь к себе в деревню.

Лю Бэй повесил на шею инспектору знаки власти – пояс с печатью – и пригрозил:

– Услышу еще, что ты притесняешь народ, убью! Бери мои пояс и печать, а я уйду!

Инспектор уехал и пожаловался на Лю Бэя правителю округа Динчжоу. На поиски Лю Бэя и его братьев были посланы люди, но те как в воду ка- нули.

Между тем десять придворных евнухов, полностью захватив власть, совсем распоясались. Они казнили каждого, кто осмеливался им возражать. Народ возмущался. То здесь, то там вспыхивали восстания.

Чжан Фэй избивает ду-ю

В четвертом месяце шестого года Срединного спокойствия ¹² император Лин-ди скончался. Но евнухи не объявили о его смерти. Они написали подложное завещание, в котором покойный государь якобы назначил наследником престола своего сына Се, а затем вызвали во дворец сановников во главе с дядей покойного императора Хэ Цзинем, с которым они давно уже собирались расправиться. Среди сопровождавших Хэ Цзиня был и Цао Цао.

– Главное сейчас – возвести на престол нового государя, а потом покончить с евнухами, – говорил он Хэ Цзиню.

– Все верно, – согласился Хэ Цзинь, – но кто это выполнит?

– Дайте мне пять тысяч воинов, мы ворвемся во дворец, возведем на престол нового государя, перебьем евнухов и установим порядок в Поднебесной! – предложил Юань Шао, инспектор столичной области.

Хэ Цзинь отобрал пять тысяч воинов из императорской охраны, отдал их под командование Юань Шао, а затем в сопровождении сановников явился во дворец. Там, у гроба Лин-ди, он возвел на трон наследника Бяня. Тотчас же вошел Юань Шао, чтобы арестовать евнуха Цзянь Ши, но тот успел выскочить в дворцовый сад и спрятаться. Однако вскоре он был найден и убит. Войска, находившиеся под командованием Цзянь Ши, сдались.

– Сейчас самый удобный момент перебить евнухов, – сказал Юань Шао, обращаясь к Хэ Цзиню, и предложил: – Для этого нужно лишь созвать в столицу доблестных полководцев с их войсками.

– Прекрасный план! – воскликнул Хэ Цзинь.

Он, не мешкая, заготовил указ, чтобы полководцы из всех городов шли в столицу с войсками.

– Не делайте этого! – отговаривал его начальник канцелярии Чэнь Линь. – Неужели вы, имея в своем распоряжении войско и действуя от имени Сына неба, не сумеете справиться с горсткой евнухов? Призывать войска со стороны и не нужно, и опасно. Люди соберутся разные, а это, пожалуй, приведет к смутам и неурядицам.

– Так может рассуждать только трус! – насмешливо заметил Хэ Цзинь.

Тут человек, стоявший рядом с ним, захлопал в ладоши и рассмеялся.

– Чего тут раздумывать! Все это сделать легче, чем взмахнуть рукой!

Хэ Цзинь поглядел на него – это был Цао Цао.

Вот уж поистине:

Хочешь рассеять смуту на самой ее заре,
Слушай благие советы мудрых людей при дворе.

О том, что еще сказал Цао Цао, вы узнаете из следующей главы.

####

¹² То есть в 189 г. н. э.

Глава третья

В саду Тепла и Света Дун Чжо угрожает Дин Юаню. Золотом и жемчугами Ли Су подкупает Люй Бу

В тот же день Цао Цао сказал Хэ Цзиню:

– В несчастьях теперь, как и прежде, повинны евнухи. Их следует уничтожить. Но для этого достаточно одного тюремного смотрителя. К чему призывать отовсюду войска?

Однако Хэ Цзинь не внял словам Цао Цао и тайно разослал гонцов с секретным приказом во все города.

Евнухи же, прознав об этом, устроили засаду, спрятав у дворцовых ворот своих людей, а сами отправились к императрице жаловаться на Хэ Цзиня.

Когда по велению императрицы Хэ Цзинь явился во дворец, евнухи его окружили и стали ему угрожать. Хэ Цзинь струсил и бросился назад, но, добежав до ворот, увидел, что они крепко заперты. Тут из засады выскочили подосланные евнухами головорезы и зарубили Хэ Цзиня.

Между тем Юань Шао, вместе с Цао Цао дожидавшийся Хэ Цзиня, уже стал беспокоиться, что того долго нет, и крикнул:

– Великий полководец, пора ехать!

В ответ евнух Чжан Жан перебросил ему через стену отрубленную голову Хэ Цзиня со словами:

– Хэ Цзинь убит за вероломство. Остальным объявляется прощение.

– На помощь, ко мне! – вскричал Юань Шао. – Евнухи убили опору государя! Перебьем разбойничью шайку!

Один из военачальников Хэ Цзиня поджег ворота. Вместе со своими воинами Юань Шао и Цао Цао ворвались во дворец и стали убивать евнухов, не разбирая ни возраста, ни чина. Лишь немногим удалось спастись, в том числе Чжан Жану и Дуань Гую. Они бежали и увезли с собой малолетнего императора и его брата, носившего титул Чэньлюского вана.

Цао Цао послал за беглецами погоню во главе с чиновником Минь Гуном. Когда их настигли в Бэйманских горах, Чжан Жан бросился в реку и утонул. А малолетний император и Чэньлюский ван спрятались в зарослях тростника и просидели там до четвертой стражи¹³. Выпала роса. Промокшие и голодные мальчики стали карабкаться вверх по берегу, но в темноте не могли найти дорогу. И вдруг сотни тысяч светлячков вспыхнули и закружились перед императором.

– Небо нам пришло на помощь, брат! – воскликнул Чэньлюский ван.

Мальчики пошли за светлячками и вскоре выбрались на дорогу. За ночь они так измучились, что валились с ног, и, заметив стог соломы возле какого-то дома, прилегли отдохнуть.

Хозяину дома как раз в эту ночь приснилось, что два красных солнца опустились за его домом. Встревоженный таким предзнаменованием, он оделся, вышел во двор и увидел яркое сияние, подымавшееся к небу из-за стога соломы.

– Чьи вы, дети? – спросил хозяин, подойдя поближе и заметив мальчиков.

Император был так напуган, что слова не мог вымолвить, а Чэньлюский ван, указывая на него, произнес:

– Это император, он бежал из-за смуты, поднятой евнухами. А я его брат, Чэньлюский ван.

Хозяин, низко кланяясь, произнес:

¹³ В Китае, начиная с эпохи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), время с 7 вечера до 5 утра делилось на пять двухчасовых страж, начало которых отбивали ударами в барабан или гонг.

– Я Цуй И, брат Цуй Ле, бывшего главного блюстителя нравов. Я ненавижу евнухов и вот скрываюсь здесь.

Он ввел императора в дом, опустился перед ним на колени и предложил поест и выпить вина.

В ту же ночь Минь Гун настиг Дуань Гуя и спросил, где Сын неба. Дуань Гуй отвечал, что ничего о нем не знает. Тогда Минь Гун, не раздумывая, убил евнуха и отправился дальше на поиски. Долго он ехал, пока не очутился у дома Цуй И. Там он обо всем рассказал хозяину, и тот ввел его в дом, где находился император.

– Поднебесная ни дня не может оставаться без правителя, – промолвил Минь Гун. – Прошу вас, государь, возвратиться в столицу.

Минь Гун, император и Чэньлюский ван, не мешкая, отправились в путь.

Вдруг солнце заслонил лес знамен, а небо скрыли тучи пыли – навстречу путникам двигался отряд воинов. Когда он приблизился, вперед выехал военачальник и зычным голосом спросил:

– Где Сын неба?

Император в страхе молчал. А Чэньлюский ван, придержав коня, крикнул:

– Сын неба здесь! А вы кто такие? Зачем явились?

– Я Дун Чжо, ревизор округа Силян, – ответил военачальник. – Прибыл охранять особу императора.

Дун Чжо проворно соскочил с коня и поклонился. Ему сразу понравился Чэньлюский ван, который говорил спокойно и с достоинством. «Вот кому надлежит воссесть на трон!» – подумал Дун Чжо.

Когда они достигли столицы, Дун Чжо расположил войска за городскими воротами и ежедневно, сопровождаемый стражниками, разъезжал по улицам, наводя страх на горожан. Как-то Дун Чжо, беседуя с советником Ли Жу, открыл ему свои планы.

– А что, если свергнуть императора и посадить на престол его брата, Чэньлюского вана?

– Сейчас самый подходящий момент для этого, – отвечал Ли Жу. – Завтра же соберем сановников, объявим о низложении императора и возведем на престол Чэньлюского вана. А тех, кто не пожелает повиноваться нам, казним.

На другой день Дун Чжо созвал сановников в сад Тепла и Света на пир. И когда вино обошло несколько кругов, обратился ко всем с такими словами:

– Если Сын неба недостоин уважения, он не может наследовать власть своих предков. Тот, кто ныне воссел на трон, хил и слаб и умом и ученостью уступает Чэньлюскому вану. Посему должно низложить нынешнего императора и возвести на престол Чэньлю-вана. Что скажете на это?

Все молчали. Вдруг один из сановников выступил вперед и сказал:

– Кто ты такой, что дерзнул вести подобные речи? Нынешний государь – законный сын покойного императора! Он не совершил ничего дурного. Не иначе как ты сам посягаешь на трон!

Это был Дин Юань, ревизор округа Цзинчжоу.

– Я убью каждого, кто пойдет против меня! – в гневе крикнул Дун Чжо и схватился за меч. Но Ли Жу его остановил:

– За пиршественным столом не обсуждают государственные дела. Завтра обо всем потолкуем.

– Да, обсудим это в другой раз, – поддержал его блюститель нравов Ван Юнь, глава ведомства чинов.

Сановники разошлись. Ушел и Дин Юань.

На другой день стало известно, что Дин Юань с войском подошел к городу. Дун Чжо вместе с Ли Жу повел свои войска ему навстречу, и когда обе армии выстроились друг про-

тив друга, Дун Чжо увидел Люй Бу, приемного сына Дин Юаня. На узле волос, собранном на макушке, золотой колпачок, а под панцирем с изображением баснословного льва-танни надет расшитый цветами боевой халат с поясом, украшенным драгоценной пряжкой в виде львиной головы. Подхлестнув коня, Люй Бу помчался прямо на Дун Чжо и обратил его в бегство. Под натиском войск Дин Юаня воины Дун Чжо отступили на тридцать ли¹⁴ и расположились лагерь. Дун Чжо созвал военачальников на совет.

– Люй Бу человек необыкновенный, – сказал он. – Вот если бы мне удалось привлечь его на свою сторону, я был бы спокоен за Поднебесную!

Тут к шатру приблизился какой-то человек и сказал:

– Мы с Люй Бу земляки. Он храбр, но не умен, в погоне за выгодой забывает о долге. Попытаюсь уговорить его перейти к вам.

Это был Ли Су, начальник телохранителей Дун Чжо.

– Подарите ему своего скакуна по кличке Красный заяц, – продолжал Ли Су, – и вы завоюете его сердце.

Дун Чжо тотчас же отдал своего замечательного коня, а в придачу еще тысячу лян¹⁵ золота, несколько десятков ясных жемчужин и пояс, украшенный нефритовыми пластинами.

С этими дарами Ли Су предстал перед Люй Бу и обратился к нему с такими словами:

– Узнав о том, что вы ярый приверженец династии, я возликовал сердцем и хочу преподнести вам в дар необыкновенного коня, который за день пробегает тысячу ли, а через реки и горы скачет, словно по ровному месту. Зовут его Красный заяц. Этот конь под стать вашей доблести.

Люй Бу пожелал взглянуть на такое чудо. Конь и в самом деле был великолепен: красный, как пылающие угли, длиной – от головы до хвоста – в один чжан¹⁶, высотой – от копыт до гривы – восемь чи¹⁷.

– Как мне отблагодарить вас, дорогой брат, за такой подарок? – спросил Люй Бу.

– Ничего мне не надо, – отвечал Ли Су, – я пришел к вам, движимый чувством преданности.

По знаку Люй Бу подали вино, и они осушили кубки.

– Мой дорогой брат, – воскликнул Ли Су, – ваши таланты выше неба и глубже моря! Кто в Поднебесной не восхищается вашим славным именем! Вас ждут богатство и почести!

– Жаль, что я не встретил более достойного покровителя, чем Дин Юань! – воскликнул Люй Бу. – Вы, брат мой, служите при дворе. Кого, по-вашему, можно считать истинным героем нашего века?

– Из всех сановников, которых я знаю, ни одному не сравниться с Дун Чжо, – отвечал Ли Су. – Дун Чжо – человек мудрый, вежливый и ученый. Он знает, кого награждать, а кого наказывать. Ему суждено совершить великое дело!

– Хотел бы я служить ему, но не знаю, как это сделать, – заметил Люй Бу.

Тогда Ли Су преподнес ему подарки, велел отослать слуг и сказал:

– Дун Чжо давно оценил по достоинству вашу доблесть и поручил мне преподнести вам коня и эти дары.

– Чем же его отблагодарить за столь глубокое ко мне расположение? – спросил Люй Бу. – Я готов убить Дин Юаня и привести его войска к Дун Чжо.

– Лучшей услуги вы не можете ему оказать, – отвечал Ли Су.

¹⁴ *Ли* – мера длины, около 0,5 км.

¹⁵ *Лян* – мера веса, в описываемую эпоху немногим более 15 г.

¹⁶ *Чжан* – мера длины, в описываемую эпоху 2,4 м.

¹⁷ *Чи* – мера длины, $\frac{1}{10}$ чжана.

Ночью Люй Бу с мечом в руке пришел в шатер Дин Юаня и отрубил ему голову. После этого он созвал приближенных убитого и сказал:

– Дин Юань был жестоким человеком, и я убил его. Кто согласен служить мне, оставайтесь, остальные уходите.

Более половины воинов разошлось.

На следующий день Люй Бу отправился к Ли Су, и тот представил его Дун Чжо. На радостях Дун Чжо подарил Люй Бу золотые латы и парчовый халат и угостил вином.

С этих пор сила и власть Дун Чжо возросли.

И вот однажды он снова созвал на пир сановников и, когда вино обошло несколько кругов, обратился к ним с такими словами:

– Тот, кто ныне правит нами, – неразумен и слаб, а посему недостоин наследия предков. Я решил низложить его, а на престол возвести Чэньлюского вана. Тех, кто будет противиться мне, казню!

Тут вперед выступил Юань Шао.

– Нынешний император, – сказал он, – только что вступил на трон. Он ни в чем не повинен и не лишен добродетели. Ты же задумал свергнуть его и посадить на престол побочного сына покойного государя! Разве это не мятеж?

– Поднебесная в моих руках! – загремел Дун Чжо. – Кто дерзнет пойти против меня? Или ты сомневаешься в остроте моего меча!

– Твой меч остер, но и мой не затупился! – крикнул Юань Шао, обнажая свой меч. Оба стояли лицом к лицу на одной циновке.

Вот уж поистине:

За правду погиб Дин Юань, могучим героем прослав,
А что Юань Шао пожнет, в единоборство вступив?

О дальнейшей судьбе Юань Шао вы узнаете из следующей главы.

####

Глава четвертая

Чэньлюский ван восходит на трон вместо законного государя. Цао Цао, собираясь покончить со злодеем, дарит ему меч

Ли Жу помешал Дун Чжо убить Юань Шао, и тот, не выпуская из рук меча, удалился.

– Помните все! – сказал тогда Дун Чжо собравшимся. – Кто вздумает мне перечить, будет казнен!

– Мы повинемся вам! – в один голос отвечали перепуганные сановники.

Пир на том и окончился. А когда все разошлись, Дун Чжо стал обсуждать с приближенными Чжоу Би и У Цюном, как быть с Юань Шао.

Те говорили, что у Юань Шао много сторонников в Поднебесной и поэтому лучше его не притеснять, а дать ему какую-нибудь должность.

Дун Чжо так и поступил. Он послал к Юань Шао гонца известить, что тот назначается правителем Бохая ¹⁸.

В день новолуния девятого месяца Дун Чжо собрал гражданских и военных чиновников в зале Обильной добродетели, велел привести императора и, обнажив меч, объявил:

– Сын неба слаб и неспособен управлять государством. А Чэньлюский ван мудр и добродетелен, имя его известно всей Поднебесной, ему и надлежит занять трон. Посему император низлагается и ему присваивается титул Хуннунского вана. Вдовствующая императрица от управления устраняется.

После оглашения указа Дун Чжо приказал свести императора с трона, снять с него пояс с печатью и заставить его, преклонив колена, признать себя подданным и обещать повиноваться законам. Вдовствующей императрице было велено снять с себя царственное одеяние и ждать дальнейших повелений.

Так Чэньлюский ван взошел на престол, а низверженного государя, вдовствующую императрицу Хэ и вторую жену покойного императора, урожденную Тан, препроводили во дворец Вечного покоя и там заперли.

Запасы съестного у них с каждым днем истощались. Слезы не высохали на глазах малолетнего императора. Однажды он увидел пару влетевших во дворец ласточек и сочинил такие стихи:

Над нежною травкой прозрачный дымок
И ласточек быстрых мельканье.
В долине Лошуя, на зависть другим.
Снуют между грядок крестьяне.
В дали бирюзовой белеет стена —
То старый дворец мой в тумане...
Кто же из верных и добрых людей
Придет облегчить мне страданья?

О стихах тотчас же было доложено Дун Чжо, и тот воспользовался этим как предлогом для убийства бывшего государя.

¹⁸ Бохай – самая дальняя северо-восточная область Китая, находившаяся за тысячи километров от тогдашней столицы.

По его приказу Ли Жу с десятью стражниками явился во дворец Вечного покоя, поднес низложенному государю чашу вина и сказал:

– Наступил праздник весны, и первый министр Дун Чжо посылает вам чашу вина долголетия.

– Если это вино долголетия, то отведайте его сначала сами, – вмешалась императрица.

Ли Жу в ярости схватил ее и сбросил вниз с башни. Затем он приказал задушить госпожу Тан и силой влил в рот малолетнему императору отравленное вино.

С этих пор Дун Чжо каждую ночь стал являться во дворец, бесчестил дворцовых женщин и даже спал на императорском ложе...

К этому времени Юань Шао, находившийся в Бохэе, прознал, что Дун Чжо захватил власть, и прислал гонца к Ван Юню с секретным письмом, призывая его покончить со злодеем.

Ван Юнь долго колебался, не зная, как поступить. Но однажды он пригласил к себе на пир приближенных сановников. Когда вино обошло несколько кругов, он закрыл лицо руками и заплакал.

– В чем причина вашей печали? – спрашивали его.

– Дун Чжо сверг законного государя и захватил власть, – отвечал Ван Юнь. – Династии Хань грозит гибель.

Выслушав Ван Юня, все присутствующие тоже зарыдали. Но тут поднялся один из гостей и, громко рассмеявшись, сказал:

– Можете плакать с утра до вечера! Слезами Дун Чжо не убьешь.

Это сказал Цао Цао.

– Твой род пользовался милостями Ханьского дома! – вскричал рассерженный Ван Юнь. – Ты же не только не хочешь послужить государству, но еще смеешься над нами!

– Мне смешно, что вы только слезы льете, а не думаете, как покончить с Дун Чжо! Пусть я не обладаю большими способностями, но все же могу отрубить голову злодею и выставить ее у ворот столицы. Для этого вы лишь должны дать мне драгоценный меч Семи звезд.

Тогда Ван Юнь собственноручно наполнил чашу вином, поднес Цао Цао и вручил ему меч. Цао Цао выпил вино и с поклоном удалился.

На другой день Цао Цао, прихватив с собой меч, явился во дворец и прошел прямо к Дун Чжо.

– Почему вы так поздно? – спросил его Дун Чжо.

– На плохом коне быстро не доедешь, – отвечал Цао Цао.

– Я получил добрых коней из Силяна ¹⁹, – сказал Дун Чжо и, обратившись к стоявшему рядом Люй Бу, приказал: – Пойди выбери одного получше, пусть это будет моим подарком.

Люй Бу вышел, а Дун Чжо прилег, отвернувшись лицом к стене: он был тучным и сидеть долго не мог. Цао Цао выхватил меч и уже было замахнулся, но тут сообразил, что Дун Чжо видит его в зеркале, висевшем на стене повыше ложа.

– Ты что? – быстро обернувшись, спросил Дун Чжо.

Цао Цао поспешно опустился на колени и, протягивая меч, произнес:

– Примите этот меч в знак благодарности за ваши милости!..

Дун Чжо взял меч, полюбовался им и отдал вернувшемуся Люй Бу.

Затем Дун Чжо и Цао Цао вышли поглядеть на приведенного Люй Бу коня. Цао Цао поблагодарил и выразил желание испытать коня. Коня оседлали, Цао Цао вскочил на него и помчался на юго-восток.

– Цао Цао замышлял убийство, но его постигла неудача, – сказал Люй Бу. – Он подарил вам меч, чтобы вы его не заподозрили.

¹⁹ *Силян* – местность к западу от столицы, на территории нынешней провинции Ганьсу в северо-западном Китае, славившаяся своими конями.

– Я тоже так думаю, – согласился Дун Чжо.

Тут как раз подошел Ли Жу, и Дун Чжо рассказал ему о случившемся.

– Никого из близких у Цао Цао в столице нет, – сказал Ли Жу. – Он здесь один. Пошлите за ним. Если он придет, значит, искренне хотел подарить вам меч. Не явится – хватайте его и допросите.

За Цао Цао послали стражников, но те вскоре вернулись и доложили, что Цао Цао верхом выехал из города через восточные ворота и домой не возвратился.

– Почуял беду и бежал, как крыса! – воскликнул Ли Жу. – Но у него есть сообщники. Его надо поймать и вывести, кто они.

Дун Чжо повсюду разослал приказ схватить Цао Цао. За его поимку была обещана награда...

Между тем Цао Цао, выехав из города, помчался в Цзяоцзюнь, но по дороге его схватили и доставили к начальнику уезда.

– Я торговец, фамилия моя – Хуанфу, – оправдывался Цао Цао.

Но начальник уезда видел когда-то его в Лояне и сразу опознал.

– Ты не Хуанфу, а Цао Цао, – сказал он. – Я тебя препровожу в столицу и получу награду.

И он связал Цао Цао. Однако в полночь он велел доверенному слуге тайно привести Цао Цао к нему на задний двор для допроса. Узнав, каковы истинные стремления Цао Цао, начальник уезда освободил его от веревок, усадил на почетное место и, поклонившись, сказал:

– Вы справедливый и достойный сын Поднебесной!

Цао Цао, в свою очередь, отвесил поклон и пожелал узнать имя начальника.

– Меня зовут Чэнь Гун, – молвил тот. – Глубоко взволнованный вашей преданностью государству, я решил оставить должность и следовать за вами.

В ту же ночь оба, вооружившись мечами, отправились в родную деревню Цао Цао. На третий день, уже в сумерки, они добрались до Чэнгао.

– Здесь живет Люй Бошэ, сводный брат моего отца, – промолвил Цао Цао, – не захватить ли нам к нему разузнать новости? Там и заночуем.

Они въехали в деревушку, спешились и вошли в хижину Люй Бошэ.

Цао Цао обо всем ему рассказал.

– Господин мой, – кланяясь, обратился к начальнику уезда Люй Бошэ. – Не спаси вы моего племянника, погиб бы род Цао.

Усадив гостей, Люй Бошэ сказал, что съездит в соседнюю деревню за вином, и ушел.

Цао Цао и Чэнь Гун долго ждали его, как вдруг им почудилось, будто за домом кто-то точит нож.

Тогда они тихонько пробрались в заднюю комнату и услышали, как кто-то сказал:

– Надо связать, прежде чем резать.

Тут Цао Цао и Чэнь Гун обнажили мечи и прикончили всех, кто попался им под руку, – всего восемь человек. Обыскав затем дом, они обнаружили на кухне связанную свинью.

– Цао Цао! – воскликнул Чэнь Гун. – Мы убили добрых людей!

Второпях они покинули дом, вскочили на коней и помчались во весь опор, но не проехали и двух ли, как встретили Люй Бошэ верхом на осле. Он вез два кувшина вина и корзину с овощами и фруктами.

– Дорогой племянник и вы, господин, – окликнул их Люй Бошэ, – умоляю вас, вернитесь, не побрезгуйте моим убогим жильем.

– Совершившему преступление нельзя подолгу оставаться на месте, – ответил Цао Цао.

– А я велел заколоть свинью, чтобы угостить вас, – продолжал Люй Бошэ. – Вернитесь же!

Цао Цао, взмахнув плетью, поскакал вперед, но вдруг круто осадил коня и, повернувшись, крикнул, обнажив меч:

– Кто это едет за нами?

Люй Бошэ оглянулся, и тут Цао Цао мечом снес ему голову.

– Что вы наделали! – испуганно воскликнул Чэнь Гун.

– Иначе нельзя было поступить, – ответил Цао Цао. – Что было бы, если бы он вернулся и увидел, что вся его семья перебита?

– Преднамеренное убийство – великая несправедливость, – сказал Чэнь Гун.

– Уж лучше я обижу другого, чем позволю кому-либо обидеть себя, – ответил Цао Цао.

Они проехали несколько ли и при свете луны постучались в ворота постоянного двора. Цао Цао быстро уснул, а Чэнь Гун бодрствовал, терзаясь сомнениями: «Я считал его добрым, а у него волчье сердце. Нельзя оставить его в живых».

И Чэнь Гун потянулся за мечом, собираясь прикончить Цао Цао.

Поистине:

Правдивым не может быть тот, в чьем сердце скрывается злоба.

А вот Цао Цао, Дун Чжо наполнены злобою оба.

О том, что дальше приключилось с Цао Цао, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава пятая

Князья откликаются на призыв Цао Цао. Три героя сражаются с Люй Бу

Итак, Чэнь Гун замыслил убить Цао Цао, но тут же раздумал: «Нечестно это. Ведь я последовал за ним, желая послужить государству. Лучше оставлю его и возвращусь к себе».

Цао Цао проснулся и, не найдя Чэнь Гуна, все понял: «Видно, решил, что я слишком жесток, и покинул меня. Здесь мне долго оставаться нельзя».

Цао Цао примчался в Чэньлю, разыскал отца, рассказал ему о случившемся и заявил, что распродаст имущество, соберет войско и начнет борьбу во имя справедливости.

– Боюсь, твоих денег не хватит, – сказал отец. – Но есть здесь один человек, весьма достойный и к тому же богатый, по имени Вэй Хун. Если заручиться его поддержкой, можно начать великое дело.

Цао Цао пригласил Вэй Хуна и поделился с ним своими планами:

– Ханьский дом ныне без правителя. Дун Чжо захватил власть, обманывает государя, губит народ. Хотел бы я поддержать династию, да сил маловато. Надеюсь, вы, как человек справедливый и преданный, не откажете мне в помощи.

Вэй Хун тотчас же согласился, сказав, что ради такого дела пожертвует все свое имущество.

Не мешкая, они разослали гонцов по всем дорогам и приступили к набору войск, призывая под белое знамя, на котором начертали два слова: «Верность и справедливость».

И храбрецы из разных мест собирались под это знамя.

Юань Шао тем временем собрал тридцать тысяч воинов и тоже присоединился к Цао Цао.

Откликнулись на призыв Цао Цао и все князья, и Лю Бэй со своими названными братьями – Гуань Юем и Чжан Фэем.

Цао Цао приказал зарезать быка и лошадь для жертвоприношений и созвал на совет всех князей, чтобы обсудить план похода. На совете была дана клятва и избран предводитель – Юань Шао.

На следующий день возвели трехъярусный помост, по краям его установили стяги пяти кланов, а на самом верху – белое на желтом древке знамя. Тут же положили полномочную грамоту и печать полководца и попросили Юань Шао подняться на возвышение.

Юань Шао в полном облачении, с мечом у пояса поднялся по ступеням, воскурил благовоения и, поклонившись всем, произнес клятву:

«Несчастье постигло Ханьский правящий дом – прервана родословная нить императоров. Мятежник Дун Чжо, воспользовавшись распрями, бесчинствует; бедствия обрушиваются на знатных, жестокость изливается на народ.

Мы, Юань Шао и союзники, опасаясь гибели династии, объединили наши войска, дабы помочь государству. Связывая себя клятвой, обещаем действовать единомышленно и быть достойными подданными Поднебесной. Пусть сгинет и лишится потомства тот, кто нарушит эту клятву. Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте тому свидетелями».

Произнеся клятву, Юань Шао выпил глоток крови и спустился с помоста. После этого все направились в шатер, и, когда вино обошло несколько кругов, Юань Шао стал распределять должности.

Начальником головного отряда был назначен Сунь Цзянь, правитель области Чанша. Он тут же выступил в поход к перевалу Сышуй. Войска, охранявшие перевал, немедленно послали гонца в Лоян уведомить о случившемся Дун Чжо.

– Не печальтесь, отец мой, – сказал Люй Бу с поклоном. – Дозвольте мне с нашим храбрым войском пойти на перевал. Мы отрубим всем этим князьям головы и выставим их у ворот столицы.

Но тут кто-то заявил:

– Стоит ли большим тесаком резать цыпленка? Я сам могу обезглавить князей, это так же легко, как вытащить что-либо из своей сумы!

Дун Чжо взглянул на говорившего – был он ростом в девять чи, с поступью тигра, телом волка, головой барса и длинными, как у обезьяны, руками. Звали его Хуа Сюн. Дун Чжо понравилась его слова, и он, назначив его на высокую должность, дал ему пятидесятитысячное войско. Хуа Сюн в ту же ночь двинулся к перевалу.

Тем временем один из князей, Бао Синь, не желая, чтобы Сунь Цзянь совершил подвиг первым, тайно послал своего брата Бао Чжуна с тремя тысячами конных и пеших воинов опередить Сунь Цзяня и вступить в бой с врагом.

Хуа Сюн со своим отрядом бросился ему навстречу и обратил в бегство. Потом настиг его и снес ему голову, которую тотчас же и отправил с гонцом к Дун Чжо.

Сунь Цзянь приблизился к перевалу с четырьмя военачальниками. На нем был сверкающий серебряный панцирь, на голове – красная повязка, у пояса – древний кованый меч, и восседал он на пестрогривом коне.

– Эй вы, пособники злодея! – крикнул Сунь Цзянь. – Сдавайтесь!

В бой с ним вступил Ху Чжэнь, помощник Хуа Сюна, но был сражен и замертво упал с коня.

Сунь Цзянь подал сигнал к наступлению, но с перевала посыпались стрелы и камни, и он вынужден был отвести войска. Раскинувшись лагерем в Ляндуне, Сунь Цзянь послал гонца к Юань Шу с требованием о провианте. Но ни фуража, ни провианта не получил, ибо нашелся человек, который сказал Юань Шу:

– Если Сунь Цзянь убьет Дун Чжо, у нас не станет волка, зато появится свирепый тигр. Не давайте ему провианта, и он потерпит поражение.

Юань Шу так и сделал.

В войсках Сунь Цзяня поднялось возмущение. Когда лазутчики сообщили об этом защитникам перевала, Ли Су, состоявший советником при Хуа Сюне, сказал:

– Сегодня ночью я с отрядом спущусь с перевала и ударю по лагерю врага в обход, вы же ударьте в лоб, и мы захватим Сунь Цзяня в плен.

Ярко светила луна, дул легкий ветер. К полуночи отряды добрались до лагеря Сунь Цзяня и с криками и барабанным боем бросились вперед. Сунь Цзянь вскочил на коня, и они с Хуа Сюном скрестили оружие. Тут подоспел отряд Ли Су, и его воины подожгли все вокруг. Войска Сунь Цзяня в панике бежали, военачальники сражались один на один.

В конце концов, Сунь Цзянь, не выдержав натиска, тоже бежал.

– Не думал я, что Сунь Цзянь потерпит поражение от Хуа Сюна! – воскликнул встревоженный Юань Шао и тут же созвал князей на совет.

– Брат Бао Синя, нарушив приказ, самовольно напал на врага, – сказал Юань Шао, когда все князья заняли свои места в шатре предводителя. – Он погиб, и вместе с ним погибло много людей. Ныне Сунь Цзянь потерпел поражение от Хуа Сюна. Боевой дух наших войск упал. Что будем делать?

Князья безмолвствовали. Юань Шао обвел всех взглядом и обратил внимание на трех необычного вида людей, стоявших позади Гунсунь Цзяня.

– Кто эти люди, господин правитель округа Гунсунь Цзянь? – спросил Юань Шао.

– Один из них – мой брат Лю Бэй, мы с ним с малых лет жили под одной крышей, – отвечал Гунсунь Цзянь.

– Неужто тот самый Лю Бэй, который разбил мятежников? – спросил Цао Цао.

Неожиданно прибежал лазутчик с вестью, что Хуа Сюн спустился с перевала и на длинном бамбуковом шесте несет шлем Сунь Цзяня; он уже приблизился к лагерю, выкрикивает угрозы и вызывает на бой.

Первым вызвался сразиться с Хуа Сюном Юй Шэ, но был убит. Вторым вступил в бой Пань Фын и тоже погиб.

Вдруг раздался громopodobный голос:

– Я отрублю голову Хуа Сюну и положу ее перед вашим шатром!

Все взоры обратились в сторону говорившего. У входа в шатер стоял могучий воин. Глаза у него были, как у красного феникса, лицо – цвета перезрелого финика, брови – пушистые, как гусеницы шелкопряда.

– Это Гуань Юй, брат Лю Бэя, конный стрелок из лука, – сказал Гунсунь Цзань.

– Хуа Сюн будет глумиться над нами, если мы пошлем в бой простого лучника, – возразил Юань Шао.

– Если я не одержу победы, отрубите мне голову, – заявил Гуань Юй, схватил меч и вскочил на коня. Князя услышали, как оглушительно загремели барабаны, словно раскололось небо и разверзлась земля, дрогнули холмы и обрушились горы. Князя замерли в напряженном ожидании, и когда уже хотели послать людей на разведку, раздался звон колокольчика: прискакал Гуань Юй и швырнул на землю голову Хуа Сюна.

Тем временем разбитые войска Хуа Сюна бежали обратно на перевал. Тогда Ли Су отправил спешное донесение Дун Чжо, и тот незамедлительно вызвал на совет всех своих приближенных.

– Мы потеряли лучшего военачальника Хуа Сюна, – сказал Ли Жу, обращаясь к Дун Чжо. – Силы мятежников возросли. Юань Шао возглавляет союз князей, а его дядя Юань Вэй у нас на должности воспитателя государя. Если они вступят в заговор, ничего хорошего ждать не приходится. Прежде всего надо разделаться с Юань Вэем.

Дун Чжо немедленно отдал приказ окружить дом Юань Вэя и перебить всех – старых и малых, а отрубленную голову Юань Вэя доставить на перевал и объявить, за что он казнен.

Затем Дун Чжо собрал двухсоттысячное войско, выступил в поход и занял оборону на перевале Хулао, в пятидесяти ли от Лояна. Люй Бу с его тридцатитысячным войском было приказано расположиться лагерем на подступах к перевалу.

Лазутчики, прознав об этом, стрелой помчались с донесением в лагерь Юань Шао, и тот по всем направлениям двинул к Хулао войска.

Первым к перевалу подошел Ван Куан, правитель округа Хэнэй. Навстречу ему выступил Люй Бу с тремя тысячами закованных в броню всадников. Ван Куан придержал коня, остановился под знаменем и увидел Люй Бу, который выехал вперед из строя противника. Волосы у Люй Бу были стянуты узлом, на который был надет колпачок из червонного золота. Поверх халата из красного узорчатого шелка надета кольчуга, перехваченная маньским поясом, украшенным нефритовыми пластинами с пряжкой в виде льва. Вооружен он был луком со стрелами и алебардой. Сидел он на быстром как ветер коне по кличке Красный заяц.

– Кто осмелится сразиться с ним? – спросил Ван Куан.

Склонив копье и припустив коня, выехал знаменитый воин Фан Юэ. Всадники помчались друг на друга. На пятой схватке Люй Бу сразил Фан Юэ, тот упал с коня, и Люй Бу с алебардой наперевес бросился вперед, обратив воинов Ван Куана в бегство. Однако на помощь Ван Куану подоспели армии Цзяо Мао и Юань И, Люй Бу пришлось отступить. Князя, понеся значительные потери, также отступили на тридцать ли и разбили лагерь.

Как раз в это время войско Люй Бу с развевающимися знаменами снова ринулось в бой, и никто не мог против него устоять.

– Люй Бу великий герой, – сказал Цао Цао, когда князя собрались на совет. – Никому не удастся его одолеть. Вот если захватить Люй Бу, тогда и с Дун Чжо покончить нетрудно.

Люй Бу то и дело вызывал противника на бой. С ним сражались многие воины, но безуспешно.

Наконец в бой с Люй Бу вступил Чжан Фэй. Они схватывались более пятидесяти раз, однако ни один не мог победить. На помощь брату, размахивая тяжелым мечом Черного дракона, поспешил Гуань Юй. Последовало еще около тридцати схваток, однако Люй Бу по-прежнему был неодолим. Тогда на него сбоку налетел Лю Бэй. Сражаясь сразу с тремя противниками, Люй Бу почувствовал, что слабеет. Глядя прямо в лицо Лю Бэю, он сделал неожиданный выпад. Лю Бэй шарахнулся в сторону, а Люй Бу вихрем пронесся мимо него и вырвался на свободу. Братья погнались за ним и преследовали до самого перевала. Вдруг они увидели впереди колыхавшийся на ветру огромный зонт из черного шелка.

– Здесь Дун Чжо! – крикнул Чжан Фэй. – Какая польза гоняться за Люй Бу? Схватим самого злодея и вырвем зло с корнем!

Подхлестнув коней, братья устремились на перевал...

Недаром говорится:

Хочешь мятеж усмирить, сначала схвати главарей.

Подвиги хочешь свершить – ищи необычных людей.

Чем окончилась эта битва, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава шестая

Дун Чжо сжигает императорский дворец. Сунь Цзянь похищает государственную печать

Чжан Фэй первым устремился на перевал, но пробиться ему не удалось: сверху посыпался град стрел и камней. Братья вынуждены были вернуться в лагерь. Князя поздравили Лю Бэй и его братьев с успехом и послали гонца к Юань Шао с вестью о победе.

А в это время Ли Жу говорил Дун Чжо:

– После неудачи Люй Бу дух нашего войска упал. Не лучше ли пока вернуться в Лоян, а оттуда для большей безопасности перевезти императора в Чанъань? Недавно я слышал, как мальчишки на улицах распевали:

На востоке – один хань, на западе – другой хань.
Лишь тогда олень спасется, если побежит в Чанъань.

Смысл их песенки, по-моему, таков: охотник на западе – это основатель Ханьской династии Гао-цзу, двенадцать поколений потомков которого правили на западе, в Чанъани; охотник на востоке – это император Гуань-ди, который перенес столицу на восток, в Лоян. После него здесь также правили двенадцать императоров. Дабы возродить династию, вам следует возвратиться в Чанъань. Видимо, такова воля Неба...

– Я бы и не уразумел, не растолкуй ты мне все это! – воскликнул обрадованный Дун Чжо.

В ту же ночь Дун Чжо возвратился в Лоян, где объявил всем гражданским и военным сановникам о своем намерении перенести столицу в Чанъань. Кое-кто пытался ему возражать, что, мол, Чанъань лежит в развалинах, но он заявил, что город можно отстроить за месяц, а всех противников переноса столицы велел казнить.

Перед выступлением в путь пять тысяч закованных в броню всадников похватали всех лоянских богачей, объявили их мятежниками, вывели за город и обезглавили. Имущество их было конфисковано.

Всех жителей Лояна приказано было гнать в Чанъань. Люди были разбиты на группы по сто человек, каждую группу сопровождал вооруженный отряд. В пути стража бесчестила женщин, отбирала у людей пищу. Многие от истощения умирали и оставались лежать у дороги. Стенания и плач потрясали небо и землю.

Перед уходом из Лояна Дун Чжо приказал дотла сжечь город, в том числе императорский дворец и храмы предков.

Когда пришла весть о том, что Дун Чжо покинул Лоян, военачальник Чжао Цань, оборонявший перевал Сышуй, сдался Сунь Цзяню. В то же время Лю Бэй с братьями захватили заставу Хулао. За ними двинулись и другие князья.

Спеша в Лоян, Сунь Цзянь издала увидел вздымавшиеся к небу языки пламени. В столице не осталось ни одного человека, ни одного дома. Тушить пожары были посланы воины. Прибывающим князьям приходилось располагаться на опустошенной земле.

Цао Цао пришел к Юань Шао и предложил:

– Надо не мешкая послать погоню за Дун Чжо.

– Князья устали. Вряд ли они согласятся двигаться дальше, – усомнился Юань Шао.

Тогда Цао Цао один во главе десятитысячного войска стал преследовать Дун Чжо...

Дун Чжо тем временем добрался до Синъяна и по совету Ли Жу приказал местному правителю Сюй Жуну на случай преследования их вражескими войсками устроить засаду за горо-

дом вблизи гор, пропустить врага, а затем отрезать ему путь к отступлению. Люй Бу получил приказ во главе отборных воинов прикрывать тыл.

Когда подошел отряд Цао Цао, лучшие воины Люй Бу ударили на врага одновременно с трех сторон. Устоять было невозможно. Войско Цао Цао потерпело полное поражение и бежало к Синъяну. Уже наступило время второй стражи, когда его чудом спасшиеся воины добрались до какой-то горы. При ярком свете луны все было видно, как днем. Они решили остановиться и отдохнуть. Но едва начали устанавливать котлы, чтобы приготовить пищу, как со всех сторон послышались крики – это вышли скрывавшиеся в засаде войска Сюй Жун.

Сюй Жун выстрелил из лука, и стрела попала Цао Цао в плечо. Он так и умчался, даже не вынув ее из раны.

Цао Цао уже перебрался через гору, как вдруг два копья вонзились в его коня. Конь упал, а сам он свалился на землю и был схвачен вражескими воинами, скрывавшимися в густых зарослях. Но в это время прискакал всадник. Взмах меча – и оба врага пали мертвыми.

Всадник спрыгнул с коня и помог Цао Цао подняться. Это был его брат Цао Хун.

– Оставь меня, я умру здесь, – сказал Цао Цао. – Спасайся сам, дорогой брат. Войско разбойников настигает нас!

– Садись скорее на коня, а я пойду пешком. Ты больше нужен Поднебесной, чем я!

Он посадил Цао Цао на коня, снял с себя латы, вытащил меч и побежал следом за конем. Спустя некоторое время путь им преградила широкая река. А погоня приближалась, уже слышны были крики.

Тогда Цао Хун взвалил брата на плечи и бросился вплавь. Преследователи открыли стрельбу из луков, но беглецы успели скрыться...

Тем временем князя расположились лагерем в Лояне. Сунь Цзянь раскинул шатер на том месте, где прежде стоял дворец Цзяньчжан. Он приказал убрать камни и обломки. Были засыпаны все разрытые Дун Чжо императорские могилы. На месте храма предков династии был сооружен легкий павильон. Сюда пригласили князей, чтобы расставить по порядку священные таблички ²⁰. Затем зарезали быка и принесли жертвы. После этой церемонии все разошлись.

Ночью Сунь Цзянь возвратился в лагерь. Ярко светила луна, сверкали звезды. Сжимая в руке меч, Сунь Цзянь наблюдал за небесными светилами. Он заметил, как по небу с северной стороны разлилась белесая дымка, и со вздохом подумал: «Императорские звезды меркнут – мятежник Дун Чжо возмущает государство. Десятки тысяч людей мучаются на развалинах и пепле, столица превратилась в пустыню».

– Смотрите! – сказал вдруг стоявший рядом с ним воин. – Южнее дворца из колодца подымается радужное сияние.

Сунь Цзянь велел воину зажечь факел и спуститься в колодец. Вскоре тот вытащил мертвую женщину, совершенно не тронутую временем. На ней было придворное платье, на шее – атласный мешочек, а в нем красная коробочка с золотым замочком. В ней оказалась нефритовая печать с выгравированными пятью переплетенными драконами и восемью иероглифами в стиле чжуань ²¹, которые гласили: «Принявший веление Неба да процветает в веках». Один уголок печати, видимо, был отбит, а потом припаян золотом.

Сунь Цзянь показал печать советнику Чэн Пу.

– Это императорская печать из старинного нефрита, – промолвил тот. – В древности некий Бянь Хэ увидел у подножия горы Цзиншань феникса, свившего на камне гнездо. Он взял этот камень и поднес чускому князю Вэнь-вану. Князь расколол его и увидел кусок нефрита.

²⁰ В Китае с древних времен было принято после смерти человека писать его имя на деревянной дощечке, которую ставили на специальном алтаре в домашнем храме предков. Такая табличка рассматривалась как своеобразное вместилище души усопшего.

²¹ Чжуань – древний, усложненный стиль начертания иероглифов, сохраняющий еще черты «рисуночного» письма, которым пользовались китайцы в самой глубокой древности.

В двадцать шестом году правления Циньской династии ²² гравер сделал из нефрита печать, а Ли Сы ²³ вырезал на ней восемь иероглифов. В двадцать восьмом году Цинь Шихуан плыл по озеру Дунтин, началась буря, и лодку едва не перевернуло. Тогда Цинь Шихуан бросил печать в озеро, и буря прекратилась. В тридцать шестом году Цинь Шихуан отправился в Хуайнь. Некто встал на дороге и обратился к одному из его приближенных: «Возвращаю печать потомственному дракону»²⁴.

Сказав это, он исчез. Так печать вернулась к династии Цинь. Затем она перешла к ханьскому Гао-цзу. Позже, во время мятежа Ван Мана ²⁵, императрица Сяюань запустила этой печатью в Ван Сюня и Су Сяня, при этом отломился уголок. И вот сейчас она попала к вам в руки. Вы непременно станете императором. Но долго оставаться вам здесь нельзя, надо ехать в Цзяндун и там обдумать план великих деяний.

– Завтра же скажусь больным и уеду отсюда.

Сунь Цзянь приказал воинам не разглашать тайны. Но кто мог знать, что один из них – земляк Юань Шао? Он бежал ночью из лагеря, явился к Юань Шао и обо всем ему рассказал.

На следующий день к Юань Шао пришел Сунь Цзянь.

– Прихворнул я немного, – заявил он. – Хочу возвратиться в Чанша и зашел проститься с вами.

– Знаю я вашу болезнь! – насмешливо воскликнул Юань Шао. – Называется она «государственная печать».

– С чего вы взяли? – бледнея, спросил Сунь Цзянь.

– Мы подняли войска для того, чтобы покарать мятежников и уничтожить зло в государстве, – продолжал Юань Шао. – Печать – это сокровище династии, и вам следовало бы передать ее мне как главе союза, чтобы возвратить ее законному владельцу, когда Дун Чжо будет уничтожен. А вы утаили ее.

– Да как могла она у меня оказаться? – стал отпираться Сунь Цзянь.

Тут Юань Шао вызвал перебежавшего воина и спросил:

– Видел ты этого человека, когда извлекали труп из колодца?

Сунь Цзянь обнажил меч и в ярости хотел зарубить доносчика, но, увидев, что остальные военачальники тоже обнажили мечи и не миновать схватки, вскочил на коня и ускакал.

Юань Шао в ту же ночь послал преданного человека в Цзинчжоу предупредить тамошнего правителя Лю Бяо, чтобы он перехватил по дороге Сунь Цзяня и отобрал у него печать.

Между тем с каждым днем становилось все яснее, что Юань Шао не в силах успешно завершить начатое дело, и князья один за другим стали от него уходить.

Тем временем Лю Бяо, получив послание Юань Шао, приказал своим военачальникам Куай Юэ и Цай Мао с десяти тысячным войском преградить путь Сунь Цзяню. Куай Юэ построил свое войско в боевой порядок и выехал вперед.

– Ты подданный династии Хань, – сказал он Сунь Цзяню. – Как же ты посмел присвоить государственную печать? Верни ее и иди дальше своей дорогой.

– Пусть я умру от меча или стрелы, если печать у меня! – воскликнул Сунь Цзянь.

– Дозволь тогда тебя обыскать, – промолвил Лю Бяо.

²² В 246 г. до н. э. правитель царства Цинь завершил объединение всех китайских земель под своей эгидой и провозгласил образование династии Цинь, которая просуществовала только до 208 г. до н. э., и взял себе титул Цинь Ши-хуан – Первый Циньский государь.

²³ Ли Сы – министр при дворе Цянь Ши-хуана, известный реформатор китайской иероглифики.

²⁴ Поскольку тотемом ряда древнекитайских племен был дракон, то впоследствии драконом стали метафорически именовать государя.

²⁵ В 8 г. н. э. член императорской семьи по женской линии Ван Ман убил императора Пин-ди и захватил престол, но в 23 г. сам был убит во время народного восстания. После гибели Ван Мана земледельческая знать выдвинула на историческую арену Лю Сю, который, как говорилось выше, стал императором династии Восточная Хань.

– Кто ты такой, что осмеливаешься так дерзко со мной говорить? – гневно вскричал Сунь Цзянь и тотчас повел своих воинов в бой.

Лю Бяо отступил. Сунь Цзянь бросился за ним. Но тут в бой вступили войска, вышедшие из засады у подножия двух гор, а сзади подошли Цай Мао и Куай Юэ. Сунь Цзянь попал в кольцо.

Поистине:

Хотя утаил он печать, но пользы ему никакой.
Войну этим только разжег и потерял покой.

О том, как Сунь Цзянь спасся, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава седьмая

Юань Шао сражается с Гунсунь Цзанем. Сунь Цзянь переправляется через реку

Итак, Сунь Цзянь, окруженный войсками Лю Бяо, потерял всех своих военачальников и сам едва спасся от смерти. С трудом пробившись на дорогу, он бежал в Цзяндун.

Юань Шао, который находился в ту пору в Хэнэе, испытывал недостаток в провианте, и Хань Фу – правитель округа Цзичжоу – послал ему подкрепление. Тогда советник Фын Цзи сказал Юань Шао:

– Вы, самый могущественный человек в Поднебесной, вынуждены ждать, пока вам пришлют провиант. Почему бы вам не захватить земли Цзичжоу? Они богаты и обширны.

– Я бы охотно их захватил, – ответил Юань Шао, – но как это сделать?

– Пошлите гонца с тайным письмом к Гунсунь Цзаню и предложите ему захватить Цзичжоу, обещая свою поддержку, – посоветовал Фын Цзи. – Ручаюсь, что Гунсунь Цзань подымет войска. Тогда Хань Фу, человек не слишком храбрый, попросит вас взять на себя управление округом, и вы получите все, даже не шевельнув пальцем.

Юань Шао так и поступил.

Гунсунь Цзань, получив от Юань Шао письмо, в тот же день выступил в поход.

Одновременно Юань Шао послал еще другого гонца, чтобы тайно предупредить Хань Фу о грозящей ему опасности. Хань Фу испугался, и все случилось так, как предсказал советник Фын Цзи.

Несмотря на протесты своих приближенных, Хань Фу решил передать управление округом Юань Шао и послал к нему с этой вестью своего помощника.

Юань Шао въехал в Цзичжоу, пожаловал Хань Фу высокую должность, а дела по управлению округом полностью передал в руки Тянь Фына и других своих приближенных.

Хань Фу вскоре пожалел о содеянном и уехал в Чэньлю.

Гунсунь Цзань двинулся с войсками на Цзичжоу, но потерпел поражение и бежал, преследуемый Вэнь Чоу, военачальником Юань Шао. Лук и стрелы Гунсунь Цзань потерял, шлем свалился у него с головы, волосы развевались по ветру. Подхлестывая коня, он мчался по склону горы. Вдруг конь споткнулся. Гунсунь Цзань упал на землю и покатился вниз. Вэнь Чоу уже собирался его прикончить, как вдруг из зарослей выскочил юный воин. С копьем наперевес он помчался на Вэнь Чоу, и между ними завязался бой.

Юный воин был ростом в восемь чи, с густыми бровями, широким лбом и тяжелым подбородком. Не менее шестидесяти раз схватывались противники, но ни один не мог победить. Тут подоспела армия Гунсунь Цзаня, и Вэнь Чоу бежал.

Гунсунь Цзань спустился с горы и спросил у воина имя. Тот с поклоном ответил:

– Родом я из Чаншани, фамилия моя – Чжао, имя – Юнь. Я ушел от Юань Шао, потому что он не предан Сыну неба и не печется о благе народа.

Гунсунь Цзань вместе с юношей вернулся в лагерь, и они стали готовиться к новой битве.

На следующий день Гунсунь Цзань разделил войско на две части и расположил их справа и слева наподобие крыльев. Во главе передового отряда был поставлен Янь Ган, командование центром взял на себя сам Гунсунь Цзань, а Чжао Юнь он сделал начальником запасного отряда.

Юань Шао поставил во главе своих передовых отрядов Янь Ляна и Вэнь Чоу и тоже разделил свои силы надвое.

Первыми ринулись в атаку войска Янь Гана, но были обращены в бегство вражескими лучниками, а сам Янь Ган погиб в бою. Войско Юань Шао подступило к мосту, тесня Гунсунь Цзаня и его воинов.

В стремительном наступлении Юань Шао гнался за противником во главе передовых отрядов. Но вдруг послышались крики, и появилось новое войско с тремя военачальниками – это был Лю Бэй со своими братьями.

Получив весть, что Гунсунь Цзань воюет с Юань Шао, Лю Бэй помчался ему на помощь. И вот теперь три всадника неслись на Юань Шао. У него душа ушла в пятки от страха, меч выпал из рук. Пустив коня во весь опор, Юань Шао бежал без оглядки.

А Гунсунь Цзань вместе с Лю Бэем, Чжан Фэем и Гуань Юем возвратился в лагерь.

Юань Шао, проиграв сражение, стал упорно готовиться к обороне. Обе армии стояли друг против друга более месяца. В это время в Чанъань прибыл гонец и доложил обо всем Дун Чжо. Ли Жу говорил Дун Чжо:

– Юань Шао и Гунсунь Цзань – герои, враждуют они напрасно. От имени Сына неба составьте указ, пошлите к ним гонцов и предложите помириться. Уверен, они будут тронуты вашей добротой и покорятся вам.

Дун Чжо так и сделал и достиг цели. Гунсунь Цзань, получив указ, тотчас написал Юань Шао послание с предложением заключить мир и отвел свои войска.

А сейчас расскажем о Юань Шу. Как вы уже знаете, он находился во вражде со своим братом Юань Шао, а также с Лю Бяо и, решив отомстить обоим, отправил к Сунь Цзяню гонца с посланием.

Вот что там было написано:

«В свое время Лю Бяо стал на вашем пути по наущению моего брата Юань Шао. Теперь они вместе замышляют нападение на Цзяндун. Советую вам немедленно поднять войска и напасть на Лю Бяо, а я расправлюсь с моим братом. Тогда обиды наши будут отомщены: вы возьмете Цзинчжоу, а я – Цзицжоу».

Сунь Цзянь, получив письмо, призвал к себе своих приближенных и рассказал о письме.

– Юань Шу хитер, ему нельзя верить, – промолвил Чэн Пу.

– Я обойдусь без него, – заявил Сунь Цзянь. – Сам отплачу за обиду.

Тогда Сунь Цзин, младший брат Сунь Цзяня, сказал:

– Ныне Дун Чжо захватил власть. Сын неба робок и слаб. Князья властвуют на своих землях; в стране великая смута. Лишь у нас, в Цзяндуне, спокойно, так стоит ли из-за малой обиды начинать войну?

– Я самый сильный во всей Поднебесной, – ответил Сунь Цзянь, – и обиды, пусть даже малой, не потерплю.

Сунь Цзянь велел привести в порядок боевые корабли, заготовить оружие и провиант. Боевых коней погрузили на суда, и вскоре войско выступило в поход.

Лю Бяо, прознав об этом, приказал военачальнику Хуан Цзу с отрядом лучников устроить засаду на берегу реки и тоже двинул вперед свое войско.

Три дня лучники Хуан Цзу осыпали врагов стрелами, не давая им приблизиться к берегу, пока не израсходовали весь запас стрел. Тогда Сунь Цзянь велел собрать все стрелы, попавшие в суда, – их набралось несколько сот тысяч, – и обстрелять отряд Хуан Цзу. Лучники не выдержали и в беспорядке отступили. Войско Сунь Цзяня высадилось на берег.

Поручив Хуан Гаю охранять суда, Сунь Цзянь начал преследовать врага.

Хуан Цзу вышел ему навстречу и расположился в поле. Построив войско в боевой порядок, Сунь Цзянь выехал под знамя. Рядом с ним в полном вооружении, с копьём в руке стоял его сын Сунь Цэ.

Из строя противника, сопровождаемый военачальниками Чжан Ху и Чжэнь Шэном, вперед выехал Хуан Цзу и, размахивая плетью, стал поносить противника:

– Цзяндунские разбойники, как посмели вы вторгнуться во владения потомка Ханьского дома?

По его приказу на поединок выехал Чжан Ху. Навстречу ему двинулся Хань Дан. Всадники схватывались более тридцати раз.

На помощь Чжан Ху поскакал Чжэнь Шэн. Но Сунь Цэ поразил его стрелой из лука, а Хань Дан снес голову Чжан Ху.

Сунь Цзянь гнал разбитое войско врага до реки Хань, а там приказал Хуан Гаю ввести суда в устье и стать на якорь.

Тогда Хуан Цзу пошел к Лю Бяо и заявил, что Сунь Цзяню противостоять невозможно.

Но тут один из военачальников Лю Бяо по имени Цай Мао сказал:

– Не сегодня завтра враг подойдет к городу. Медлить больше нельзя. Дайте мне людей, я вступлю с ним в решительный бой!

Во главе десятитысячного войска Цай Мао вышел из Санъяна и расположился у горы Сяньшань. Но в первом же бою он потерпел поражение и едва спасся.

А Сунь Цзянь послал войска по четырем направлениям и осадил Санъян. Он собирался начать штурм, но вдруг налетел ураган и сломал древко знамени с надписью «Полководец».

– Это несчастливое предзнаменование! – встревожился военачальник Хань Дан. – Лучше бы на время отвести войска.

Но Сунь Цзянь не внял его словам и начал штурм...

В это время Лю Бяо созвал на совет приближенных, чтобы решить, как действовать дальше. Советник Куай Лян сказал:

– Минувшей ночью я видел, как с неба упала звезда полководца. Я точно высчитал, что падала она в том направлении, где сейчас находится Сунь Цзянь. Посылайте гонца к Юань Шао и просите помощи!

Вываться из осажденного города и доставить письмо Юань Шао вызвался храбрец Люй Гун. В сумерки он с отрядом всадников выступил из города.

Сидевший у себя в шатре Сунь Цзянь услышал шум. Он вскочил на коня и с тридцатью всадниками выехал из лагеря. Ему донесли, что из осажденного города прорвался конный отряд и поскакал в сторону Сяньшаня. Сунь Цзянь бросился в погоню и настиг Люй Гуна. Тот вступил с Сунь Цзянем в бой, но после первой же схватки бежал. Сунь Цзянь погнался было за ним, однако потерял из виду.

Неожиданно послышались удары гонга. С горы посыпались камни, из леса полетели стрелы. Сунь Цзянь и его конь погибли. Все тридцать сопровождавших Сунь Цзяня всадников тоже были убиты.

Одновременно из города вышли войска Хуан Цзу, Куай Юэ и Цай Мао и обрушились на цзяндунцев. Хуан Гай, услышав крики, потрясшие небо, повел на помощь свой флот и тут встретился с Хуан Цзу. После короткой битвы Хуан Цзу был взят в плен. На рассвете, когда битва кончилась, войско Лю Бяо ушло в город, а Сунь Цэ вернулся к реке Хань. Здесь он узнал о гибели отца и о том, что его тело враги унесли в город.

– Как же я вернусь домой, если тело отца у врага? – плача, вопрошал Сунь Цэ.

– К нам в плен попал Хуан Цзу, – сказал Хуан Гай. – Пусть кто-нибудь отправится в город и предложит обменять Хуан Цзу на тело вашего батюшки.

Выполнить это взялся Хуань Кай, бывший друг Лю Бяо. Он явился к Лю Бяо и объяснил ему суть дела.

– Мы отдадим вам тело Сунь Цзяня, а вы нам верните Хуан Цзу. И давайте прекратим войну, – сказал ему Лю Бяо.

Хуань Кай поклонился и хотел удалиться, но на пути его встал Куай Лян и воскликнул, обращаясь к Лю Бяо:

– Не отпускайте его! Я скажу вам, господин мой, как надо поступить, чтобы не возвращать цзяндунским войскам ни единой пластинки от панциря! Прошу вас, казните этого человека!

Поистине:

Бился с врагами Сунь Цзянь и пал у друзей на виду.
Мира просил Хуань Кай и тоже попал в беду.

О дальнейшей судьбе Хуань Кая вы узнаете из следующей главы.
####

Глава восьмая

Ван Юнь придумывает хитрый план «цепи». Дун Чжо неистовствует в беседке Феникса

Итак, Куай Лян предлагал казнить Хуань Кая, но Лю Бяо его не послушался, так как решил отдать тело Сунь Цзяня в обмен на своего друга Хуан Цзу. Хуань Кая отпустили. Сунь Цэ освободил Хуан Цзу и, получив гроб с телом отца, возвратился в Цзяндун.

Когда весть о гибели Сунь Цзяня достигла Дун Чжо, тот совсем распоясался.

В двухстах пятидесяти ли от Чанъани он заложил крепость Мэйу. На ее строительство было согнано двести пятьдесят тысяч крестьян. Когда строительство было закончено, он выбрал восемьсот самых красивых девушек из народа, обрядил в золото и парчу, украсил золотом и яшмой и поселил у себя во дворце.

Раз или два в месяц он наезжал в Чанъань, раскидывал у стен города шатер и устраивал пиры для являвшихся к нему на поклон сановников.

Во время одного из таких пиров к нему доставили воинов, взятых в плен при усмирении северных земель. Дун Чжо приказал их всех казнить. При этом придумывал такие жестокие казни, что вопли несчастных потрясали небо. Придворные холодели от страха, а сам он при этом ел, пил и смеялся как ни в чем не бывало.

Возвратившись однажды с такого пира, блюститель церемоний Ван Юнь задумался, как же быть дальше.

Глубокой ночью, опираясь на посох, он вышел в сад. Ярко светила луна. Ван Юнь обратился к небу и заплакал. Тут ему послышались чьи-то вздохи, доносившиеся из Пионовой беседки. Ван Юнь подкрался и увидел в беседке свою домашнюю певичку Дяочань. Ей едва исполнилось шестнадцать лет. Она была взята в дом малолетней, здесь ее обучили пению и танцам, и Ван Юнь любил ее, как родную дочь.

Услышав вздохи девушки, Ван Юнь прикрикнул:

– Негодница, чего вздыхаешь? Шашни с кем-нибудь завела?!

– Да посмею ли я? – воскликнула испуганная девушка, падая перед ним на колени.

– Чего ж ты тогда вздыхаешь по ночам? – строго спросил Ван Юнь. – Говори правду!

– Да разве я посмею врать! – воскликнула Дяочань. – Даже своей смертью мне не оплатить и малую толику ваших благодеяний! Но я заметила, что с недавних пор вы чем-то встревожены. Уж не государственными ли делами? Я жизни не пожалею, чтобы помочь вам!

– Кто знает! Может быть, судьба Поднебесной в твоих руках! – воскликнул Ван Юнь, стукнув о землю посохом. – Идем-ка со мной!

Дяочань последовала за Ван Юнем в его покои. Отослав служанок и наложниц, он усадил Дяочань на циновку, поклонился ей и сказал:

– Сжался над людьми Поднебесной! – Слезы хлынули из его глаз. – Дун Чжо собирается захватить престол, и никто с ним не может управиться. Так вот, я придумал план «цепи». Сначала я просватаю тебя за Люй Бу, приемного сына Дун Чжо, а потом отдам тебя ему самому. Ты должна посеять между ними вражду и сделать все, чтобы Люй Бу убил Дун Чжо. Этим ты помогла бы избавить государство от злодея. Не знаю только, согласишься ли ты?

– Отдавайте меня хоть сейчас! – ответила Дяочань. – А там уж я придумаю, как действовать.

На другой день Ван Юнь приказал искусному ювелиру сделать золотую шапочку, украсить ее жемчужинами и тайно отоспал Люй Бу. Тот был польщен и сам явился поблагодарить. Ван Юнь встретил его у ворот, проводил в дом и усадил на почетное место.

Превознося таланты Люй Бу и расхваливая Дун Чжо, Ван Юнь щедро угощал гостя и то и дело подливал ему вина. Затем он отослал всех приближенных, кроме нескольких служанок, подносивших вино, и велел привести Дяочань. Люй Бу девушка так очаровала своей красотой, что он не мог оторвать от нее глаз. А когда Люй Бу осушил еще несколько кубков, Ван Юнь сказал:

– Я хочу отдать вам эту девушку. Согласны вы ее взять?

– О, я буду вечно вам благодарен! – вскричал Люй Бу, вскакивая с циновки. – Буду служить вам, как верный пес и добрый конь!

– В первый же счастливый день я пришлю ее к вам во дворец, – пообещал Ван Юнь.

Дяо Шань, Люй Бу, Дун Чжо

Люй Бу поблагодарил и, откланявшись, удалился. Через несколько дней Ван Юнь явился к Дун Чжо, склонился перед ним до земли и молвил:

- Почтительнейше кланяюсь вам и приглашаю ко мне на обед.
- Непременно буду, – обещал Дун Чжо.

Возвратившись домой, Ван Юнь велел поставить столы в парадном зале и приготовить лучшие яства, какие только есть в Поднебесной. Узорчатые коврики устилали полы, повсюду были развешаны роскошные занавеси.

Дун Чжо приехал на следующий день. Ван Юнь встретил его в полном придворном одеянии и дважды поклонился. Дун Чжо в сопровождении сотни латников направился в дом. У входа в зал Ван Юнь опять дважды поклонился. Дун Чжо уселся на возвышении и указал хозяину место рядом. Ван Юнь во время обеда всячески расхваливал добродетели Дун Чжо, рассказывал ему великое будущее, даже императорский трон.

– Разве я могу надеяться на такое?! – возразил ему Дун Чжо, тем не менее польщенный похвалами.

– Вполне. Еще древние говорили: «Идущие по правильному пути уничтожают сбившихся с него, не обладающие добродетелями уступают место обладающему ими».

– Ну, если на то будет воля Неба и власть перейдет ко мне, ты станешь моим главным сподвижником!

Ван Юнь поблагодарил глубоким поклоном. В зале зажгли свечи. Все слуги удалились, кроме прислужниц, подававших вино и яства.

Ван Юнь сказал Дун Чжо:

– Музыка, которую вы только что слышали, недостойна вашего слуха. Но у меня есть домашняя танцовщица и певица, и я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на ее искусство.

Ван Юнь сделал знак опустить прозрачный занавес. Послышались звуки бамбуковых свирелей, и в сопровождении служанок появилась Дяочань. Она стала танцевать по другую сторону занавеса.

По окончании танца Дун Чжо приказал девушке приблизиться. Дяочань вышла из-за занавеса и дважды низко поклонилась. Пораженный ее красотой, Дун Чжо спросил:

- Кто эта девушка?
- Моя танцовщица и певица Дяочань, – ответил Ван Юнь и сделал девушке знак спеть. От ее пения Дун Чжо пришел в восторг.
- Если хотите, я подарю девушку вам, – сказал Ван Юнь, вставая.
- Не знаю, как и благодарить за такую щедрость! – воскликнул обрадованный Дун Чжо.
- Для нее будет величайшим счастьем прислуживать такому человеку, как вы, – говорил Ван Юнь.

Он приказал подать крытую коляску и тут же отправил Дяочань во дворец. Вскоре попрощался и Дун Чжо. Ван Юнь провожал его до дворца, а на обратном пути вдруг повстречал Люй Бу.

– Вы обещали Дяочань мне, а отдали государеву наставнику! – сердито сказал Люй Бу. – Вы меня обманули!

– Пойдемте ко мне, – сказал Ван Юнь. – Здесь не место для подобных разговоров.

Ван Юнь привел его к себе и рассказал выдуманную историю. Будто бы Дун Чжо приезжал к нему по делу, но случайно увидел Дяочань, и он, Ван Юнь, рассказал, что она обещана в жены Люй Бу. Государеву наставнику девушка понравилась, он сказал, что сегодня счастливый день, он заберет ее с собой и сам устроит свадьбу.

– Разве мог я отказать всесильному? – закончил рассказ Ван Юнь.

– Да, вы ни в чем не виноваты, – согласился Люй Бу. – Прошу у вас прощения...

На другой день Люй Бу отправился во дворец Дун Чжо, но там никто не мог ему ничего сказать. Он прошел во внутренние покои и стал расспрашивать служанок.

– Вчера вечером государев наставник возлег со своей новой наложницей и до сих пор не вставал, – рассказали ему.

Люй Бу охватило бешенство, и он подкрался к окнам спальни. У одного окна стояла Дяочань и причесывалась. Вдруг она увидела в пруду перед окном отражение высокого человека с пучком волос на голове, пригляделась и узнала Люй Бу. Она сразу же скорбно сдвинула брови и нарочно стала вытирать глаза шелковым платочком.

Люй Бу долго наблюдал за ней, а потом пошел к Дун Чжо, который в это время сидел в приемном зале. Оглядевшись, он заметил за узорчатым занавесом Дяочань, бросающую на него нежные взгляды. Люй Бу впал в смятение. Дун Чжо это заметил, и в душу его закралась ревность.

– Если у тебя нет дел ко мне, можешь идти, – сказал он Люй Бу.

Больше месяца Дун Чжо, забросив дела, предавался наслаждениям. И вот однажды, когда он заболел, Люй Бу пришел справиться о его здоровье и увидел Дяочань. Она молча смотрела на Люй Бу, прижимая одну руку к сердцу, а другой указывая на Дун Чжо. По щекам ее струились слезы. Дун Чжо, который лежал в постели, в это время приоткрыл глаза и, проследив за взглядом Люй Бу, повернулся и увидел Дяочань.

– Как ты смеешь обольщать мою наложницу! – в гневе крикнул он.

Он приказал слугам вывести Люй Бу и больше не пускать его во внутренние покои. Глубоко обиженный, Люй Бу по дороге домой повстречал Ли Жу и рассказал ему обо всем. Ли Жу поспешил к Дун Чжо и сказал ему так:

– Если вы хотите завладеть Поднебесной, зачем из-за пустяка обижаете Люй Бу? Ведь без него вам не совершить великое дело!

Тогда Дун Чжо призвал Люй Бу и сказал ему:

– Третьего дня я был нездоров и незаслуженно тебя обидел. Забудем об этом.

Он подарил Люй Бу десять цзиней золота и двадцать кусков парчи. Люй Бу вернулся домой исполненный благодарности к Дун Чжо, но сердцем его целиком владела Дяочань.

Оправившись от болезни, Дун Чжо явился в императорский дворец на совет. Его сопровождал Люй Бу. Когда Дун Чжо вступил в беседу с императором Сянь-ди, Люй Бу незаметно вышел, вскочил на коня и помчался во дворец Дун Чжо. Там он проник во внутренние покои и отыскал Дяочань.

– Идите в сад и ждите меня у беседки Феникса, – сказала она.

Ждать пришлось долго. Но наконец Дяочань появилась, очаровательная, как лунная фея, и плача, сказала Люй Бу:

– Желанием всей моей жизни было служить вам с совком и метелкой ²⁶. Но теперь тело мое осквернено, и мне остается лишь умереть.

С этими словами она схватилась за перила беседки, делая вид, будто собирается прыгнуть в заросший лотосами пруд. Люй Бу заключил ее в объятия и со слезами в голосе воскликнул:

– Пусть меня не считают героем, если ты не станешь моей женой!

Он долго утешал Дяочань, а когда собрался уходить и взял свою алебарду, Дяочань зарыдала, и он снова принялся ее утешать.

Тем временем Дун Чжо, заметив отсутствие Люй Бу, заподозрил неладное. Поспешно откланявшись, он сел в коляску и вернулся домой. У ворот стоял привязанный конь. Дун Чжо спросил у привратника, где Люй Бу.

– Ваш сын прошел во внутренние покои, – отвечал тот.

Но во внутренних покоях никого не было.

– Дяочань в саду ухаживает за цветами, – сказала ему служанка.

Дун Чжо вышел в сад и увидел Дяочань в объятиях Люй Бу. Рядом стояла алебарда.

²⁶ Служить с совком и метелкой – то есть быть женой.

Дун Чжо поднял шум; Люй Бу мгновенно обратился в бегство. Дун Чжо схватил алебарду и бросился за ним. Люй Бу летел стрелой, и Дун Чжо не мог его догнать. Он метнул в беглеца алебарду, но тот отбил ее на лету. Пока Дун Чжо подбирал оружие, Люй Бу был уже далеко. Дун Чжо выбежал из сада, но тут кто-то сбил его с ног.

Поистине:

На тысячу чжанов взлетел к небесам его гнев,
Но тушей тяжелой он грохнулся, отяжелев.

Кто сбил с ног Дун Чжо, вы узнаете из следующей главы.

#####

Глава девятая

Люй Бу помогает Ван Юню уничтожить злодея. Ли Цаюэ по наущению Цзя Сюя вторгается в Чанъань

Тот, кто сбил с ног Дун Чжо, был Ли Шу. Он помог Дун Чжо подняться, увел его в кабинет и промолвил:

– Я все знаю. Вы искали Люй Бу, чтобы убить его. Я же бросился в сад, надеясь вымолить для него прощение, и случайно столкнулся с вами. Поистине я заслуживаю смерти!

– Люй Бу коварный злодей! – вскричал Дун Чжо. – Он соблазняет мою любимую наложницу! Клянусь, я убью его!

– Господин государев наставник, – молвил Ли Жу. – Дяочань всего лишь девчонка, а Люй Бу храбрейший из военачальников. Подарите ему Дяочань. Тронутый вашей добротой, он жизни не пожалеет, чтобы отблагодарить вас.

– Ты прав, – сказал Дун Чжо после длительного раздумья. – Я так и сделаю.

Ли Жу, почтительно раскланиваясь, удалился, а Дун Чжо прошел во внутренние покои, позвал Дяочань и учинил ей строгий допрос. Дяочань всю вину свалила на Люй Бу и, заливаясь слезами, сказала:

– Он преследовал меня до самой беседки феникса, грозя алебардой. А когда настиг, я хотела броситься в пруд, но тут появились вы и спасли мне жизнь.

– Я хочу отдать тебя Люй Бу. Что ты на это скажешь? – спросил Дун Чжо.

– Лучше мне умереть, чем быть опозоренной и служить рабу ²⁷.

Дяочань еще горше заплакала, сняла со стены меч и хотела заколоть себя, но Дун Чжо выхватил у нее меч и, обнимая, сказал:

– Я пошутил. Разве вынесу я разлуку с тобой! Завтра же увезу тебя в Мэйу и будем там наслаждаться счастьем.

Назавтра пришел Ли Жу.

– Сегодня счастливый день, – сказал он, – можно подарить девчонку Люй Бу.

– Люй Бу мне все равно что родной сын, – возразил Дун Чжо. – Я не могу подарить ему Дяочань. Передай ему, что наказывать его я не стану, и успокой ласковыми словами.

На проводы Дун Чжо в Мэйу собрались все сановники. Коляска уже была далеко, а Люй Бу с невыразимой грустью все еще смотрел ей вслед.

Вдруг он услышал позади себя голос:

– Почему вы не поехали с ними, а стоите здесь и вздыхаете?

Люй Бу оглянулся, увидел Ван Юня и, охваченный отчаянием, обо всем ему рассказал.

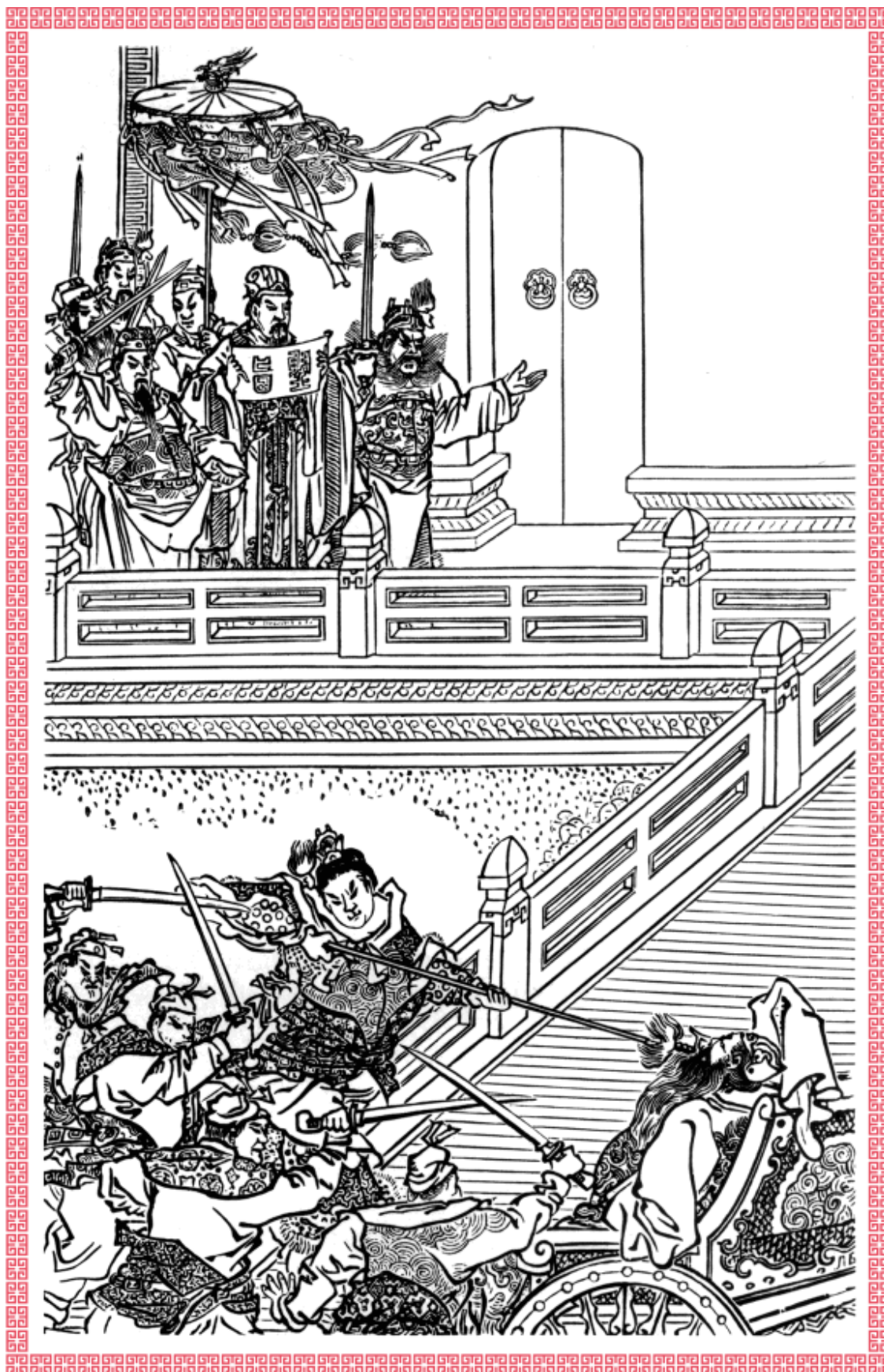
– Старый злодей сделал ее своей наложницей и ни на минуту от себя не отпускает.

Притворившись, что ничего не знает, Ван Юнь топнул с досады ногой.

– Не думал я, что он совершит такой скотский поступок! Зайдемте ко мне, поговорим.

Ван Юнь провел Люй Бу в потайную комнату, угостил вином, и они стали беседовать.

²⁷ Намек на то, что некогда Люй Бу был домашним рабом у Дин Юаня, который потом его усыновил.

Люй Бу убивает Дун Чжо

– Дун Чжо обольстил мою дочь и отнял у вас жену! – в гневе произнес Ван Юнь. – Он опозорил нас! Мы станем посмешищем всей Подне- бесной.

– Клянусь, я убил бы злодея и тем смыл бы свой позор! – вскричал Люй Бу. – Но не станут ли меня за это осуждать потомки? Ведь Дун Чжо мой названный отец!

– Вы из рода Люй, а он из рода Дун, – с улыбкой промолвил Ван Юнь. – И потом, он намеревается убить вас, какой же он вам отец? Восстановите Ханьский дом, и вы прославите себя на века как верноподданный. Если же станете помогать Дун Чжо, прослывете изменником.

– Я принял решение и, клянусь, не изменю его, – сказал Люй Бу, обнажил меч, уколол себе руку и поклялся на собственной крови.

Ван Юнь после ухода Люй Бу призвал к себе доверенного государева советника Шисунь Жуя и инспектора столичной области Хуан Ваня на совет.

– Шисунь Жуй, надо бы послать гонца в Мэйу к Дун Чжо с государевым указом и пригласить его во дворец на совет. Люй Бу спрячет у ворот дворца латников, мы приведем туда Дун Чжо и убьем.

К Дун Чжо решено было отправить Ли Су, который затаил против Дун Чжо зло за то, что тот не повысил его в чине.

На следующий же день Ли Су с десятью всадниками отправился в Мэйу, привез Дун Чжо государев указ и промолвил:

– Сын неба созывает всех сановников, чтобы объявить им о своем решении отречься от престола в вашу пользу. Главный блюститель церемоний Ван Юнь уже приказал строить алтарь для отречения, и теперь ждут только вашего приезда.

Дун Чжо возликовал и в тот же день отбыл в столицу.

Он вышел из дворца, сел в коляску и в сопровождении охраны отправился в путь. Не проехал он и тридцати ли, как у коляски сломалось колесо. Дун Чжо пересел на коня, проехал еще десять ли, но тут конь под ним захрапел, заржал и перекусил удила.

– Что бы все это могло значить? – обратился Дун Чжо с вопросом к Ли Су.

– Это значит, – отвечал Ли Су, – что вы займете ханьский престол и все старое смените на новое – будете ездить в нефритовой коляске и восседать в золотом седле.

Дун Чжо поверил его словам и обрадовался.

На второй день пути неожиданно поднялся сильный ветер и густой туман скрыл солнце.

– А это что за предзнаменование? – спросил Дун Чжо.

– Когда вы вступите на трон дракона, – отвечал Ли Су, – непременно воссияет красный свет и поднимется багровый туман в знак вашего небесного величия...

Ночь Дун Чжо провел в шатре, а на следующий день поднялся с рассветом и вскоре со всей своей свитой добрался до столицы. Процессия остановилась у северных ворот. Из свиты Дун Чжо в город впустили только двадцать человек, охранявших коляску. Дун Чжо еще издали заметил, что Ван Юнь и остальные вооружены мечами.

– Почему все вооружены? – спросил он с тревогой у Ли Су.

Ли Су ничего не ответил. Коляску подвезли прямо к входу во дворец, и тут Ван Юнь во весь голос крикнул:

– Мятежник здесь! Где воины?

С двух сторон выбежали более ста человек с алебардами и копьями. Они набросились на Дун Чжо и ранили его.

– Где ты, сын мой, Люй Бу? На помощь! – завопил Дун Чжо.

– Есть повеление покарать мятежника! – крикнул в ответ Люй Бу и алебардой пронзил ему горло.

Ли Су отрубил Дун Чжо голову и высоко поднял ее, а Люй Бу вытащил из-за пазухи указ и объявил:

– Таков был приказ государя!..

Труп Дун Чжо так и остался лежать на дороге, и прохожие бросали в него комки грязи. Все домашние злодея были перебиты, а Дяочань взял Люй Бу.

А теперь обратимся к Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу. Это были самые близкие военачальники, которых Дун Чжо, отправляясь в столицу, оставил в Мэйу. Когда до них дошла весть о гибели Дун Чжо, они бежали в Шэньси и прислали в Чанъань гонца с просьбой о помиловании. В помиловании им было отказано.

Советник Цзя Сюй предложил Ли Цзюэ собрать войска, призвать на помощь всех жителей Шэньси и напасть на Чанъань, чтобы отомстить за Дун Чжо.

– В случае удачи, – сказал он, – вы захватите трон и будете управлять Поднебесной.

Они собрали более ста тысяч народу и двинулись на Чанъань.

Ли Су вместе с Люй Бу выступили во главе войск навстречу врагу. Разгорелась великая битва, и Ли Су потерпел поражение. Люй Бу в гневе его обезглавил. На другой день он сам повел войска против врага и одержал победу. Воины Ли Цзюэ бежали пятьдесят ли и остановились только у подножия гор. Ли Цзюэ позвал на совет Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу.

– Люй Бу храбр, но глуп, – сказал Ли Цзюэ. – Нам нечего его бояться. Я со своими войсками буду охранять вход в ущелье и не дам ни минуты покоя Люй Бу, а Го Сы пусть тревожит его тыл. Чжан Цзи и Фань Чоу, разделив войска, по двум дорогам двинутся на Чанъань. Если у врага голова и хвост не сумеют помочь друг другу, он обязательно потерпит поражение.

План этот был дружно принят, и военачальники приступили к его осуществлению.

Враг не давал Люй Бу ни сражаться, ни обороняться. Так продолжалось несколько дней. Вдруг прискакал гонец с известием, что Чжан Цзи и Фань Чоу с двух сторон напали на Чанъань и столица в опасности. Люй Бу стал отходить, но, преследуемый Ли Цзюэ и Го Сы, потерял много воинов.

Мятежников в Чанъани было видимо-невидимо. Люй Бу вступил с ними в бой, однако победы не добился. Многие воины, возмущенные его жестокостью, сдались врагу. Люй Бу был в смятении.

Спустя несколько дней оставшиеся в Чанъани сообщники Дун Чжо открыли ворота столицы, и армия мятежников с четырех сторон вступила в город. Люй Бу во главе нескольких сот всадников прорвался через ворота Цинсо и, вызвав Ван Юня, сказал ему:

– Положение отчаянное. Прошу вас, следуйте за мной. Мы скроемся и через некоторое время придумаем новый план.

Но Ван Юнь и слушать об этом не хотел.

– Я должен навести порядок в государстве, – ответил он. – Лучше умру, но бежать от опасности не стану.

Вскоре у всех городских ворот вспыхнул огонь и к небу поднялись языки пламени. Люй Бу бросил свою семью на произвол судьбы и с сотней всадников бежал за перевал к Юань Шу.

Войска мятежников окружили дворец. Евнухи уговорили Сына неба подойти к воротам Провозглашения мира и таким образом прекратить смуту.

Увидев Ли Цзюэ и Го Сы, государь, поднявшись на башню, вскричал:

– Как вы смели без нашего вызова явиться в Чанъань?

Ли Цзюэ и Го Сы отвечали:

– Наставник Дун Чжо, защитник императорского трона, коварно убит Ван Юнем, и мы пришли мстить за него. Выдайте нам Ван Юня, и мы уведем войска!

Услышав это, Ван Юнь, который в это время находился рядом с государем, обратился к нему с такими словами:

– Дозвольте мне отдаться в руки мятежников.

Император медлил с решением, тогда Ван Юнь стремительно сбежал с башни с возгласом:

– Ван Юнь здесь!

– За что убит Дун Чжо? – закричали Ли Цзюэ и Го Сы.

– За свои злодеяния! Они переполнили чашу терпения Неба и Земли! – крикнул в ответ Ван Юнь.

– Допустим, он был злодеем, но мы-то здесь при чем? Почему нам отказано в прощении?

– Мятежникам не может быть никакого прощения! – выкрикнул Ван Юнь.

Оба мятежника в ярости бросились на Ван Юня, и он пал под ударами их мечей. Были перебиты также все его родные и близкие.

Затем Ли Цзюэ и Го Сы ворвались во дворец с намерением убить Сына неба.

Вот уж поистине:

Главный разбойник убит, и всюду идет торжество,
Но горшие беды несут приспешники злые его.

О дальнейшей судьбе государя вы узнаете из следующей главы.

####

Глава десятая

Ма Тэн поднимается на борьбу за справедливость. Цао Цао мстит за смерть отца

Итак, мятежники Ли Цзюэ и Го Сы хотели убить государя, но Чжан Цзи и Фань Чоу сказали:

– Если убить Сянь-ди сейчас, народ выйдет из повиновения. Прежде всего надо удалить от него всех князей, лишить опоры, а уж тогда покончить с ним и завладеть Поднебесной.

Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу обещали императору вывести свои войска из столицы при условии, что им пожалуют высокие должности. Так они получили право решать государственные дела.

Захватив власть, Ли Цзюэ и Го Сы стали жестоко обращаться с народом. Путем интриг и коварства они удаляли приближенных государя и заменяли их своими сторонниками, назначали и смещали придворных чиновников.

Но вот пришла весть, что Ма Тэн, правитель области Силян, и Хань Суй, ревизор округа Бинчжоу, со сотысячным войском идут на Чанъань, чтобы покарать злодеев. Они заранее тайно заручились поддержкой трех высших сановников в Чанъани – Ма Юя, Чжун Шао и Лю Фаня, и те добились для них у государя высоких чинов.

Ли Цзюэ и его сообщники стали готовиться к дальнейшей борьбе. Их военачальники Ли Мын и Ван Фан во главе пятнадцати тысяч конных и пеших воинов выступили в поход и разбили лагерь в двухстах восьмидесяти ли от Чанъани. Подошли силянские войска, и обе армии построились в боевой порядок. Ма Тэн и Хань Суй плечом к плечу выехали вперед и, указывая на главарей вражеского войска, закричали:

– Вот они, разбойники, восставшие против государства! Кто сумеет их схватить?

Не успели они это произнести, как из строя на резвом коне выехал молодой военачальник, вооруженный длинным копьём. Лицо его – прекрасная яшма, глаза – яркие звезды, сложение могучее. Это был сын Ма Тэна по имени Мао Чао, ему исполнилось всего семнадцать лет, но мало нашлось бы равных ему по силе.

Ван Фан решил, что его противник всего лишь мальчишка, бросился на него, но после нескольких схваток был сражен. Вместо него в бой вступил Ли Мын, но его Мао Чао взял в плен живым.

Войско, потеряв предводителей, обратилось в бегство. Ма Тэн и Хань Суй стали его преследовать и одержали победу. Добравшись до входа в ущелье, они расположились лагерем.

Тогда Ли Цзюэ и Го Сы решили больше не вступать в бой, а заняли прочную оборону. После этого силянские войска за два месяца не смогли продвинуться ни на шаг. Истощив запасы провианта и фуража, Ма Тэн и Хань Суй решили отступить.

В это время пришла весть, что в Цинчжоу снова поднялись Желтые повязки, они собираются в сотысячные толпы и грабят народ.

Придворный конюший Чжу Цзюнь посоветовал Ли Цзюэ призвать на помощь Цао Цао, правителя области Дунцзюнь, ибо у того сильное войско и только он может одолеть мятежников. Ли Цзюэ послал к Цао Цао гонца, повелевая ему вместе с Бао Синем, правителем Цзибэя, разгромить мятежников.

Получив приказ, Цао Цао нанес удар по мятежникам в Шоуяне и, разгромив их, дошел до самого Цзибэя. Мятежники сдавались ему в плен десятками тысяч. Цао Цао отобрал среди них самых сильных и выносливых, а остальных отпустил, с этих пор влияние его росло с каждым днем. К нему сходились выдающиеся люди.

Он послал в Чанъань донесение о победе, и двор пожаловал ему титул Усмирителя Востока.

Цао Цао отправил тайшаньского правителя Ин Шао за своим отцом Цао Суном, который жил тогда в Ланье, и Цао Сун вместе со всем семейством, прихватив с собой сотню слуг и столько же повозок с имуществом, отправился в Яньчжоу. Когда они проезжали через Сюйчжоу, тамошний правитель Тао Цянь, человек любезный и прямодушный, к тому же искренне желавший подружиться с Цао Цао, дал им для охраны в пути отряд из пятисот человек под началом Чжан Кая.

Время было осеннее, и когда Цао Сун с семьей и домочадцами прибыл в Хуафэй, пошли сильные дожди. Промокшие путники вынуждены были остановиться в древнем храме. Монахи отвели им лучшее помещение, а Чжан Кая с воинами разместили в двух крытых галереях. Среди стражи поднялся ропот. Тогда Чжан Кай сказал своим людям:

– Мы с вами сражались когда-то в рядах Желтых повязок, но нас заставили покориться Тао Цяню, а от этого мы не получили ничего хорошего. Давайте ночью перебьем всю семью Цао Суна, захватим деньги и вещи и уйдем разбойничать.

Всем понравился план Чжан Кая. Ночью Чжан Кай и его люди убили Цао Суна, перебили всю его семью, захватили богатства и ушли в Хуайнань.

– Как же мог Тао Цянь допустить, чтобы его воины убили моего отца! – скрежеща зубами, негодовал Цао Цао, когда весть об этом дошла до него. – Не жить нам теперь с ним под одним небом! Я тотчас же подниму войско и сотру Сюйчжоу с лица земли!

Ночью к Цао Цао явился Чэнь Гун – человек, всей душой преданный Тао Цяню, – и обратился к нему с такими словами:

– Мне стало известно, что вы с большим войском направляетесь к Сюйчжоу, чтобы отомстить за убийство отца. Но в этом убийстве ни Тао Цянь, правитель Сюйчжоу, ни народ не повинны. Повинен Чжан Кай. За что же вы собираетесь истребить весь округ?

– Тао Цянь погубил мою семью, и я поклялся, что вырву у него печень и вырежу сердце.

Войска Цао Цао, вторгшиеся в Сюйчжоу, бесчинствовали: избивали людей, разрывали и грабили могилы. Когда об этом узнал Тао Цянь, он воскликнул, обратив лицо к небу и проливая слезы:

– Должно быть, я виноват перед небом, если оно послало такую беду на народ Сюйчжоу!

Тао Цяню ничего не оставалось, как двинуть свои войска навстречу противнику. Они издали завидели армию Цао Цао. Над головным отрядом развевалось белое знамя, на котором крупными иероглифами было написано: «Мщение!»

Войска выстроились в боевой порядок. Цао Цао, одетый в белый шелковый халат, выехал из строя, размахивая плетью и громко ругаясь. Тао Цянь тоже выехал вперед, поклонился и молвил:

– Из доброго намерения поручил я Чжан Каю охранять вашего батюшку, не подозревая, что у него душа разбойника. Надеюсь, вы разберетесь в этом деле.

– Негодяй! – загремел Цао Цао. – Ты убил моего отца, а теперь еще осмеливаешься обращаться ко мне с такими лживыми речами! Эй, покончить с этим разбойником!

– Поручите это мне, – отозвался Сяхоу Дунь, брат Цао Цао.

Тао Цянь поспешно вернулся в строй. С копьем наперевес Сяхоу Дунь помчался вслед за ним. Но тут неожиданно поднялся свирепый ветер, взметнулись тучи песка, полетели камни. Оба войска пришли в замешательство.

Тао Цянь отвел свое войско в город и держал совет с народом:

– Силы врага велики, и противостоять им трудно. Свяжите меня и отправьте в лагерь Цао Цао. Я приму его гнев на себя и тем спасу жизнь жителям Сюйчжоу.

Вдруг какой-то человек выступил вперед и сказал:

– Господин мой, вы справедливый правитель, люди тронуты вашей добротой. Войска Цао Цао многочисленны, но они не смогут разгромить наш город, если вы будете защищать его вместе с народом. Хоть я и не обладаю талантами, но придумал, как можно заставить Цао Цао умереть в таком месте, где невозможно будет даже похоронить его тело.

Поистине:

Дружбы хотел Тао Цянь, но встретил одну вражду.
Жизнь обрел он там, где думал найти беду.

Кто был этот человек, вы узнаете из следующей главы.

#####

Глава одиннадцатая

Лю Бэй спасает Кун Жуна в Бэйхае.

Люй Бу разбивает Цао Цао в Пуяне

Итак, человеком, который сказал, что знает, как покончить с Цао Цао, был Ми Чжу, местный богатый купец. Незадолго до этого Тао Цянь пригласил его на службу, назначив помощником правителя округа.

– Я поеду в Бэйхай просить Кун Жуна помочь нам, – сказал Ми Чжу, – а кто-нибудь другой пусть отправляется в Цинчжоу к Тянь Каю. Если они одновременно двинут свои войска, Цао Цао не устоит.

Кун Жун был правителем округа Бэйхай и своим хлебосольством, добротой и справедливостью завоевал любовь народа.

Однажды он, по обыкновению, сидел в кругу гостей, когда доложили, что приехал Ми Чжу. Ми Чжу вручил ему письмо Тао Цяня. Прочтя письмо, Кун Жун тотчас же дал согласие помочь ему в борьбе с Цао Цао и стал готовиться к походу. Но как раз в это время пришла весть, что приближаются несметные полчища Желтых повязок во главе с Гуань Хаем, и Кун Жун выступил с войском навстречу мятежникам. Гуань Хай пообещал увести свои войска, если ему дадут десять тысяч даней²⁸ риса, иначе он грозился разрушить город и не пощадить ни старых, ни малых.

Кун Жун отказался выдать провиант разбойникам, вступил в бой с Гуань Хаем, но потерпел поражение и вместе с войском бежал под защиту городских стен. Гуань Хай окружил город.

На другой день, наблюдая за врагом с городской стены. Кун Жун вдруг увидел всадника, который врезался в строй противника и, с необыкновенной ловкостью действуя копьем, стал разить врагов направо и налево. Разбойники бежали. А всадник достиг городской стены и попросил, чтобы его впустили в город.

Это был некий Тайши Цы, родом из Хуансяня. Кун Жун сделал много добра его семье, и юноша в благодарность решил помочь Кун Жуну. Представ перед правителем округа, Тайши Цы попросил тысячу отборных воинов, чтобы перебить разбойников.

– Мятежников много, – промолвил Кун Жун, – и вы, хоть и герой, вряд ли их одолеете. Вот если бы удалось призвать на помощь Лю Бэя! Он, я слышал, самый большой герой нынешних времен. Не знаю только, с кем отправить ему послание?

– Господин мой, готовьте письмо. Я еду! – воскликнул Тайши Цы.

Разя на пути врагов, Тайши Цы вырвался из окруженного города, благополучно добрался до Нинъюаня, явился к Лю Бэю и вручил ему послание. Лю Бэй согласился помочь Кун Жуну и вскоре выступил в Бэйхай вместе со своими братьями во главе трех тысяч отборных воинов.

Начался жаркий бой. Гуань Хай вступил в единоборство с Гуань Юем и пал, сраженный его мечом – Черным драконом.

После этого Тайши Цы и названные братья Лю Бэя – Гуань Юй и Чжан Фэй, словно тигры, ворвавшиеся в стадо баранов, стали расправляться с мятежниками. Тут и Кун Жун бросил в бой свои войска. Зажатый с двух сторон противник был разбит наголову.

Кун Жун торжественно встретил Лю Бэя и устроил в честь победы роскошный пир. На пиру зашла речь о Цао Цао.

– Цао Цао губит народ, – сказал Кун Жун. – Опираясь на сильных, попирает слабых. Почему бы вам не отправиться вместе со мной на помощь Тао Цяню?

²⁸ Дань – мера сыпучих тел и объема, равна примерно 100 л.

Лю Бэй согласился, но сказал, что прежде поедет к Гунсунь Цзаню за подкреплением. Прибыв к Гунсунь Цзаню, Лю Бэй рассказал ему, как обстоит дело, и попросил дать ему две тысячи воинов и военачальника Чжао Юня. Гунсунь Цзань согласился.

Итак, Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй повели свои три тысячи воинов вперед, Чжао Юнь с двухтысячным отрядом последовал за ними, и все вместе они двинулись в поход. Добравшись до Бэйхая, Лю Бэй пришел к Кун Жуну и сказал:

– Я предлагаю такой план: Чжао Юнь и Гуань Юй останутся с вами, а мы с Чжан Фэем пробьемся через лагерь Цао Цао в Сюйчжоу, и я переговорю с Тао Цянем.

В тот же день Лю Бэй и Чжан Фэй с тысячей конных и пеших воинов ворвались в расположение войск Цао Цао, и тут на них под барабанный бой хлынули, словно волны прилива, войска во главе с Юй Цзинем.

Чжан Фэй вступил в единоборство с Юй Цзинем, и Юй Цзинь, потерпев поражение, бежал. Чжан Фэй преследовал врага, убивая всех, кто попадался на пути, и достиг Сюйчжоу. Со стены города увидели знамя с белыми иероглифами: «Пинъюаньский Лю Бэй», и по приказу Тао Цяня открыли ворота.

Тао Цянь встретил Лю Бэя и проводил его в окружное управление. После приветственных церемоний в честь Лю Бэя был устроен пир, а после пира Тао Цянь приказал Ми Чжу вручить Лю Бэю печать и верительный знак на право управления Сюйчжоу.

– Что это значит? – удивился Лю Бэй.

– Поднебесную терзает смута, – промолвил Тао Цянь. – Права императора попорчены. Я стар и слаб, сыновья мои бездарны, а вы твердо стоите на ногах и доводите родственным Ханьскому дому. Своей силой вы действительно способны поддержать алтарь династии, и я хочу отдать вам Сюйчжоу.

Лю Бэй ответил с поклоном:

– Хоть я и потомок Ханьского дома, но заслуги мои и добродетели невелики. Достоин ли я вашей милости?

Как ни уговаривал Тао Цянь Лю Бэя, тот наотрез отказался принять его предложение...

Лю Бэй отправил к Цао Цао гонца с требованием немедленно снять с города осаду.

Цао Цао, прочитав послание, вскипел от ярости и хотел обезглавить гонца, после чего двинуть все силы на Сюйчжоу, но его удержал Го Цзя.

– Лю Бэй начал с послания, – сказал он, – а потом пустит в ход оружие. Лучше успокоить его сейчас, написать, что вы согласны снять осаду, а потом начать битву. Иначе города нам не взять.

Цао Цао послушался Го Цзя и уже хотел писать ответ, когда вдруг прискакал другой гонец с вестью, что Люй Бу вторгся в Яньчжоу и захватил Пуян.

– Если я потеряю Яньчжоу, – сказал встревоженный Цао Цао, – у меня не будет пристанища. Надо срочно что-то предпринять.

– Лучше всего помириться с Лю Бэем, – посоветовал Го Цзя, – а потом вернуть Яньчжоу.

Цао Цао тотчас же написал ответ Лю Бэю, затем снялся с лагеря и увел войска.

Гонец, вернувшись в Сюйчжоу, рассказал об этом Тао Цяню. Тао Цянь возликовал и пригласил в город на пышное празднество Кун Жуна, Тянь Кая, Гуань Юя, Чжао Юня и других военачальников.

После пира Тао Цянь усадил Лю Бэя на почетное место и снова стал уговаривать его принять на себя управление округом Сюйчжоу.

Уговаривали его и все приближенные Тао Цяня.

– Вы хотите, чтобы я совершил несправедливое дело! – воскликнул Лю Бэй.

Тогда Тао Цянь сказал:

– Раз Лю Бэй так упорно отказывается, пусть тогда расположит свое войско в Сяопэе – этот город недалеко отсюда – и охраняет Сюйчжоу.

На это Лю Бэй согласился и вскоре вместе с Гуань Юем и Чжан Фэем прибыл в Сяопэй. Они починили городскую стену и навели в городе порядок.

Тем временем Цао Цао приехал в свое войско, действовавшее в Яньчжоу, и узнал, что силы Люй Бу велики и что почти весь округ уже потерян.

– Люй Бу храбр, но глуп, – заявил Цао Цао.

Когда Люй Бу узнал, что Цао Цао с войсками уже прошел через Тэнсянь, он велел своим военачальникам Сюэ Ланю и Ли Фышу защищать Яньчжоу, а сам двинул войско против Цао Цао и расположился лагерем в Пуяне.

Узнав о приближении Цао Цао, советник Чэнь Гунн предупредил Люй Бу:

– Войска Цао Цао идут издалека, они измотаны, и надо ударить на них сразу, не дав им времени восстановить силы.

– Я исколесил Поднебесную вдоль и поперек, – отвечал Люй Бу, – мне ли бояться Цао Цао! Как только он раскинет лагерь, я возьму его в плен!

Сражение состоялось на другой день. Верхом на коне под войсковым знаменем Цао Цао наблюдал, как разворачиваются войска Люй Бу.

Загремели барабаны. Цао Цао крикнул Люй Бу:

– Никогда мы с тобой не враждовали, почему же ты захватил мой округ?

– Когда государство делят на части, – ответил Люй Бу, – каждый имеет право на свою долю!

Люй Бу тут же приказал своему военачальнику Цзан Ба вступить в поединок. Навстречу ему выехал Юэ Цзинь. В тридцати схватках сшибались всадники, но не могли одолеть друг друга. Негодование охватило Люй Бу. Вскинув алебарду, он врезался в строй противника, обратив вражеских военачальников в бегство. Цао Цао потерпел поражение. Но он быстро привел в порядок потрепанное войско и той же ночью по глухим тропам снова двинул его вперед, намереваясь напасть на врага врасплох.

Люй Бу как раз пировал со своими войсками, когда Цао Цао ворвался в западный лагерь сразу с четырех сторон. Охрана не выдержала натиска и разбежалась. Цао Цао овладел западным лагерем Люй Бу.

Военачальник Гао Шунь, которого Люй Бу отрядил охранять западный лагерь, добрался туда только ко времени четвертой стражи и был встречен противником. Войска вступили в беспорядочный бой. Приближался рассвет. В это время с западной стороны послышался гром барабанов – это шел на помощь сам Люй Бу. Цао Цао покинул лагерь и, преследуемый Гао Шунем, бежал на север. Но из-за гор вышел еще один вражеский отряд. Цао Цао в страхе повернул на запад и опять столкнулся с новым противником.

Всем военачальникам пришлось вступить в смертельную схватку. Цао Цао первым ринулся на неприятельский строй, но, встреченный тучами стрел, вынужден был остановиться. Тут к нему прорвался всадник. Это был Дянь Вэй, один из сильнейших его военачальников. Подняв свою обоюдоострую алебарду, Дянь Вэй крикнул:

– Не бойтесь, господин мой, я здесь!

С этими словами он соскочил с коня, воткнул алебарду в землю, схватил десяток дротиков и приказал тем, кто за ним следовал:

– Когда враг будет в десяти шагах от меня, предупредите!

Сам же он решительно двинулся вперед, не обращая внимания на стрелы. За ним устремилось несколько десятков всадников Люй Бу.

– Десять шагов! – раздался крик.

– Подпустите их еще на пять! – отвечал Дянь Вэй.

– Пять шагов! – снова раздался крик.

Тогда Дянь Вэй обернулся и стал метать дротики, пронзая одного за другим вражеских воинов. Он не промахнулся ни разу. Затем он вскочил на коня и помог Цао Цао выбраться из кольца врагов.

Люй Бу преследовал Цао Цао, и его воины были до крайности утомлены. Они остановились и в нерешительности глядели друг на друга. Каждый думал только о том, как бы спастись. Поистине:

Хоть из кольца врагов нас вынесут верные кони,
Но каково потом усталым уйти от погони?

О дальнейшей судьбе Цао Цао вы узнаете из следующей главы.

####

Глава двенадцатая

Тао Цянь в третий раз уступает Сюйчжоу Лю Бэю. Цао Цао вновь идет походом против Люй Бу

Как раз когда Цао Цао в панике бежал, с юга ему на помощь подоспел отряд под командованием Сяхоу Дуня. Сяхоу Дунь вступил в бой с Люй Бу и задержал его. Завязалась ожесточенная битва, продолжавшаяся до глубоких сумерек. Но тут хлынул проливной дождь, и обе стороны вынуждены были развести свои войска.

Но вернемся к Тао Цяню. К этому времени ему исполнилось шестьдесят три года, и он внезапно тяжело заболел. Чувствуя, что ему становится все хуже и хуже, он призвал на совет Ми Чжу и Чэнь Дэна.

– Цао Цао увел свои войска только потому, что Люй Бу напал на Яньчжоу, – сказал Ми Чжу. – Но весной он снова придет. Надо послать за Лю Бэем. Пока вы были здоровы, он не хотел брать на себя управление округом, но, думаю, теперь согласится.

Тао Цянь тотчас же отправил гонца в Сяопэй за Лю Бэем, и тот вместе с братьями не замедлил явиться в Сюйчжоу. Однако и на этот раз Лю Бэй отказался взять на себя управление. Лишь после смерти Тао Цяня Лю Бэй согласился стать правителем округа, о чем и было послано донесение ко двору.

Цао Цао в это время находился в Чжэньчане. Узнав о переменах в Сюйчжоу, он пришел в ярость.

– Так я и не успел отомстить Тао Цяню. А теперь Лю Бэй засел в Сюйчжоу! Но я его убью, потом выкраду труп Тао Цяня, разрублю на куски и так отплачу за смерть отца.

И он приказал немедленно собрать войска и готовиться к нападению на Сюйчжоу. Но Сюнь Юй стал его отговаривать.

– Лучше направиться на восток и напасть на земли княжества Чэнь, – сказал он. – Там сейчас хозяйничают Желтые повязки во главе с Хэ И и Хуан Шао. Справиться с ними будет нетрудно. Зато у них много провианта, которым можно кормить войско.

Цао Цао так и сделал.

Встреча с отрядами Желтых повязок произошла в Яншани. Цао Цао разгромил мятежников и захватил много золота, тканей и провианта.

Хэ И, растеряв войско, бежал с несколькими всадниками в Гэпо, но попал в новую беду – неожиданно выступивший из-за гор отряд преградил ему путь. Возглавлял его громадного роста детина. В первой же схватке великан взял Хэ И в плен. Остальные, на смерть перепуганные, сами сдались, и великан увел их с собой в крепость Гэпо.

Когда Дянь Вэй, преследуя Хэ И, достиг Гэпо, великан вывел свои войска ему навстречу.

– Ты тоже из банды Желтых повязок! – закричал Дянь Вэй.

– Сотни мятежников у меня в плену, – отвечал великан. – Если сумеешь отнять драгоценный меч, который у меня в руках, я их выдам тебе.

В ярости Дянь Вэй ринулся на него. Они бились с утра до полудня, передохнули и схватились вновь, но, в конце концов, Дянь Вэй отступил. Цао Цао, встревоженный этим известием, привел своих полководцев к Гэпо.

На следующий день великан снова вышел сражаться. Цао Цао, восхищенный его силой, приказал Дянь Вэю притвориться побежденным. После тридцати схваток Дянь Вэй обратился в бегство. Великан преследовал его до ворот лагеря. Но здесь лучники его отогнали. Цао Цао отвел войска на пять ли, послал воинов устроить волчью яму и посадить в засаду крючников.

На другое утро великан с Дянь Вэем снова вступили в бой. Дянь Вэй, как и накануне, после двух-трех схваток обратился в бегство. Великан и еще несколько воинов погнались за

ним, но провалились в яму. Всех их связали и привели к Цао Цао. Цао Цао собственноручно развязал великана, усадил его и спросил, откуда он родом и как его имя.

– Я из уезда Цяосянь, что в княжестве Цяо, а прозываюсь Сюй Чу, – отвечал великан. – Когда восстали мятежники, я собрал всех своих родственников, мы построили крепость и обороняемся в ней.

– Я давно слышал ваше славное имя, – сказал Цао Цао. – Не согласитесь ли вы пойти ко мне на службу?

– Это мое давнее желание, – отвечал Сюй Чу.

Цао Цао пожаловал ему высокий чин и щедро наградил. Вскоре Цао Цао с помощью Сюй Чу во второй раз овладел Яньчжоу, а затем двинулся в новый поход и подошел к Пуяну, где находился в это время Люй Бу.

Чэнь Гун попробовал было уговорить Люй Бу не вступать в бой, пока не соберутся его военачальники, но тот и слушать не хотел. Размахивая алебардой и осыпая врага бранью, Люй Бу новел свое войско вперед. Навстречу ему выехал Сюй Чу. Они схватывались двадцать раз, но победы никто не добился.

Тогда Цао Цао послал Сюй Чу на помощь Дянь Вэя. А тут еще слева и справа ударили другие военачальники. Люй Бу, не выдержав натиска, повернул обратно. Но в город его не пустили, мост был поднят. Пришлось Люй Бу увести войска в Динтао, и Цао Цао занял Пуян.

Было ясно, что Люй Бу не примирится с потерей Пуяна, и Цао Цао, решив с ним покончить, повел свои войска к Динтао и расположился там лагерем.

На следующий день Люй Бу с большой армией подступил к лагерю Цао Цао. Издали замечание в лесу знамена, он приказал поджечь лес со всех сторон. Это была хитрость. Там никого не оказалось. Поняв свою ошибку, Люй Бу решил ворваться в лагерь, однако крики и грохот барабанов в лагере врага испугали его. Пока он раздумывал, затрещали хлопучки и выскочили из засады воины. Люй Бу потерпел поражение и ушел из Динтао, а Цао Цао со своими войсками занял покинутый город. Так все земли Шаньдуна оказались в руках Цао Цао.

Отступая, Люй Бу встретил своих военачальников, которые шли к нему, и сказал:

– Хотя силы мои сейчас невелики, но все же я разобью Цао Цао.

Правильно говорится:

Обычное дело солдата – победа и поражение.

Кто знает, когда ему снова придется идти в сражение!

О том, как сражался Люй Бу, вам расскажет следующая глава.

####

Глава тринадцатая

Ли Цзяоэ сражается с Го Сы. Ян Фын и Дун Чэн спасают государя

Итак, Люй Бу, потерпев поражение, сказал своим военачальникам, что через некоторое время снова вступит в бой с Цао Цао, а пока надо найти где-нибудь надежное убежище. Ему посоветовали идти в Сюйчжоу к Лю Бэю. Люй Бу так и поступил.

Узнав об этом, Лю Бэй с большой свитой выехал за тридцать ли от города встречать Люй Бу и вместе с ним прибыл в город. Он устроил в честь гостя роскошный пир в ямыне²⁹.

На пиру Люй Бу рассказал Лю Бэю о своих неудачах и предложил действовать заодно. Лю Бэй же неожиданно стал предлагать ему должность правителя Сюйчжоу. Люй Бу уже готов был принять предложение, но заметил, как запылали гневом названные братья Лю Бэя, и заколебался.

– Не надо, мой младший брат, я не могу принять твое предложение, – сказал он.

Тут уж Чжан Фэй потерял самообладание и выкрикнул:

– Наш старший брат принадлежит к императорскому дому! А ты кто такой, что смеешь называть его братом, да еще младшим?! Идем, я буду биться с тобой насмерть!..

Лю Бэй прикрикнул на Чжан Фэя, чтобы тот замолчал, и обратился к Люй Бу:

– Мой недостойный брат вам нагрубил, но, надеюсь, когда-нибудь он искупит свою вину перед вами! А пока я бы предложил вам обосноваться в Сяопэе. Это небольшой городок недалеко от Сюйчжоу. Я буду обеспечивать вас провиантом и фуражом.

Люй Бу поблагодарил Лю Бэя и увел войска в Сяопэй.

А теперь вернемся к Цао Цао. Усмирив Шаньдун, он донес об этом двору, за что ему было пожаловано звание полководца – Восстановителя добродетели и титул Фэйтинского хоу.

В это же время Ли Цзюэ присвоил себе звание главнокомандующего, а Го Сы – великого полководца. Они творили бесчинства, но при дворе никто не смел даже заикнуться об этом. Командующий войсками Поднебесной Ян Бяо и глава налоговой палаты Чжу Цзюнь представили государю Сянь-ди секретное донесение, где говорилось:

«Ныне у Цао Цао более двухсот тысяч войска и несколько десятков советников и военачальников. Если он окажет поддержку династии и уничтожит злодейскую шайку, в Поднебесной воцарятся мир и порядок».

– Нас давно обижают оба эти разбойника, – со слезами на глазах молвил Сянь-ди. – Избавиться от них – великое счастье!

– У Го Сы очень ревнивая жена, надо сначала с ее помощью перессорить разбойников, а потом призвать Цао Цао с войсками и уничтожить всю шайку, – сказал Ян Бяо.

Государь согласился. Ян Бяо послал свою жену в дом Го Сы якобы по делу. Та явилась, завязала беседу с женой Го Сы и мимоходом заметила:

– Слышала я, что ваш муж вошел в преступную связь с женой Ли Цзюэ. Если Ли Цзюэ об этом узнает, он обоих убьет. Вам лучше прекратить с ними всякое знакомство.

– А я-то думаю, почему муж не ночует дома! – воскликнула жена Го Сы.

Через несколько дней, когда Го Сы, по обыкновению, собрался к Ли Цзюэ на пир, жена ему сказала:

– Двум героям не жить рядом. Смотри, как бы Ли Цзюэ не подсыпал тебе в кубок яду.

²⁹ Ямынь – присутственное место, учреждение в старом Китае.

Го Сы вначале слушать ничего не хотел, но жене все же удалось удержать его дома.

Вечером Ли Цзюэ прислал к Го Сы слугу с вином и угощением. Жена Го Сы подсыпала в кушанья яду и только потом внесла их в комнату. Го Сы хотел было приступить к еде, но жена его остановила:

– Пусть раньше собака попробует.

Собака тут же околела.

– Мы вместе с Ли Цзюэ вершим великие дела, – негодовал Го Сы, – а он без всякой на то причины замыслил меня убить.

Го Сы тайно привел в готовность отряд латников и решил напасть на Ли Цзюэ, а тот, проведав об этом, велел своим латникам убить Го Сы.

И вот у стен Чанъани завязалась кровавая битва. Воспользовавшись этим, разбойники стали грабить жителей. Тогда племянник Ли Цзюэ окружил дворец и насильно увез к себе в лагерь государя и вдовствующую императрицу.

Вслед за тем во дворец ворвался Го Сы. Государя там уже не было. Тогда он собрал всех дворцовых женщин и девушек и угнал в свой лагерь, а дворец сжег.

На другой день Го Сы с войском напал на лагерь Ли Цзюэ, но потерпел поражение. А Ли Цзюэ, не мешкая, перевез государя и государыню в крепость Мэйу, запретив кому бы то ни было с ними общаться.

Потом к крепости подошел Го Сы, и между ним и Ли Цзюэ снова завязался бой. Они сошлись в поединке, схватывались десять раз, но так и нельзя было сказать, кто победит. Тут на взмыленном коне прискакал Ян Бяо и еще издали крикнул:

– Остановитесь! Я созвал совет, чтобы помирить вас!

Шестьдесят сановников пришли уговаривать Го Сы помириться с Ли Цзюэ, но тот всех их посадил под стражу.

– На что же это похоже? – возмутился Ян Бяо. – Один захватил государя, другой – сановников!

Го Сы в гневе едва не убил Ян Бяо, но потом все же отпустил его. Отпустил он и Чжу Цзюня, а остальных оставил в лагере.

Целых пятьдесят дней сражались войска Ли Цзюэ и Го Сы. Убитых было не счесть.

Неожиданно пришла весть, что из Шэньси во главе огромного войска идет полководец Чжан Цзи, дабы водворить мир между враждующими сторонами, и что он объявил: кто не покорится ему, будет разгромлен. Ли Цзюэ тотчас же уведомил его о своем согласии. То же самое сделал и Го Сы. Тогда Чжан Цзи обратился к государю с почтительной просьбой переехать в область Хуннун³⁰.

Сянь-ди принял предложение с радостью и пожаловал Чжан Цзи звание Храбрейшего полководца³¹. Го Сы отпустил сановников, а Ли Цзюэ приготовил выезд для государя и его свиты и отрядил несколько сот воинов, чтобы они с алебардами сопровождали Сына неба.

Императорский кортеж тронулся в путь, но едва миновал Синьфын, как был остановлен какими-то войсками. Выяснилось, что это подчиненные Го Сы, которым тот приказал перекрыть дорогу и захватить Сына неба.

К счастью, вовремя подоспел на помощь командир императорской конницы Ян Фын и разгромил разбойников.

После этого Ян Фын предстал перед Сыном неба.

– Вы спасли нас, – молвил государь. – Заслуга ваша немалая! Мы премного вам благодарны.

³⁰ *Хуннун* – область в провинции Хэнань, на территории которой была расположена восточная столица тогдашнего Китая, город Лоян.

³¹ *Храбрейший полководец* – звание, соответствующее главнокомандующему.

Ночь император провел в лагере Ян Фына.

На другой день сам Го Сы напал на лагерь, где находился государь. Но тут с востока вдруг донеслись громкие крики: появился какой-то отряд и вступил в бой с войском Го Сы. Мятежники обратились в бегство. Предводителем отряда, пришедшего на помощь, оказался родственник государя Дун Чэн.

– Не печальтесь, государь, – молвил Дун Чэн. – Мы с Ян Фыном клянемся уничтожить обоих мятежников и восстановить спокойствие в Поднебесной.

Следующей ночью все двинулись в путь и благополучно прибыли в Хуннун.

Между тем Го Сы, возвращавшийся с разбитыми войсками, встретился с Ли Цзюэ, и тот сказал ему:

– Мы должны совместными силами напасть на Хуннун, убить императора и поделить Поднебесную.

Го Сы с радостью согласился. Они соединили войска и двинулись в поход, дотла разоряя земли, по которым проходили.

В Дунцзяне мятежников встретили Ян Фын и Дун Чэн.

Ли Цзюэ расположил войска слева, Го Сы занял поля и горы справа. Ян Фын и Дун Чэн вступили с ними в бой, но победить не смогли.

Войско Го Сы ворвалось в область Хуннун, чиня грабеж и разбой. Государь под охраной Дун Чэна и Ян Фына бежал в северную часть Шэньси. Ли Цзюэ и Го Сы, разделив войска, стали их настигать. Дун Чэн и Ян Фын отправили к ним послов с предложением заключить мир и одновременно послали секретный приказ в Хэдун, призывая на помощь полководцев Хань Сяня, Ли Юэ и Ху Цая. Все трое явились на зов, и с их помощью Дун Чэн снова взял Хуннун.

Между тем Ли Цзюэ и Го Сы продолжали бесчинствовать, грабили народ, старых и слабых убивали, молодых и здоровых забирали в войска и в схватках с противником бросали их в бой первыми, называя «смертниками». Силы мятежников были неисчислимы!

Но вот Го Сы одолел Ли Юэ хитростью. Когда в Вэйяне произошло столкновение, Го Сы приказал разбросать на дороге богатую одежду и различные драгоценности, и воины Ли Юэ, выйдя из повиновения, устроили настоящую свалку. А в это время войска Ли Цзюэ и Го Сы ударили с четырех сторон и нанесли им сокрушительный удар. Ян Фын и Дун Чэн бежали на север, спасая государя. Мятежники уже настигали государя. Тогда Дун Чэн и Ян Фын уговорили государя и государыню выйти из колясок и пройти к берегу реки Хуанхэ, откуда на лодке переправили их на другой берег.

На следующий день государев выезд снова двинулся в путь. Вдруг появились два сановника, которые, плача, склонились перед Сыном неба. Это были правитель столичной области Ян Бяо и конюший государя Хань Юн.

– Ли Цзюэ и Го Сы доверяют мне, – молвил Хань Юн, – и я, положившись на волю судьбы, попытаюсь уговорить их прекратить войну.

Переговоры Хань Юна с Ли Цзюэ и Го Сы увенчались успехом. Оба мятежника отпустили по домам чиновников и придворных.

Дун Чэн и Ян Фын послали людей отстраивать дворец в Лояне, собираясь перенести туда столицу, но Ли Юэ всеми силами этому противился.

– Вы можете ехать, – сказал им Ли Юэ, – а мы останемся здесь.

И вот государь со свитой стали готовиться в путь. Ли Юэ тайно договорился с Ли Цзюэ и Го Сы ограбить Сына неба и его свиту. Но Дун Чэн, Ян Фын и Хань Сянь, узнав об этом, ночью, охраняя императора, отправились в Цигуань. Ли Юэ, не дожидаясь Ли Цзюэ и Го Сы, бросился за ними в погоню. Во время четвертой стражи, когда государев выезд достиг уже гор Цзишань, раздался громкий возглас:

– Остановитесь! Ли Цзюэ и Го Сы здесь!

Все горы вокруг осветились факелами.

Поистине:

Два мятежника прежде врозь готовились к мести.
Три мятежника ныне соединились вместе.

О том, как император избавился от этой беды, вам расскажет следующая глава.
####

Глава четырнадцатая

Цао Цао благополучно доставляет государев двор в Сюйчан. Люй Бу нападает на Сюйчжоу

– Это Ли Юэ, – сказал Ян Фын, разгадав обман, и приказал Сюй Хуану с ним сразиться. В первой же схватке Сюй Хуан ударом меча сбил Ли Юэ с коня, сообщники его рассеялись, и государев поезд благополучно прошел через заставу Цзигуань.

Печальное зрелище ожидало государя в Лояне: дворец сгорел, улицы и площади были пустынные, вокруг все поросло полынью.

Тем временем Цао Цао в Шаньдуне, проведая о возвращении Сына неба в Лоян, созвал своих приближенных на совет. И тут один из них, Сюнь Юй, обратился к Цао Цао с такими словами:

– Тяжелые времена настали для нашего государя. Если вы возглавите войско и окажете ему помощь, то завоюете себе славу и всеобщую любовь. Надо выступать немедленно, чтобы никто не опередил нас.

Не успел Сюнь Юй это сказать, как прибыл государев гонец с указом, призывающим Цао Цао на помощь, и он поднял войска в тот же день.

Государь в это время находился в Лояне. Стены города местами обвалились, а тут еще распространились слухи о скором приходе Ли Цзюэ и Го Сы. Сын неба все время пребывал в страхе. Он созвал на совет приближенных, и тогда Дун Чэн сказал:

– Городские стены непрочны, войск у нас мало. Вряд ли мы здесь удержимся, уж лучше перенести двор в Шаньдун и укрыться там.

В тот же день государь отбыл в Шаньдун.

Когда отошли от городских ворот на расстояние одного полета стрелы, громадное облако пыли вдруг заслонило солнце; загрохотали гонги и барабаны. Приближалось огромное войско.

Вдруг появился всадник, который скакал навстречу государеву поезду. Это оказался гонец, возвращавшийся из Шаньдуна. Приблизившись к колеснице императора, он молвил с поклоном:

– Полководец Цао Цао поднял свои войска и направляется сюда по вашему повелению.

Под охраной прибывших от Цао Цао войск государев поезд двинулся дальше. Тут конный разведчик донес, что войска Ли Цзюэ и Го Сы приближаются ускоренным маршем. Тотчас же по приказу государя вперед была двинута конница, пехота следовала за ней. По войску мятежников ударили с двух сторон, и они потерпели поражение.

Государя упростили возвратиться в старый лоянский дворец. На другой день прибыл Цао Цао с большим отрядом конных и пеших воинов. После того как был разбит лагерь, он въехал в город повидаться с государем и в почтительном поклоне склонился перед ступенями дворцового крыльца. Государь пожаловал ему право стоять в его присутствии и поблагодарил за верную службу.

Еще он пожаловал Цао Цао звание инспектора столичной области с бунчуком и секирой и назначил его на должность первого министра с правом докладывать непосредственно самому государю.

Однажды император послал гонца к Цао Цао с приглашением явиться во дворец на совет.

Когда посланец предстал перед Цао Цао, тот спросил, кто он.

– Меня зовут Дун Чжао, – отвечал посланец.

– Давно слышал ваше имя! А сегодня посчастливилось встретить вас! – воскликнул Цао Цао.

Он пригласил Дун Чжао в шатер, угостил вином, потом стал расспрашивать о делах императорского двора.

– Вы восстали за справедливость и уничтожили смуту, – промолвил Дун Чжао. – Однако военачальники вряд ли станут вам подчиняться. Поэтому вам лучше не оставаться здесь, а перенести столицу в Сюйчан.

– Я сам думал об этом, – сказал Цао Цао.

Цао Цао после ухода Дун Чжао принял решение. Он явился к государю и сказал:

– Восточную столицу восстановить невозможно, да и с провиантом здесь плохо. Не соблаговолите ли перевести столицу в Сюйчан? Там хватит и денег, и провианта, есть и дворцовые строения, да и город обнесен стеной.

Государь согласился, и был назначен день переезда.

Охрану в пути нес Цао Цао. Придворные следовали за императором. Но не проехали они и нескольких ли, как услышали громкие крики, доносившиеся из-за высокого холма. Войска Ян Фына и Хань Сяня преградили им путь, впереди войск выступал Сюй Хуан. Его величественный вид восхитил Цао Цао, и он приказал Сюй Чу сразиться с ним. Меч скрестился с секирой. Более пятидесяти раз съезжались всадники, но не могли одолеть друг друга. Цао Цао ударил в гонг и отозвал своих воинов. Затем он позвал советников и сказал:

– Сюй Хуан настоящий воин. Надо попытаться привлечь его на нашу сторону.

Чиновник особых поручений при войске Мань Чун сказал:

– Я беру это на себя.

Мань Чун был некогда дружен с Сюй Хуаном. Ночью он пробрался в шатер Сюй Хуана и обратился к нему с такими словами:

– Я служу в армии Цао Цао и вот, рискуя жизнью, пришел к тебе, моему старому другу, повидаться. В мире мало людей, равных тебе по храбрости. Что же заставляет тебя служить Ян Фыну и Хань Сяню? Цао Цао – истинный герой. Он ценит людей мудрых и высоко чтит воинов. Восхищенный твоей храбростью, Цао Цао и послал меня к тебе, чтобы уговорить перейти на нашу сторону.

Сюй Хуан погрузился в раздумье, а потом сказал:

– Я последую твоему совету.

Той же ночью Сюй Хуан с несколькими десятками всадников вместе с Мань Чуном отправился к Цао Цао, но согладатаи успели предупредить об этом Ян Фына, и тот с тысячным отрядом бросился в погоню. Однако догнать беглецов ему не удалось. Он столкнулся с отрядом войск Цао Цао и вынужден был повернуть назад.

Вскоре императорский двор прибыл в Сюйчан. Там были возведены дворцы и дома, сооружены алтарь и храм предков, террасы, палаты и ямыни, подправлены городские стены, отстроены житницы. С этого времени вся власть перешла к Цао Цао.

Завершив успешно великое дело, Цао Цао устроил пир для советников и обратился к ним с такими словами:

– Лю Бэй расположился со своим войском в Сюйчжоу и управляет делами округа. Когда Люй Бу потерпел поражение, он перешел к Лю Бэю, и тот отправил его в Сяопэй, где много провианта. Если они будут пребывать в согласии и нападут на нас, это может принести великие бедствия. Кто из вас предложит план, как разделаться с ними?

– Я, – ответил Сюнь Юй. – Мой план я назвал бы так: «Как заставить двух тигров передрасть из-за добычи». Лю Бэй управляет Сюйчжоу, но у него нет на это государева указа. Испросите у государя такой указ и приложите к нему секретное письмо с требованием убить Люй Бу.

К Лю Бэю тотчас же отправили с письмом посланца. Прочтя письмо, Лю Бэй сразу догадался о замысле Цао Цао, но сказал:

– Это легко устроить.

На другой день прибыл Люй Бу с поздравлениями.

– Я слышал, – сказал он, – что вы удостоились милости двора, и явился вас поздравить.

Лю Бэй поблагодарил и дал Люй Бу прочесть секретное письмо Цао Цао.

– Злодей хочет посеять между нами вражду! – воскликнул Люй Бу.

– Не печальтесь, брат мой, – принялся утешать его Лю Бэй. – Клянусь, что не совершу этого черного дела!

Утром Лю Бэй проводил государева посланца в столицу и в ответном письме сообщил Цао Цао, что со временем выполнит его просьбу. Однако посланец, передав письмо, добавил от себя, что Лю Бэй не собирается убивать Люй Бу.

– Я придумал другой план, – сказал Сюнь Юй. – «Как заставить тигра съесть волка». Надо тайно уведомить Юань Шу, что Лю Бэй собирается вторгнуться в южные области. Юань Шу разъярится и нападет на Лю Бэя, а вы прикажете Лю Бэю покарать Юань Шу. Лю Бэй уйдет из Сюйчжоу, и тогда у Люй Бу непременно появятся преступные замыслы.

Цао Цао так и поступил. Он послал человека к Юань Шу, а затем, подделав государев указ, отправил гонца в Сюйчжоу. В тот же день Лю Бэй во главе тридцати тысяч воинов покинул Сюйчжоу и направился к Наньяну.

А теперь расскажем о Юань Шу. Когда ему донесли, что Лю Бэй вознамерился захватить его округ, он немедленно послал лучшего своего полководца Цзи Лина со стотысячным войском захватить Сюйчжоу.

У Лю Бэя воинов было мало, и он расположился лагерем, прикрывшись с тыла горой и рекой.

Вооруженный трехгранным мечом весом в пятьдесят цзиней, Цзи Лин выехал из строя и стал поносить Лю Бэя. Затем, размахивая мечом, помчался прямо на него.

Но тут с Цзи Лином схватился Гуань Юй. Около тридцати раз съезжались противники, но ни один не смог победить.

Затем в поединке с Гуань Юем вступил помощник Цзи Лина – Сюнь Чжэн, но Гуань Юй в первой же схватке сбил его с коня. Тогда Лю Бэй повел свое войско в наступление. Цзи Лин потерпел поражение и отступил. Еще несколько раз пытался он овладеть лагерем противника, но безуспешно, только потерял в бою много воинов.

Между тем Чжан Фэй, оставшийся охранять город, пригласил на пир всех сановников и обратился к ним с такой речью:

– Уходя в поход, наш старший брат наказывал мне поменьше пить, дабы я не натворил бед. Так вот, сегодня пейте, сколько душе угодно, а с завтрашнего дня – ни глотка. Вы должны помогать мне охранять город.

Все принялись пить, один только Цао Бао отказался. Однако Чжан Фэй все же заставил его выпить кубок.

Но от второго кубка Цао Бао наотрез отказался. Сильно захмелевший Чжан Фэй крикнул:

– Ты нарушаешь приказ начальника и за это получишь сто ударов палкой!

И он кликнул стражу.

– Если бы вы, господин Чжан Фэй, знали, кто мой зять, то не стали бы меня наказывать, – сказал Цао Бао.

– Кто же такой твой зять?

– Мой зять – Люй Бу.

– Ах, так ты вздумал пугать меня своим Люй Бу? Тогда я буду бить тебя, как бил бы самого Люй Бу.

И, не слушая ничьих уговоров, он отхлестал Цао Бао плетью. Вернувшись домой, Цао Бао послал человека в Сяопэй с письмом к Люй Бу, в котором жаловался на бесчинства Чжан Фэя, а заодно сообщал, что Лю Бэй отправился в Хуайинь, а Чжан Фэй мертвецки пьян и что нынче ночью можно напасть на Сюйчжоу.

Люй Бу немедленно вскочил на коня и во главе пятисот всадников двинулся в поход, приказав своему советнику Чэнь Гуну с большим войском идти следом.

От Сяопэя до Сюйчжоу было рукой подать, и ко времени четвертой стражи Люй Бу был уже у стен города. Ярко светила луна, и стража со стены его заметила.

– Прибыл гонец господина Лю Бэя с секретным письмом! – крикнул Люй Бу.

Об этом доложили Цао Бао, и тот велел открыть ворота. Перебив стражу, Люй Бу ворвался в город. А в это время Чжан Фэй мирно спал в своей опочивальне. Слуги разбудили его и растолковали, что произошло.

Чжан Фэй быстро оделся, схватил копье и выбежал из дому. Но хмель с него еще не сошел, и он решил, не вступая в бой, бежать, позабыв о семье Лю Бэя, оставшейся во дворце.

Цао Бао его настиг, вступил с ним в бой, но после третьей схватки бежал. Чжан Фэй преследовал его до самой реки и ударом копья пронзил насквозь.

Заняв город, Люй Бу успокоил народ и послал сотню воинов охранять дом Лю Бэя, запретив самовольно входить туда кому бы то ни было.

Добравшись до Сюйи, Чжан Фэй явился к Лю Бэю и рассказал ему о том, что произошло.

– А где жена нашего брата? – спросил Гуань Юй.

– Все погибли.

– Это ты во всем виноват! – крикнул Гуань Юй. – Ты сдал город и оставил на произвол судьбы семью старшего брата!

От этих упреков Чжан Фэй пришел в отчаяние и схватил меч, чтобы заколоть себя.

Вот уж поистине:

Пьешь из кубка вино, а после каешься слезно
И в покаянье мечом готов заколоться, но поздно!

О дальнейшей судьбе Чжан Фэя вы узнаете из следующей главы.

####

Глава пятнадцатая

Тайши Цы сражается с Сунь Цэ.

Сунь Цэ вступает в войну с Янь Боху

Итак, Чжан Фэй хотел лишиться себя жизни, но Лю Бэй отобрал у него меч, бросил на землю и, обнимая брата, сказал:

– Мы поклялись умереть вместе. Так могу ли я допустить, чтобы в расцвете лет погиб мой брат? Да и город этот мне не принадлежал! А семью мою, может быть, удастся спасти. Не думаю, чтобы Люй Бу причинил ей вред.

Между тем Юань Шу, прослышав о том, что Люй Бу напал на Сюйчжоу, незамедлительно послал к нему гонца, обещая пятьдесят тысяч ху³² провианта, пятьсот коней, десять тысяч лянов золота и серебра и тысячу кусков разноцветного атласа, если Люй Бу нападет на Лю Бэя. Люй Бу обрадовался и послал против Лю Бэя Гао Шуня, поставив его во главе пятидесяти тысяч воинов. Лю Бэю стало известно об этом, и он покинул Сюйи. Но Гао Шунь явился к Цзи Лину и стал требовать обещанную награду.

– Я повидаюсь со своим господином и все улажу, – сказал Цзи Лин.

Вскоре Юань Шу прислал Люй Бу письмо, в котором говорилось: «Я пришлю обещанное, когда будет схвачен Лю Бэй».

Люй Бу проклинал Юань Шу за его вероломство и решил пойти на него войной, но Чэнь Гун его отговорил. Тогда Люй Бу отправил Лю Бэю письмо с просьбой вернуться.

И Лю Бэй пустился в обратный путь. Люй Бу, опасаясь, как бы Лю Бэй не заподозрил какого-либо подвоха, прежде всего отослал к нему его семью. Узнав от жен, как хорошо обходился с ними Люй Бу, Лю Бэй отправился в Сюйчжоу и сказал Люй Бу:

– Я хотел бы уступить вам этот город.

Люй Бу стал было отказываться, но Лю Бэй настоял на своем и отправился в Сяонэй.

С этих пор между обоими домами установился мир.

Юань Шу устроил для своих воинов большой пир в Шоучуне, и тут ему доложили, что Сунь Цэ, ходивший войной на луцзянского правителя Лу Кана, возвращается с победой. Юань Шу пригласил и его к себе на пиршество.

После гибели отца Сунь Цэ жил в Цзяннани и водил дружбу с учеными людьми. Но спустя немного времени перешел на службу к Юань Шу. Юань Шу полюбил его и сделал своим приближенным. Но Сунь Цэ, хоть и гордился этим, не мог не думать о том, что недостойн своего отца Сунь Цзяня, настоящего героя. И вот однажды Сунь Цэ явился к Юань Шу, поклонился и сказал со слезами:

– Я до сих пор не отомстил за отца. Ныне яньчжоуский окружной ревизор Лю Яо вновь стал притеснять У Цина, моего дядю, брата моей матушки. Сама матушка, жена и дети находятся в Цюйэ и подвергаются опасности. Осмелюсь попросить у вас несколько тысяч храбрых воинов, чтобы с их помощью выручить из беды моих близких. Если не верите, примите в залог государеву печать, оставленную мне отцом.

Юань Шу обрадовался, взял печать, которую давно мечтал раздобыть, дал Сунь Цэ три тысячи воинов и пятьсот коней и присвоил звание полководца – Истребителя разбойников.

Сунь Цэ поблагодарил и в назначенный день выступил в поход вместе со своими военачальниками. Возле Лияна им повстречалось войско во главе с Чжоу Юем, давним другом Сунь Цэ. Оба обрадовались, и Сунь Цэ посвятил Чжоу Юя в свои планы. Выслушав его, Чжоу Юй промолвил:

³² Ху – мера объема зерна, в древности около 100 л.

- Я буду служить тебе так же верно, как служат человеку собака и конь.
- Твоя дружба обеспечит успех дела! – воскликнул Сунь Цэ.

Он пригласил на службу двух мудрецов, двух Чжанов – Чжан Чжао из Пынчэна и Чжан Хуна из Гуанлина, и все вместе они обсудили план нападения на Лю Яо.

Лю Яо находился в городе Цюйэ. Узнав, что приближаются войска Сунь Цэ, он созвал своих военачальников на совет, и тогда один из них, Чжан Ин, молвил:

- Я с войском расположусь в Нючжу и не подпущу врага.
- А я хотел бы пойти впереди! – воскликнул стоявший у шатра Тайши Цы.
- Молод еще, – сказал Лю Яо. – Оставайся лучше возле меня.

Чжан Ин с войском двинулся в Нючжу и там, на отмели, встретился с противником. На поединок с Чжан Ином выехал Хуан Гай, но тут в войсках Чжан Ина произошло смятение – доложили, что кто-то поджег лагерь. Чжан Ин отступил и, преследуемый Сунь Цэ, бежал в горы.

Позднее стало известно, что лагерь подожгли два могучих воина – Цзян Цинь и Чжоу Тай. Они привели к Сунь Цэ под начало отряд из трехсот с лишним человек. Сунь Цэ захватил оружие и провиант, брошенные противником, взял более четырех тысяч пленных и двинулся на Шэньтин.

После того как Чжан Ин потерпел поражение, Лю Яо сам повел войска в Шэньтин и разбил лагерь у южного склона хребта. Сунь Цэ расположился у северного склона.

На вершине хребта стоял храм ханьского императора Гуань-ди. И Сунь Цэ решил пойти туда помолиться, тем более что ему приснилось, будто Гуань зовёт его. Его пытались убедить, что это опасно, неподалеку враг, но Сунь Цэ все же поехал, уверенный, что в случае чего ему поможет дух покойного государя.

Помолившись, Сун Цэ вышел из храма, сел на коня и вместе с военачальниками перешел хребет, чтобы разведать, где находится лагерь Лю Яо.

К югу виднелись деревушки и рощицы, где в засаде укрывались небольшие отряды.

Гонец тотчас же доложил Лю Яо о появлении Сунь Цэ.

– Сунь Цэ хитрит! Он хочет вовлечь нас в бой, – сказал Лю Яо, – не преследуйте его.

– Если сейчас не схватить Сунь Цэ, какого же еще случая ждать? – с жаром возразил Тайши Цы. Не ожидая приказа Лю Яо, он облачился в латы, вскочил на коня и бросился из лагеря с громким криком: – Эй, храбрецы, за мной!

Никто не двинулся с места. Лишь один неизвестный воин последовал за Тайши Цы.

Тем временем Сунь Цэ двинулся в обратный путь. Как раз в тот момент, когда он преодолевал хребет, с вершины донесся громкий окрик:

– Сунь Цэ, стой!

Сунь Цэ обернулся и увидел двух всадников. Он развернул в ряд тринадцать своих спутников и сам с копьем на изготовку остановился в ожидании врага.

– Который тут Сунь Цэ? – крикнул Тайши Цы. – Я Тайши Цы из Дунлана и хочу его изловить!

– Сунь Цэ перед тобой, – со смехом ответил Сунь Цэ.

И начался бой. Противники схватывались пятьдесят раз, но ни один из них не в силах был одолеть другого.

Тайши Цы, видя, как искусно владеет Сунь Цэ копьем, притворился побежденным и стал отступать, чтобы завлечь Сунь Цэ в такое место, где его люди не смогут ему помочь. Сунь Цэ погнался за ним, и так они достигли равнины, где протекала река. Тут противники снова схватились. Тайши Цы нанес удар копьем, но Сунь Цэ ухватился за его копье и сам сделал выпад. Тайши Цы ухватил за копье Сунь Цэ и не отпускал. В конце концов, оба свалились с коней, копья выпали у них из рук, но они продолжали биться на кулаках. Кони их убежали неизвестно куда.

Сунь Цэ быстрым и ловким движением выхватил короткую алебарду, которая была у Тайши Цы за спиной, а Тайши Цы успел сорвать шлем с головы Сунь Цэ. Сунь Цэ напал на противника с алебардой, а тот отбивался его шлемом. Вдруг позади послышался шум – это шло войско Лю Яо. Сунь Цэ растерялся было, но на помощь ему прискакали Чэн Пу и другие всадники.

Воины Лю Яо ожесточенно набросились на Чэн Пу и стали с боем продвигаться по Шэньтинскому хребту, как вдруг со всех сторон раздались громкие крики – это проходил Чжоу Юй с войском.

Наступили сумерки, поднялся свирепый ветер, полил дождь. Обе стороны вынуждены были отвести войска.

На другой день Сунь Цэ со своим войском подступил к лагерю Лю Яо и стал вызывать противника на бой. Шум стоял невообразимый.

Каждая сторона громко хвасталась своими трофеями. В поединок вступили Тайши Цы и Чэн Пу. Однако на тридцатой схватке Лю Яо велел своим войскам отойти.

– Мне донесли, – сказал он, – что Чжоу Юй и Чэнь У завладели городом Цюйэ. А там у меня вся семья и имущество. Надо немедленно идти на помощь.

Тайши Цы ушел с войском Лю Яо.

Сунь Цэ разделил войско на пять отрядов и двинул их на Лю Яо. Тот потерпел новое поражение, воины его разбежались. Тайши Цы с несколькими десятками всадников бежал в уездный город Цзиньсянь.

Пока Тайши Цы собирал там молодцов, готовясь отомстить за Лю Яо, Сунь Цэ обдумывал с Чжоу Юем, как захватить Тайши Цы живым. Чжоу Юй предложил напасть на Цзиньсянь с трех сторон, оставив свободными восточные ворота, чтобы противник мог бежать, а в двадцати пяти ли от города на трех дорогах устроить засады и так захватить Тайши Цы в плен.

Сунь Цэ велел Чэнь У взобраться ночью на стену и зажечь огонь. Тайши Цы, увидев пламя, вскочил на коня и через восточные ворота бежал из города. Сунь Цэ с войском преследовал его. Когда же Тайши Цы промчался пятьдесят ли, из зарослей тростника раздались воинственные возгласы, и не успел Тайши Цы опомниться, как конь его был опутан веревками, а сам он взят в плен и доставлен в большой лагерь.

Сунь Цэ вышел навстречу и, отослав стражу, сам освободил пленника от пут, надел на него шелковый халат и пригласил в лагерь. Обласканный Сунь Цэ, Тайши Цы изъявил ему свою покорность.

– Лю Яо недавно снова потерпел поражение, – молвил Тайши Цы, – и воины его пали духом. Я хотел бы собрать его войско и привести к вам. Не знаю только, поверите вы мне или не поверите.

– Поверю. Но завтра в полдень вы должны вернуться, – ответил Сунь Цэ.

На другой день у ворот лагеря поставили бамбуковый шест, и когда тень его показала полдень, Тайши Цы с тысячей воинов вернулся в лагерь.

Став во главе войск, Сунь Цэ повел своих воинов на юг, чтобы взять округ У. В то время там хозяйничал некий Янь Боху, самозвано величавший себя Дэским ваном – Добродетельным из Восточного У. Узнав о приближении войска Сунь Цэ, Янь Боху послал против него своего брата Янь Юя. Противники встретились у Кленового моста – Фынцяо.

В поединок с Янь Боху вступил Хань Дан. Он победил и довел свой отряд до городских ворот. Разбойники укрылись за стенами. Три дня из осажденного города никто не выходил. Тогда Сунь Цэ подвел своих воинов к главным городским воротам и стал вызывать противника на бой. На стену поднялся какой-то захудалый военачальник. Опираясь левой рукой на ограду, он громко бранился. Тайши Цы схватил лук, наложил стрелу и, обращаясь к военачальникам, сказал:

– Сейчас я попаду ему в левую руку!

Не умолк еще его голос, как зазвенела тетива и стрела пригвоздила к стене левую руку вражеского военачальника. Тут Янь Боху в страхе вскричал:

– Если у них все такие, то нам не устоять.

На другой день Янь Боху послал Янь Юя на переговоры с Сунь Цэ. Сунь Цэ пригласил посланца в шатер, угостил вином и спросил:

– Каковы намерения твоего брата?

– Он хочет поделить с вами земли к востоку от реки Янцзы.

– Этакая крыса! Равняет себя со мной, – вскипел Сунь Цэ. Он тут же приказал обезглавить Янь Юя, а голову его отправить Янь Боху.

Янь Боху понял, что ему не одолеть врага, и бежал, покинув город.

Вскоре Сунь Цэ повел войска против горных разбойников и разбил их. Во всем Цзяншане водворилось спокойствие. Выделив военачальников для охраны проходов в горах, Сунь Цэ написал донесение двору, завязал дружбу с Цао Цао, а затем послал человека с письмом к Юань Шу за государственной печатью.

Юань Шу втайне надеялся провозгласить себя государем, поэтому в ответном письме под разными предложениями отказался возвратить печать. Он созвал своих приближенных и обратился к ним с такими словами:

– Я дал Сунь Цэ войско, и он захватил все земли к востоку от Янцзы. А теперь требует у меня государеву печать. Такая неблагодарность заслуживает суровой кары!

– У Сунь Цэ отборные войска и много провианта, – заметил старший летописец Ян Дацзян. – Он удерживает труднодоступные земли к востоку от Янцзы, и справиться с ним сейчас трудно. Прежде всего надо отомстить Лю Бэю за то, что он на нас напал, а потом выступить против Сунь Цэ. Я знаю, как в короткий срок захватить Лю Бэя.

Вот уж поистине:

Он не пошел в Цзяндун, чтоб с тигром сразиться взъяренным.

Отправился он в Сюйцзюнь помериться силой с драконом.

Каков был этот план, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава шестнадцатая

Люй Бу стреляет в алебарду у ворот лагеря. Цао Цао терпит поражение на реке Юйшуй

– Какой же вы предлагаете план? – спросил Юань Шу, обращаясь к Ян Дацзяну.

– Войско Лю Бэя расположено в Сяопэе. Сяопэй взять легко. Но в Сюйчжоу, словно тигр в пещере, засел Люй Бу, который на вас в обиде за то, что до сих пор вы не дали ему обещанного золота, тканей, провианта и лошадей. Боюсь, он поможет Лю Бэю. Поэтому надобно тотчас же отправить ему провиант, задобрить его, чтобы не выступил, а Лю Бэя одного одолеть нетрудно. Прежде покончим с ним, потом с Люй Бу и захватим Сюйчжоу.

План пришелся Юань Шу по душе. Он отправил Люй Бу с посланцем провиант и секретное письмо.

Люй Бу радушно принял посланца, о чем тот по возвращении рассказал Юань Шу. И Юань Шу немедленно двинул на Сяопэй войско под началом Цзи Лина.

Когда весть об этом дошла до Лю Бэя, он написал Люй Бу письмо с просьбой о помощи, и тот, решив, что ему больше следует опасаться Юань Шу, нежели Лю Бэя, тотчас же двинулся в поход.

Цзи Лин между тем, двигаясь ускоренным маршем, уже достиг юго-восточной окраины уезда Пэй и здесь разбил лагерь.

У Лю Бэя было всего пять тысяч воинов, и он счел за благо вывести их из города и расположиться лагерем. Но тут к нему пришла весть, что Люй Бу с войсками подходит к Сяопэю с юго-востока. Когда об этом узнал Цзи Лин, он тотчас же послал Люй Бу письмо, упрекая его в вероломстве.

Люй Бу же отправил гонцов к обоим военачальникам – Цзи Лину и Лю Бэю, приглашая их на пир.

Гуань Юй и Чжан Фэй, опасаясь за жизнь старшего брата, поехали вместе с ним.

– Сегодня я избавлю вас от опасности, – сказал им Люй Бу, – но обещайте мне, что никогда не забудете этого.

Тут доложили о прибытии Цзи Лина, и Люй Бу сказал Лю Бэю:

– Я пригласил вас обоих для переговоров.

Вошел Цзи Лин и, увидев Лю Бэя, вскричал:

– Вы хотите меня убить?

– Нет, – ответил Люй Бу.

– Значит, вы собираетесь убить этого Большеухого?

– Тоже нет.

– Тогда что все это значит?

– Вы напали на Лю Бэя, а я пришел спасти его, ибо мы с ним братья, – ответил Люй Бу.

– В таком случае убейте меня! – крикнул Цзи Лин.

– В этом нет никакого смысла. Я не люблю ссор, я люблю творить мир и хочу прекратить вражду между вами.

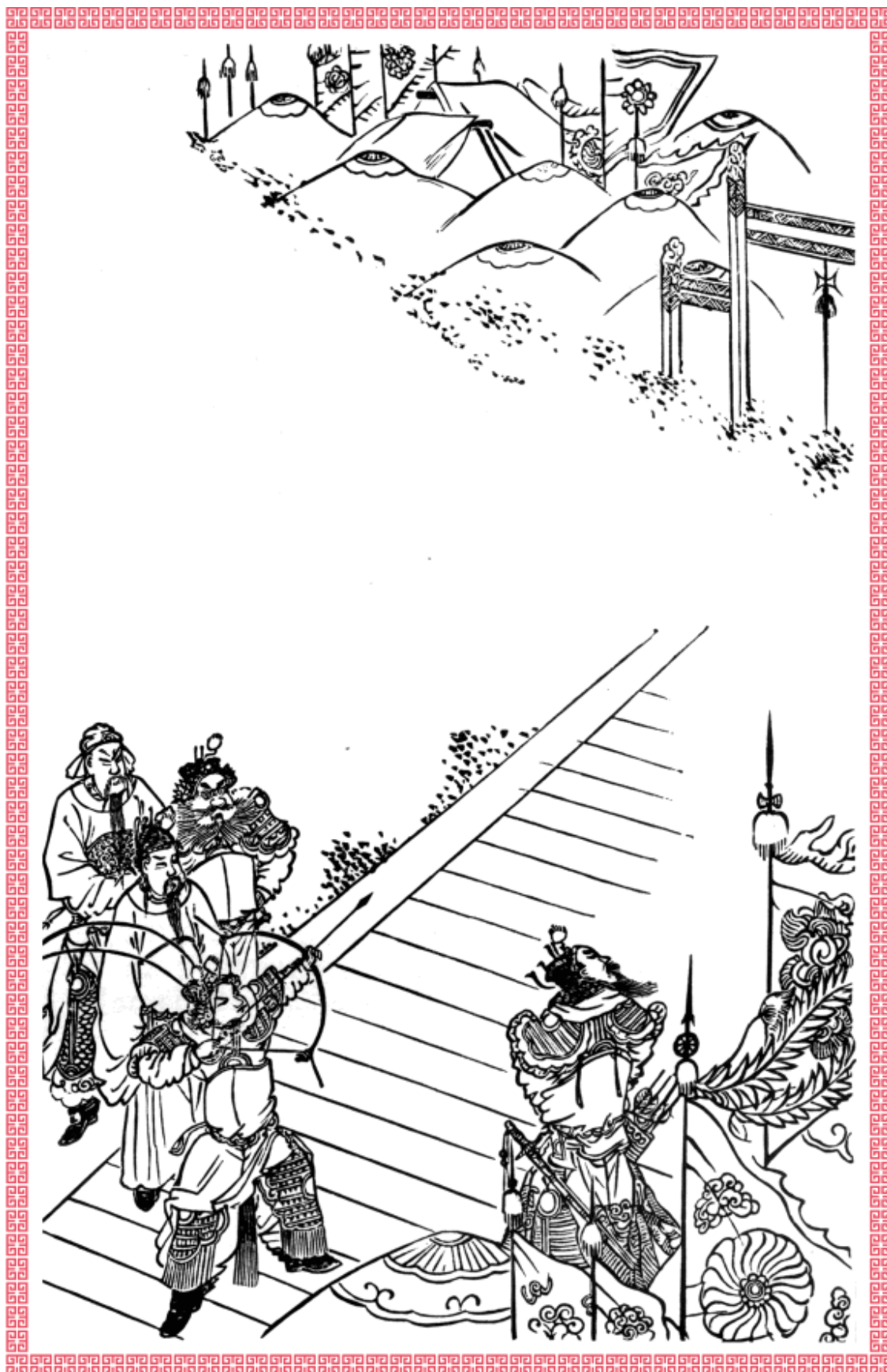
Сказав это, Люй Бу уселся в середине шатра, посадил Цзи Лина по левую руку, Лю Бэя по правую и велел начинать пир. Когда вино обошло несколько кругов, Люй Бу сказал:

– Я прошу вас из уважения ко мне прекратить войну.

Лю Бэй молчал. Цзи Лину это предложение не понравилось. Он возражал. А что касается Чжан Фэя, то он так и рвался в бой.

Тогда Люй Бу велел приближенным поставить алебарду за воротами лагеря и сказал, обращаясь к Цзи Лину и Лю Бэю:

– Отсюда до ворот сто пятьдесят шагов. Сейчас я выпущу стрелу. Если она попадет в среднее острие алебарды, вы прекратите войну. Не попаду – возвращайтесь к себе и готовьтесь к битве. Только не вздумайте мне перечить!

Люй Бу стреляет в алебарду

Выпили еще по кубку вина. Люй Бу приказал подать лук и стрелы. Затем он засучил рукава, наложил стрелу и натянул тетиву до отказа. Лук изогнулся, словно осенний месяц в небе, стрела взвилась, подобно падающей звезде, и точно попала в цель. Военачальники и воины закричали от восторга.

Люй Бу, смеясь, бросил лук на землю, взял Цзи Лина и Лю Бэя за руки и сказал:
– Небо повелевает вам прекратить войну!

Вино обошло еще несколько кругов, и Цзи Лин удалился. Ушли и Лю Бэй с Гуань Юем и Чжан Фэем.

Возвратившись в Хуайнань, Цзи Лин поведал Юань Шу о том, как Люй Бу стрелял в алебарду и установил мир, и в подтверждение показал полученное от него письмо.

Юань Шу вознегодовал и решил сам повести войска, чтобы покарать обоих: Лю Бэя и Люй Бу, но Цзи Лин его отговорил.

– Люй Бу по силе и храбрости превосходит многих, – сказал он, – да к тому же еще владеет землями Сюйчжоу. Слышал я, что у Люй Бу от жены, урожденной Янь, есть дочь, которую он очень любит. Надо женить на ней вашего единственного сына и породниться с Люй Бу. Тогда он сам покончит с Лю Бэем, ибо известно, что «чужой не может стоять между родственниками».

В тот же день Юань Шу послал Хань Иня к Люй Бу с дарами и предложением породниться.

Люй Бу решил посоветоваться с женой.

– Сколько у Юань Шу сыновей? – спросила жена.

– Один-единственный, – отвечал Люй Бу.

– Тогда соглашайтесь. Лучшего брака и желать нельзя. Юань Шу – человек могущественный, рано или поздно он провозгласит себя императором. Тогда наша дочь со временем может стать государыней!

В это время пришел Чэнь Гун и обратился к Люй Бу:

– Я слышал, что вы отдаете дочь замуж за сына Юань Шу. Это прекрасно! На какой же день назначено бракосочетание?

– Пока не решил, – отвечал Люй Бу.

– Ныне все князья Поднебесной дерутся друг с другом, – сказал Чэнь Гун. – И разве не станут они завидовать вам, если вы породнитесь с Юань Шу? Они могут похитить невесту, когда свадебный поезд будет в пути. Поэтому лучше было бы отказаться от этого брака. Но раз уж вы согласились, действуйте без промедления, пока не узнали об этом князья: немедленно отправляйте дочь в Шоучунь.

Люй Бу послушался совета Чэнь Гуна, приготовил приданое, погрузил на повозки драгоценности и благовония и снарядил дочь в дорогу. Под музыку и барабанный бой поезд выехал из города.

Узнав об этом, отец Чэнь Дэна, старик Чэнь Гуй, превозмогая хворь, отправился к Люй Бу. При виде его Люй Бу удивился:

– Зачем вы, такой больной, пришли ко мне?

– Выразить соболезнование по поводу вашей близкой смерти.

– Что вы такое говорите? – еще больше удивился Люй Бу.

– В свое время Юань Шу прислал вам дары, собираясь погубить Лю Бэя, но вы предотвратили это метким выстрелом в алебарду, – пояснил Чэнь Гуй. – Теперь он решил породниться с вами, чтобы вы не могли прийти на помощь Лю Бэю, а сам нападет на него и возьмет Сяопэй. Тогда и Сюйчжоу окажется в опасности.

– Чэнь Гун меня обманул! – вскричал Люй Бу.

Он приказал вернуть дочь домой и послал гонца сообщить Юань Шу, что свадьба откладывается, ибо приданое еще не готово.

Вдруг явились Сунь Сянь и Вэй Сюй с жалобой на Лю Бэя.

– По вашему повелению мы отправились в Шаньдун, – говорили они. – Купили триста добрых коней, добрались до уезда Сяопэй, и тут разбойники отняли у нас половину. Мы слышали, что под видом разбойников орудовал Чжан Фэй, брат Лю Бэя, и его люди.

Люй Бу разгневался, собрал немедленно войско и отправился в Сяопэй. Лю Бэй встревожился и вышел ему навстречу.

– Зачем вы, брат мой, привели сюда войско?

– Я спас тебя от беды, а твой Чжан Фэй отобрал у меня сто пятьдесят лучших коней! – кричал Люй Бу.

– Да, это я увел твоих коней! – заявил Чжан Фэй, с копьем наперевес выезжая вперед. – Чего же ты теперь хочешь?

– Эй ты, бесстыжий! Уже не первый раз ты оскорбляешь меня! – закричал Люй Бу и вступил в бой с Чжан Фэем.

Бились они ожесточенно, но ни один из них не мог победить. Тогда Лю Бэй отвел своих воинов в Сяопэй, а войска Люй Бу окружили город.

Лю Бэй послал к Люй Бу гонца, предлагая вернуть коней и прекратить войну. Люй Бу согласился было, но Чэнь Гун его отговорил. И Люй Бу повел наступление на город.

– Мы осаждены, – сказал Лю Бэй своим приближенным. – Надо проложить себе путь. Кто пойдет вперед?

– Я пойду, – отозвался Чжан Фэй.

Ночью, при ярком свете луны, Лю Бэй и Гуань Юй вышли из северных ворот и двинулись в путь. Чжан Фэй уже вел бой, прокладывая дорогу. Осада была прорвана. Люй Бу, узнав об уходе Лю Бэя, не стал его преследовать.

Лю Бэй подошел к Сюйчану, расположился лагерем у стен города и отправил к Цао Цао гонца с просьбой о помощи, а на другой день Цао Цао пригласил его к себе. Цао Цао принял Лю Бэя с почетом, как высокого гостя, выслушал и сказал:

– Люй Бу неведома справедливость, и мы с вами общими силами накажем его.

Цао Цао уговорил государя назначить Лю Бэя правителем округа Юйчжоу и отправил ему туда десять тысяч ху провианта. Лю Бэй, прибыв в Юйчжоу, стал тотчас же собирать своих воинов, готовясь выступить против Люй Бу, и известил об этом Цао Цао.

Но Цао Цао неожиданно получил донесение, что Чжан Сю, племянник погибшего Чжан Цзи, который хотел захватить Наньян, возглавил полчища своего дяди, заключил союз с Лю Бяо и расположился с войсками в Вэньчэне, собираясь напасть на столицу и захватить самого государя.

Тогда Цао Цао решил поднять войска и покарать дерзкого, но, опасаясь, что Люй Бу нападет на Сюйчан, прежде отправил к нему Ван Цзэ с письмом, в котором велел ему заключить мир с Лю Бэем, а заодно пожаловал ему новый титул. Лишь после этого Цао Цао, возглавив сто пятьдесят тысяч воинов, выступил в поход против Чжан Сю.

Чжан Сю испугался и отправил Цзя Сюя в лагерь Цао Цао с повинной. Цзя Сюй понравился Цао Цао своим красноречием, и он пожелал взять его к себе в советники. Но Цзя Сюй отказался. А на следующий день он привел к Цао Цао самого Чжан Сю, и дело таким образом уладилось.

Однажды, вернувшись с пира в свою опочивальню, Цао Цао попросил своих приближенных привести ему девицу. И ему привели вдову Чжан Цзи, настоящую красавицу.

Эту ночь они провели вместе, а назавтра Цао Цао увез женщину к себе в лагерь и проводил с ней все дни и ночи. Чжан Сю, узнав об этом, пришел в ярость.

– Злодей Цао Цао опозорил меня! – сказал он своим приближенным.

– Пока не надо этого разглашать! – промолвил Цзя Сюй. – Вот выйдет Цао Цао из шатра, и тогда...

На другой день к Цао Цао явился Чжан Сю и сказал:

– Многие из тех воинов, что сдались вам, разбегаются. Я просил бы расположить их среди ваших войск.

Цао Цао согласился. Чжан Сю привел свои войска, поставил в лагере Цао Цао и стал ждать удобного момента для нападения. Чжан Сю боялся Дянь Вэя, особенно его алебарды. Тогда один из его военачальников – Ху Чэр, человек поистине необыкновенный, который мог пройти за день восемьсот ли с грузом в пятьсот цзиней, посоветовал Чжан Сю пригласить Дянь Вэя к себе, напоить допьяна, а сам пообещал выкрасть за это время его алебарду.

Чжан Сю привел в готовность воинов, вооруженных луками и стрелами, а затем сделал все так, как советовал Ху Чэр.

Цао Цао в ту ночь веселился в своем шатре со вдовой Чжан Цзи, госпожой Цзоу, когда вдруг ему донесли, что загорелись повозки с сеном.

Вскоре пламя вспыхнуло со всех сторон.

В это время войско Чжан Сю подошло к воротам того лагеря, где находился Цао Цао. Грохот гонгов и барабанов разбудил Дянь Вэя, он вскочил, но не нашел своей алебарды и выхватил у какого-то воина меч. Конные и пешие латники с длинными копьями наперевес ворвались в лагерь. Дянь Вэй отважно бросился вперед и зарубил более двадцати всадников. Конных воинов сменили пешие. Со всех сторон лесом поднялись копья. Дянь Вэй был без лат, и ему нанесли много ран. Он сражался отчаянно до тех пор, пока у него не сломался меч. Тогда он поднял правой рукой одного вражеского воина, левой рукой – другого и бросился с ними на осаждающих. Так он убил еще с десятков латников. Остальные не смели приблизиться и лишь издали осыпали его стрелами.

Дянь Вэй упорно защищался, но враг уже ворвался в лагерь с другой стороны. Копье вонзилось в спину Дянь Вэя. Пока Дянь Вэй удерживал врага, Цао Цао на коне бежал из лагеря и вскоре очутился на берегу реки Юйшуй. Вместе с конем Цао Цао бросился в воду и добрался до противоположного берега. Его племянник и сын погибли. Конь тоже был сражен вражеской стрелой. Тогда Цао Цао вскочил на коня своего погибшего сына и умчался.

Воспользовавшись этим, его латники принялись грабить жителей деревни. Юй Цзинь за них вступился и перебил многих грабителей. Те разбежались и принесли Цао Цао весть о том, что Юй Цзинь поднял мятеж. Цао Цао решил двинуть против Юй Цзиня войска, Юй Цзинь, в свою очередь, приказал строить лагеря. Едва только войска Юй Цзиня расположились в лагерях, как Чжан Сю напал на них с двух сторон, но потерпел поражение. Его преследовали более ста ли. Силы Чжан Сю истощились, и он ушел к Лю Бяо.

Цао Цао делал смотр своим войскам, когда явился Юй Цзинь и рассказал, как его оклеветали.

– Вы не испугались клеветы и, действуя смело, превратили поражение в победу! – восхищался Цао Цао. – Кто из древних полководцев может сравниться с вами?

Он подарил Юй Цзиню золотую чашу и пожаловал титул хоу. На другой день Цао Цао отдал приказ о возвращении в Сюйчан...

Возвратившись в Сюйчан, Цао Цао прознал о том, что Люй Бу отказался породниться с Юань Шу, и очень обрадовался.

– Люй Бу, – говорил ему Чэнь Дэн, – смел, но глуп и вероломен, его следовало бы поскорее убрать.

– Я с вами совершенно согласен, – отвечал Цао Цао, – и прошу вас помочь мне избавиться от него.

– Если вы выступите против Люй Бу, я буду вашим сообщником в стане врага, – пообещал Чэнь Дэн.

Он вернулся в Сюйчжоу и обратился к Люй Бу с такими словами:

– Встретившись с Цао Цао, я сказал ему, что кормить вас все равно что кормить тигра. Если тигр не будет есть мяса вдоволь, он станет пожирать людей. Цао Цао рассмеялся и отве-

тил: «Вы не правы. Я обращаюсь с Вэньским хоу, как с ястребом, который не бывает сыт, пока не съест лису или зайца. Когда он голоден, его можно использовать, а насытившись, он улетает». Я поинтересовался, кто же такие лисы и зайцы, и Цао Цао сказал: «Лисы и зайцы – это Юань Шу, Сунь Цэ, Лю Бяо, ичжоуский правитель Лю Чжан и ханьчжунский правитель Чжан Лу».

– Цао Цао хорошо знает меня! – Люй Бу расхохотался.

Как раз в это время доложили, что войска Юань Шу идут на Сюйчжоу. Люй Бу встревожился.

Поистине:

Они еще не примирились, как схватились Юэ и У.
Готовились к радостной свадьбе, а завязали войну.

О том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава семнадцатая

Юань Шу выступает в поход с семью армиями. Цао Цао связывает союзом трех полководцев

У Юань Шу были обширные земли, провиант в изобилии, к тому же он обладал государственной печатью, которую ему оставил в залог Сунь Цэ. И он давно уже подумывал о том, как бы присвоить себе императорский титул. Он созвал всех своих приближенных на совет и объявил им, что отныне считает себя государем и каждого, кто дерзнет ему перечить, будет предавать смертной казни.

Он пожаловал своим чиновникам титулы, даруемые только государем, выезжал в колеснице, украшенной драконами и фениксами, и совершал жертвоприношения в северном и южном предместьях своей столицы ³³. Государыней он избрал дочь Фын Фана и заторопился было с женитьбой сына на дочери Люй Бу. Но узнав, что Хань Инь, которого Люй Бу отправил в Сюйчан, казнен Цао Цао, Юань Шу решил немедленно напасть на Сюйчжоу. Он разделил свое двухсоттысячное войско на семь армий и во главе их поставил Чжан Сюня.

Лазутчики донесли Люй Бу, что войска Чжан Сюня двигаются по большой дороге прямо на Сюйчжоу и грабят по пути селения.

Люй Бу срочно созвал совет.

– На Сюйчжоу навлекли беду Чэнь Гуй с Чэнь Дэном, – заявил Чэнь Гун. – Они лестью добыли себе при дворе награды и почести, а теперь все бедствия пали на нас. Надо отрубить обоим головы и отправить Юань Шу – тогда он уведет свое войско.

Но тут Чэнь Дэн со смехом произнес:

– Семь армий Юань Шу все равно что семь куч гнилого сена. Стоит ли им придавать значение?

– Если ты скажешь, как разбить врага, я пощажу тебя, – промолвил Люй Бу.

– Послушайте меня, старого дурака, господин, – сказал Чэнь Гуй, – и вы спасете Сюйчжоу.

– Говори, – приказал Люй Бу.

– Войско Юань Шу хоть и многочисленно, но подобно стае ворон, – промолвил Чэнь Гуй. – Его воины не доверяют друг другу. Их можно удержать даже силами простых лучников. Если же двинуть против них отборных воинов, победа будет полная. Еще есть у меня план, как захватить в плен самого Юань Шу. К нему перешли из страха перед Цао Цао верные слуги Ханьской династии – Хань Сянь и Ян Фын. Если сделать их нашими сообщниками в стане врага, а Лю Бэя привлечь как внешнего союзника, можно считать, что Юань Шу в наших руках.

– В таком случае Хань Сяню и Ян Фыну надо отвезти письма.

Это взял на себя Чэнь Дэн. Люй Бу приказал ему с несколькими десятками всадников ехать в Сяпи и ждать на дороге Хань Сяня. Когда Хань Сянь подошел со своими войсками и разбил лагерь, Чэнь Дэн явился к нему и сказал:

– Вы были опорой государя, а теперь перешли к мятежникам. Я не стал бы так поступать.

– Увы! Теперь уже ничего не поделаешь. Обратного пути нет.

Чэнь Дэн вручил ему письмо Люй Бу. Прочитав его, Хань Сянь молвил:

– Вы можете возвращаться, в нужный момент мы с Ян Фыном повернем копья. Передайте Люй Бу, чтобы по сигнальному огню двинул войска нам на помощь.

³³ По традиции в Древнем Китае жертвоприношения разным духам приносились в разных предместьях столицы. В северном – государь приносил жертвы небу в день летнего солнцестояния, в южном – земле в день зимнего солнцестояния.

Чэнь Дэн вернулся, обо всем рассказал Люй Бу, и тот, разделив войско на пять отрядов по десять тысяч человек в каждом, в тридцати ли от города разбил лагерь. Навстречу ему выступило войско Чжан Сюня. Видя, что ему Люй Бу не одолеть, Чжан Сюнь остановился и стал подтягивать подкрепление.

В ту же ночь Хань Сянь и Ян Фын зажгли сигнальный огонь, и войско Люй Бу ворвалось во вражеский лагерь. Чжан Сюнь потерпел поражение и бежал. Люй Бу преследовал его, но вскоре увидел выступивших из-за горы воинов. Они несли знамена с изображением дракона и феникса, солнца и луны, стяги с изображением четырех небесных ковшей и пяти стран света ³⁴. Далее следовали государевы телохранители, вооруженные булавами с набалдашником в виде тыквы и серебряными секирами. И наконец появился Юань Шу под желтым парчовым балдахинном. Он был облачен в золотые латы и в каждой руке держал по кривому мечу. Остановившись перед строем своих войск, Юань Шу стал громко поносить Люй Бу.

Разъяренный Люй Бу ринулся вперед. Завязался ожесточенный бой. Юань Шу потерпел поражение и бежал в Хуайнань, откуда послал гонца в Цзяндун к Сунь Цэ с просьбой о помощи.

– Не стану я помогать мятежнику! – в гневе вскричал Сунь Цэ. – Он изменник! Он воспользовался государевой печатью и присвоил себе императорский титул! Я пойду против него войной!

Узнав об этом, Юань Шу пришел в ярость.

– Желторотый юнец! – возопил Юань Шу. – Да как он смеет! Я убью его!

Тем временем Сунь Цэ привел в порядок свои войска, укрепился в устье Янцзы и послал Цао Цао письмо, в котором советовал ему отправиться походом на юг против Юань Шу, обещая подмогу с тыла.

Когда к Цао Цао одновременно прибыли два гонца – один с письмом от Сунь Цэ, а другой – с вестью, что Юань Шу грабит Чэньлю, Цао Цао немедленно двинул войска на юг и отправил гонцов к Сунь Цэ, Лю Бэю и Люй Бу, чтобы заключить с ними союз.

Объединенная армия приблизилась к границам Сюйчжоу. Люй Бу вышел навстречу. Цао Цао любезно с ним обошелся, пожаловал ему чин полководца армии левой руки, а по возвращении в столицу обещал вручить пояс с печатью.

Юань Шу, узнав о приближении армии Цао Цао, повелел своему военачальнику Цяо Жую принять командование над сорокатысячной армией. Бой произошел у Шоучуни. Цяо Жуй в третьей схватке с Сяхоу Дунем был убит, а воины его бежали в город. Охваченный тревогой, Юань Шу созвал на совет своих приближенных, и один из них так сказал:

– Шоучунь вот уже несколько лет страдает от засухи. Если мы продолжим войну, в народе подымется ропот, и врага нам не одолеть. Надо выждать, когда истощится провиант у противника и в войске у него вспыхнет мятеж. А вы, государь, пока со своей армией уйдите за реку Хуанхэ.

Юань Шу так и сделал. Спустя некоторое время провиант в войске Цао Цао действительно стал истощаться, и Цао Цао хотел поскорее закончить войну, но военачальник Ли Фын затворился в городе и на бой не выходил. Осада длилась больше месяца. Наконец Цао Цао издал приказ, гласящий, что, если в течение трех дней город не будет взят, все военачальники поплатятся головой.

Цао Цао лично руководил воинами, засыпавшими городской ров землей и камнями. Со стены дождем сыпались на них стрелы и камни. Двух младших военачальников, которые в страхе пытались бежать, Цао Цао собственноручно обезглавил. Затем он спешил и стал наравне с другими таскать землю и засыпать ров. Воодушевленные его примером, воины бросились вперед, сломали ворота и ворвались в город. Ли Фына и других военачальников Юань

³⁴ Пять стран света – север, юг, восток, запад и центр; что такое четыре небесных ковша – установить не удалось.

Шу обезглавили. Все дома и дворцы, воздвигнутые лжеимператором, а также дома остальных преступников были сожжены. Город был разграблен дочи́ста.

В это время Цао Цао доложили, что Чжан Сю при поддержке Лю Бяо снова принялся за грабежи и насилие, что в уездах Наньян и Цзянлин вспыхнуло восстание и Цао Хун не может справиться с восставшими.

Цао Цао немедленно отправил Сунь Цэ приказ переправиться через реку для устрашения Лю Бяо, и сам в тот же день стал готовить армию к походу. Лю Бяо он велел расположить войска в Сяопэе и заключить с Люй Бу братский союз.

Когда Люй Бу уходил в Сюйчжоу, Цао Цао тайно предупредил Лю Бя:

– Я приказал вам расположиться в Сяопэе, чтобы осуществить план, который называется «Вырыть ров для поимки тигра», и буду служить вам подмогой извне.

Они распрощались, и Цао Цао возвратился в Сюйчан. Он представил государю доклад о том, что Чжан Сю поднял смуту, что надо пойти на него войной, и летом в четвертом месяце третьего года под девизом Установление спокойствия ³⁵ выступил в поход во главе многочисленного войска. Повсюду пшеница уже созрела, но люди, завидев войско, разбегались, и никто не собирал урожай. Тогда Цао Цао послал людей объявить старикам в деревнях:

«Я получил повеление Сына неба покарать мятежников и избавить народ от зла. Каждый, кто посмеет топтать пшеничные поля, будет обезглавлен, будь то старший или младший военачальник. Военные законы строги, и народу бояться нечего».

Люди радовались и восхищались Цао Цао, глядели на пыльную дорогу и низко кланялись. Проходя по пшеничным полям, воины раздвигали руками колосья, чтобы их не попортить.

Случилось так, что, когда Цао Цао проезжал между полей, из-под ног его коня вспорхнул испуганный голубь. Конь шарахнулся в сторону и вытоптал большой участок поля. Цао Цао вызвал войскового письмоводителя и заявил, что нарушил приказ, а потому подлежит казни.

– Издревле ведется, что законы не распространяются на знатных, – возразил письмоводитель. – Вы командуете войском и казни не подлежат.

– Если нельзя казнить меня, то пусть будет так!.. – Он выхватил меч, отрезал себе клочок волос и швырнул на землю, – Пусть эти волосы заменят мою отрубленную голову!..

Об этом было объявлено всему войску. Испуганные воины с еще большим рвением стали выполнять приказ.

Когда Чжан Сю узнал о приближении войска Цао Цао, он написал письмо Лю Бяо с просьбой оказать ему помощь с тыла, а сам вместе со своими военачальниками Лэй Сюем и Чжан Сянем вышел навстречу врагу.

Оба войска стали друг против друга. Чжан Сю выехал вперед на коне и, указывая на Цао Цао, закричал:

– Ты бесчестный и бесстыдный! Ты подобен дикому зверю!

По приказу полководцев с обеих сторон на поединок выехали Сюй Чу и Чжан Сянь. В третьей схватке Чжан Сянь был убит. Войска Чжан Сю понесли поражение, Цао Цао преследовал их до самых стен Наньяна, Чжан Сю заперся в городе, Цао Цао окружил Наньян, намереваясь взять его штурмом, и приказал засыпать ров землей. По его приказу из мешков с землей, травы и хвороста соорудили высокий холм и, приставив к нему лестницу, наблюдали за происходящим в городе.

Через три дня Цао Цао приказал собрать кучу хвороста у западных ворот и подтянуть туда войско, будто бы для того, чтобы подняться на стену. Заметив это, Цзя Сюй обратился к Чжан Сю:

– Я знаю, что Цао Цао собирается делать. На хитрость надо отвечать хитростью.

Вот уж правильно говорится:

³⁵ То есть в 198 г. н. э.

На самых могучих людей могучая сила найдется.
Кто действует хитростью, сам на большую хитрость наткнется.

Каков был этот план, вы узнаете из следующей главы.
####

Глава восемнадцатая

Цзя Сюй заранее предрекает победу. Сяхоу Дунь съедает свой глаз

Итак, Цзя Сюй разгадал намерение Цао Цао и, в свою очередь, составил собственный план.

– Я три дня наблюдал за действиями Цао Цао, – сказал он, – Цао Цао заметил, что в юго-восточном углу стены кирпич разного цвета, а «оленьи рога»³⁶ полуразрушены, старые кирпичи чередуются с новыми – стену чинили, и задумал в этом месте нанести нам удар. А сам для отвода глаз стал запасать хворост у северо-западного угла стены. Он хочет заставить нас оттянуть туда войска. Сам же намерен ворваться в город с юго-восточной стороны. Поэтому завтра надо отобрать лучших воинов и спрятать в домах на юго-восточной стороне. А жители пусть нарядятся воинами и делают вид, что готовятся защищать северо-западную сторону. Когда враг через юго-восточную сторону проникнет в город, по условному сигналу из засады выскочат наши воины. Так мы сможем взять в плен самого Цао Цао.

Утром разведчики донесли Цао Цао, что юго-восточная часть города опустела.

Тогда Цао Цао, уверенный в том, что план его удался, велел незаметно приготовить лопаты, крючья и все необходимое для того, чтобы взбираться на стены, и днем повел войско к северо-западному углу стены. Ночью же перебросил отборных воинов на юго-восточную сторону. Воины спустились в ров и разобрали «оленьи рога». В городе все было тихо. Но когда войско Цао Цао проникло туда, затрещали хлопущки и выскочили воины, скрывавшиеся в засаде. А тут еще Чжан Сю ударил с тыла. Воины Цао Цао пустились наутек и без оглядки бежали несколько десятков ли.

Между тем Чжан Сю обратился к Лю Бяо с просьбой, чтобы тот отрезал Цао Цао путь к отступлению, и Лю Бяо повел войска в Аньчжун, где условился встретиться с Чжан Сю.

Войска Цао Цао двигались медленно и возле Сянчэна вышли к реке Юйшуй. Вдруг Цао Цао испустил горестный вопль: он вспомнил о погибшем здесь Дянь Вэе и решил принести жертвы его душе. Войска остановились.

На другой день прибыл гонец от Сюнь Юя с вестью, что Лю Бяо выступил на помощь Чжан Сю и расположился лагерем в Аньчжуне.

– Чжан Сю будет разбит, – промолвил Цао Цао и поспешил со своим войском к Аньчжуну.

На рассвете Чжан Сю и Лю Бяо соединились и, полагая, что противник из-за малочисленности отступает, повели своих воинов к ущелью. Но тут из засады ударили войска Цао Цао и вклинились в ряды наступающих. После короткой битвы Цао Цао прошел через Аньчжунское ущелье и расположился лагерем у его входа.

Тем временем Сюнь Юй, узнав через лазутчиков, что Юань Шао собирается напасть на Сюйчан, немедленно отправил донесение Цао Цао, и тот повернул войска обратно.

Чжан Сю и Лю Бяо с десятитысячной армией его преследовали, настигли, и завязался бой. Воины Цао Цао сражались с великим мужеством и разбили врага.

– Надо догнать Цао Цао сегодня же, – сказал Цзя Сюй, – и мы одержим полную победу!

Но Лю Бяо был напуган и отказался выступить, Чжан Сю пошел один и вернулся с победой, нанеся войску Цао Цао большой урон.

³⁶ «Оленьи рога». – Так назывались рогатины и заостренные колья, расставленные на дорогах, чтобы преградить путь армии врага.

Но оставим пока Чжан Сю и Лю Бяо и вернемся к Цао Цао. Гонец привез ему письмо от Юань Шао, в котором тот сообщал, что собирается в поход против Гунсунь Цзая, и просил Цао Цао дать ему провиант и подкрепление.

Ни Хэн на пиру бранит Цао Цао

Прочитав письмо, Цао Цао сказал своему приближенному Го Цзя:

– Юань Шао так дерзок, что я охотно расправился бы с ним. Только сил у меня маловато. Го Цзя ответил:

– У вас десять преимуществ перед Юань Шао. Он любит церемонии, вы просты в обращении. Он безрассуден, вы мудры. Он слабоволен, вы строги. Он назначает на должности своих родственников, вы – людей способных. Он придумывает планы, но не осуществляет их, вы все свои планы осуществляете. Юань Шао милостив лишь к тем, кто близок к нему, вы печетесь обо всех, кто того заслуживает. Юань Шао слушает только льстецов и каждого подозревает в крамоле, вы же не падки на лесть. Юань Шао не отличает добро от зла, вы знаете, что хорошо, а что плохо. Юань Шао хвалится своим могуществом, а в военном искусстве не смыслит. Вы же малыми силами одолеваете силы большие. Вот почему вам легко победить Юань Шао. Наш самый опасный враг – суйчжоуский Люй Бу. Сначала надо уничтожить его, дабы избавиться от опасности на юго-востоке, а потом уже расправиться с Юань Шао.

Цао Цао отправил письмо Лю Бэю, щедро одарил гонца Юань Шао, самому Юань Шао пожаловал чин полководца, назначил его главнокомандующим войсками четырех округов и отправил ему такое послание: «Можете покарать Гунсунь Цзяня, я сочту своим долгом помочь вам».

Получив послание, Юань Шао выступил в поход.

А тем временем Люй Бу, находясь в Суйчжоу, что ни день задавал пиры. Он приблизил к себе Чэнь Гуна и его сына, которые льстили ему. Чэнь Гун советовал Люй Бу остерегаться этих людей, но Люй Бу слушать ничего не хотел, и Чэнь Гун из-за этого предавался печали. И вот однажды, чтобы разогнать тоску, он с несколькими всадниками отправился на охоту в окрестности Сяопэя. Вдруг он увидел на дороге во весь опор скачущего гонца. Подозрение закралось в душу Чэнь Гуна. Он бросился наперерез всаднику и крикнул:

– Откуда ты и кем послан?

Гонец узнал в Чэнь Гуне одного из приближенных Люй Бу и растерялся. Чэнь Гун велел обыскать его и обнаружил секретный ответ Лю Бэя на письмо Цао Цао. На допросе гонец сказал:

– Цао Цао приказал мне доставить письмо Лю Бэю. Теперь я везу от него ответ, но что в нем – не знаю.

Люй Бу, когда Чэнь Гун привез ему письмо, вскрыл его, и вот что он там прочел:

«Получив ваше повеление убить Люй Бу, смею ли я не думать об этом непрестанно! Но войска мои малочисленны, и я пока не решаюсь действовать. Если же вы, со своей стороны, пошлете против Люй Бу большое войско, я поспею выполнить вашу волю».

Люй Бу вначале перепугался, но после впал в ярость и велел обезглавить гонца.

Затем он послал Чэнь Гуна и Цзан Ба заручиться поддержкой тайшаньских разбойников, чтобы в области Шаньдун взять Яньчжоу. Гао Шуню и Чжан Ляо было приказано напасть на Сяопэй, а Сун Сяню и Вэй Сюю отправиться на запад. Сам Люй Бу возглавил большой отряд, намереваясь помогать на всех трех направлениях, там, где это будет необходимо.

О надвигающейся опасности известили Лю Бэя, и он решил донести об этом Цао Цао. Поехав в Суйчан к Цао Цао вызвался Цзянь Юн.

Цзянь Юн был земляком Лю Бэя и занимал при нем должность главного письмоводителя. Лю Бэй вручил ему письмо и велел мчаться в Суйчан, а сам стал готовиться к обороне.

Когда подошла армия Гао Шуня, Лю Бэй поднялся на сторожевую башню над воротами и крикнул:

– Зачем ты привел сюда войска? Я ведь не ссорился с твоим господином!

– Ты связался с Цао Цао и замышлял убить моего господина.

Гао Шунь дал войску сигнал начинать бой. Лю Бэй закрыл ворота и больше не показывался.

На другой день Чжан Ляо повел воинов к западным воротам. Гуань Юй с городской стены крикнул ему:

– Вы справедливы, зачем же тратите силы ради мятежника?

Чжан Ляо ничего не ответил и пошел к восточным воротам. Навстречу ему вышел Чжан Фэй. Гуань Юй поспешил туда и велел Чжан Фэю немедленно возвращаться в город, сказав при этом:

– Чжан Ляо искусный воин, но он раскаялся и не хочет с нами воевать.

Тем временем Цзянь Юн добрался до Сюйчана и обо всем рассказал Цао Цао. Тот созвал советников и сказал:

– Я хочу напасть на Люй Бу. Он храбр, и если заключит союз с Юань Шу и они завоюют земли по рекам Хуай и Сы, дело осложнится.

– Надо воспользоваться тем, что Люй Бу выступил против нас первым, – молвил Го Цзя, – и действовать быстро.

Цао Цао тотчас же приказал Сяхоу Дуню, Сяхоу Юаню, Люй Цяню и Ли Дяню двинуться вперед во главе пятидесяти тысяч воинов.

Вскоре разведчики донесли об этом Гао Шуню, который тут же помчался к Люй Бу, и тот велел ему отступить на тридцать ли от Сяопэя, чтобы встретить войско Цао Цао.

Когда Лю Бэй увидел, что Гао Шунь отступил, он понял, что войска Цао Цао близко, и вместе с Гуань Юем и Чжан Фэем поспешил на соединение с войском Цао Цао.

Сяхоу Дунь, командовавший передовыми отрядами Цао Цао, встретился с войском противника и вступил с Гао Шунем в единоборство. Гао Шунь дрался долго и упорно, но устоять не смог и бежал. Сяхоу Дунь преследовал его по пятам, но тут в глаз ему попала вражеская стрела. Сяхоу Дунь взвыл от боли и выдернул стрелу вместе с глазом. «Отцовская плоть, материнская кровь – бросить нельзя», – подумал он и съел свой глаз. После этого он продолжал сражаться.

Гао Шунь подал сигнал к наступлению и, одержав победу над войском Цао Цао, направил свои силы против Лю Бэя. Как раз в это время подоспел Люй Бу с большим войском.

Поистине:

Свой глаз проглотил он и силу обрел на мгновение.
Но может ли долго держаться, кто ранен в сраженье?

О судьбе Лю Бэя вы узнаете из следующей главы.

#####

Глава девятнадцатая

Цао Цао сражается у стен Сяпи. Люй Бу принимает смерть у башни Белых ворот

Итак, Люй Бу одновременно напал на три лагеря Лю Бэя и разгромил их. Оставшиеся в живых воины Лю Бэя бежали в город. Преследуя их, Люй Бу ворвался в Сяопэй – охрана, находившаяся на стене, не успела убрать подъемный мост. Положение было безнадежным, и Лю Бэй покинул город.

– Давайте поедem сейчас к Цао Цао, а там подумаем, что делать дальше, – предложил ему Сунь Цянь.

И они направились в Сюйчан.

Между тем Цао Цао, узнав, что Люй Бу, Чэнь Гун и Цзан Ба заключили союз с тайшаньскими разбойниками Сунь Гуаном и другими и грабят яньчжоускую область, велел Цао Жэню с трехтысячным отрядом напасть на Сяопэй, а сам поднял большое войско и вместе с Лю Бэем двинулся в поход против Люй Бу. У Сяогуани тайшаньские разбойники с тридцатитысячным войском преградили им путь, но в бою потерпели поражение и бежали. Люй Бу к этому времени успел возвратиться в Сюйчжоу и, оставив Чэнь Гун охранять город, собирался идти на помощь Сяопэю.

Незадолго до выступления Люй Бу Чэнь Дэн сказал Чэнь Гую:

– Если Люй Бу будет разбит и вернется сюда, не выпускайте его из города, а у меня уже готов план, как от него избавиться.

После этого Чэнь Дэн пошел к Люй Бу и сказал:

– Сюйчжоу окружен врагами, и со дня на день надо ждать нападения Цао Цао. Возможно, придется отступить. Потому разумно было бы перевезти в Сяпи деньги и провиант. Если Сюйчжоу будет окружен, а запасы в Сяпи уцелеют, мы сможем спастись.

Люй Бу велел перевезти свою семью в Сяпи, а сам с войском, взяв с собой Чэнь Дэна, двинулся к Сяогуани.

Чэнь Дэн поспешил вперед, к перевалу, разузнать, нет ли там войск Цао Цао, и встретился с Чэнь Гуном и другими военачальниками.

Вечером, заметив вдали войско Цао Цао, Чэнь Дэн написал три письма, прикрепил их к стрелам и выпустил вниз с перевала. На другой день он примчался к Люй Бу и сказал:

– Сунь Гуань и его приспешники хотят сдать перевал Цао Цао! Я там пока оставил для обороны Чэнь Гуна. В сумерки вам надо бы предпринять внезапное нападение, чтобы помочь Чэнь Гуну.

Тогда Люй Бу велел Чэнь Дэну скакать вперед и договориться с Чэнь Гуном о том, чтобы на перевале зажгли сигнальные огни и тем облегчили наступление.

Чэнь Дэн приехал к Чэнь Гуну и заявил:

– Войска Цао Цао обошли перевал. Боюсь, что мы потеряем Сюйчжоу. Возвращайтесь скорее!

Чэнь Гун увел своих людей с перевала. Чэнь Дэн, как и было условлено, зажег сигнальный огонь. Люй Бу ночью приблизился к перевалу, и войска Чэнь Гуна, не разобравшись в темноте, что это свои, набросились на них. Цао Цао же по сигналу двинулся вперед и захватил перевал.

Лишь на рассвете Люй Бу понял свою ошибку и вместе с Чэнь Гуном поспешил в Сюйчжоу. Но ворота были заперты, и со стены на них посыпались стрелы.

Тогда Люй Бу, поддавшись уговорам Чэнь Гуна, заторопился в Сяопэй.

Люй Бу решил окружить город. Но в это время приблизился отряд пеших и конных воинов во главе с Чжан Фэем, а войско Цао Цао ударило с тыла. Воины Люй Бу бежали в восточ-

ном направлении, но здесь дорогу им преградил отряд Гуань Юя, а сзади Люй Бу настигал Чжан Фэй. Люй Бу ничего не оставалось, как бежать в Сяпи.

Так встретились Гуань Юй и Чжан Фэй. Они поведали друг другу о том, что произошло с ними за время разлуки, а затем повели свои войска к Лю Бэю. Лю Бэй представил братьев Цао Цао, и они вместе направились в Сюйчжоу.

Цао Цао созвал своих военачальников на совет и сказал, что хочет напасть на Сяпи.

– У Люй Бу осталось единственное пристанище – Сяпи, – сказал Цао Цао. – Он будет стоять насмерть и может заключить союз с Юань Шу. А обоих одолеть будет трудно. Надо перерезать Хуайнаньскую дорогу, чтобы задержать Люй Бу и помешать ему связаться с Юань Шу. Кроме того, в Шаньдуне еще остались приспешники тайшаньского разбойника Сунь Гуаня и вошедшего с ним в союз военачальника Люй Бу – Цзан Ба. Я сам буду держать Шаньдун, а Хуайнаньскую дорогу попрошу занять Лю Бэя.

На другой день Цао Цао выступил в поход на Сяпи, Люй Бу заготовил в Сяпи достаточное количество провианта и, защищенный рекой Сышуй, мог упорно обороняться.

Прошло несколько дней. Цао Цао соорудил лагерь и, подъехав к городским стенам, стал вызывать Люй Бу на бой.

– Цао Цао пришел издалека, и сил у него хватит ненадолго, – сказал Чэнь Гун, обращаясь к Люй Бу. – Вы, господин, расположитесь с конным и пешим войском за городскими стенами, а меня оставьте в городе. Когда Цао Цао нападет на нас, я ударю с тыла.

Но Люй Бу не решался выступить из города и от тоски весь день пил вино со своей женой, урожденной Янь, и наложницей Дяочань. Тогда советники Сюй Сы и Ван Кай сказали ему:

– Почему бы вам не обратиться за помощью к Юань Шу?

И Люй Бу тотчас же отправил с советниками письмо Юань Шу. Сопровождал советников отряд во главе с Хао Мыном и Чжан Ляо. Когда советники прибыли к Юань Шу, он сказал:

– Люй Бу – человек ненадежный. Он убил моего посла и отказался выдать дочь за моего сына, хотя и обещал. Пусть сначала пришлет дочь, а потом я отправлю войска.

Узнав, что Юань Шу не окажет никакой помощи, прежде чем ему не доставят невесту, Люй Бу на следующую ночь надел на дочь поверх парчового платья латы, вооружился алебардой, сел на коня, а дочь посадил за спину. За Люй Бу следовали Чжан Ляо и Гао Шунь с трехтысячным отрядом. Но Чжан Фэй с Гуань Юем преградили им путь. Люй Бу не стал вступать в бой, потому что боялся за дочь, и ему пришлось вернуться в город.

Целых два месяца бился Цао Цао у стен города, но никак не мог им овладеть. Тогда он созвал своих военачальников и так им сказал:

– На севере нам грозит Юань Шао, на востоке – Лю Бяо и Чжан Сю. Чтобы взять Сяпи, потребуется еще много времени. Я хочу сделать передышку и вернуться в Сюйчан.

– Люй Бу потерпел несколько поражений, и дух его войска подорван. Потому сейчас самое время напасть на него и захватить в плен.

– А не поднять ли нам воды рек И и Сы? – предложил Го Цзя.

Этот план привел Цао Цао в восторг, и он приказал запрудить воду в обеих реках. Воины Цао Цао стояли на возвышенности и наблюдали, как вода заливают Сяпи. Все городские ворота были затоплены, за исключением восточных. Об этом доложили Люй Бу, но он беспечно махнул рукой:

– Чего мне бояться? На своем Красном зайце я без труда переберусь через реку.

И он продолжал пить вино, разгоняя тоску.

Среди военачальников и приближенных Люй Бу росло недовольство.

– Люй Бу любит только своих жен и детей, а на нас смотрит как на сорную траву, – возмущался Сун Сянь.

– Город заливают вода, – добавил Вэй Сюй. – Не пройдет и дня, как все мы погибнем.

– Люй Бу – человек негуманный, несправедливый. Что, если мы уйдем от него? – сказал Сун Сянь.

– Надо схватить его и выдать Цао Цао, – предложил Вэй Сюй.

На том они и порешили. В ту же ночь Хоу Чэн пробрался на конюшню, вывел коня Красного зайца и помчался к восточным воротам. Он прибыл в лагерь Цао Цао, подарил ему коня и сообщил, что Сун Сянь и Вэй Сюй вывесят белый флаг и откроют ворота. Цао Цао тут же велел написать обращение к жителям и забросить в город. В обращении говорилось:

«Великий полководец Цао получил повеление покарать Люй Бу. Если кто-нибудь посмеет оказывать сопротивление великой армии, то в тот день, когда город падет, все население, от военачальников до простого народа, будет уничтожено! Тот, кто поможет схватить Люй Бу или принесет его голову, получит щедрую награду. Пусть об этом повелении знают все».

С рассветом войска Цао Цао ринулись на штурм города. Услышав крики, Люй Бу схватил алебарду и взбежал на городскую стену. Враг наседал. Люй Бу самому пришлось до самого полудня отражать его натиск. Он так устал, что, как только наступила передышка, присел и незаметно уснул.

Этим воспользовались Сун Сянь и Вэй Сюй. Сначала они похитили у Люй Бу алебарду, затем скрутили веревками его самого, вывесили на стене белый флаг и распахнули городские ворота. Войска Цао Цао хлынули в город...

Овладев городом, Цао Цао прежде всего распорядился отвести воду, успокоил жителей, а затем вместе с Лю Бэем поднялся на башню Белых ворот и приказал привести пленных.

Пленных привели. Завидев среди них Чэнь Гуна, Цао Цао собирался его пощадить, но тот сам не захотел оставаться в живых и лишь попросил, чтобы после его смерти позаботились о его матери и жене. Цао Цао обещал.

Притащили Люй Бу. Опутанный веревками, он был похож на клубок. При виде Лю Бэя, сидевшего рядом с Цао Цао, он взмолился:

– Неужто вы за меня не заступитесь? Вспомните, как я когда-то выручал вас!..

Лю Бэй промолчал. Цао Цао приказал увести пленника, задушить его у подножия башни, затем отрубить голову и выставить напоказ.

Последним привели Чжан Ляо. Увидев его, Цао Цао воскликнул:

– А это лицо мне знакомо!

– Еще бы! – ответил Чжан Ляо. – Встречались в Пуяне.

– Так ты помнишь об этом?

– И очень сожалею.

– О чем же?

– О том, что огонь тогда не сжег тебя, разбойник! – выпалил Чжан Ляо.

– Ах ты, битый волк! Как смеешь меня оскорблять! – задышавшись от гнева, крикнул Цао Цао и обнажил меч.

Чжан Ляо смело подставил шею для удара. Но тут один из стоявших возле Цао Цао удержал его руку, а другой упал на колени.

– О господин, умоляю вас, пощадите его!

Вот уж поистине:

Люй Бу о пощаде молил, но спасся ли он от могилы?

Чжан Ляо злодея ругал, судьба и ему жизнь подарила.

Кто спас Чжан Ляо, об этом вы узнаете из следующей главы.

####

Глава двадцатая

Цао Цао устраивает большую охоту. Дун Чэн получает халат и пояс

Итак, Цао Цао выхватил меч и хотел убить Чжан Ляо, но Лю Бэй удержал его руку, а Гуань Юй, стоявший рядом, пал перед ним на колени.

– Это человек с открытой душой, он заслуживает пощады, – сказал Лю Бэй.

– Чжан Ляо – честный и справедливый, – промолвил Гуань Юй, – могу за него поручиться!

– Я знаю, – сказал Цао Цао, – просто я пошутил!

И Цао Цао отбросил меч. Он дал пленнику новое платье и усадил на почетное место. Чжан Ляо был тронут и изъясил покорность. Цао Цао пожаловал ему высокое звание и поручил призвать к миру Цзан Ба. Но Цзан Ба сам привел свои войска и сдался, как только узнал, что Люй Бу погиб.

Войска Цао Цао возвратились в Сюйчан. Цао Цао представил Лю Бэя самому государю и подал доклад о его военных подвигах. Государь пожелал его видеть, пригласил в зал и спросил:

– Кто ваши предки?

– Ваш слуга – потомок Чжуншаньского вана Лю Шэна, праправнук благочестивого государя Цзин-ди, внук Лю Сюна и сын Лю Хуна, – с почтением отвечал Лю Бэй.

Император велел принести родословную книгу и, сличив записи, установил, что Лю Бэй приходится ему дядей.

Он пожаловал Лю Бэю чин полководца левой руки и титул Ичэнтинского хоу³⁷. С тех пор Лю Бэй стали величать государевым дядюшкой Лю. Когда Цао Цао вернулся домой, к нему явились советники. Один из них, по имени Чэн Юй, желая угодить Цао Цао, сказал:

– Ваша слава растет день ото дня, почему бы вам не принять титул бавана – гегемона князей?

– У династии много советников, и я не хочу действовать опрометчиво, – отвечал Цао Цао. – Я уговорю Сына неба поехать на охоту, а там посмотрим.

Приказав выбрать лучших коней, ястребов и гончих собак, приготовив лук и стрелы и собрав за городом воинов, Цао Цао явился к государю, приглашая его на охоту.

– Охота не совсем пристойное дело для императора, – возразил государь. Но Цао Цао настаивал, и он не посмел отказаться.

Привесив к поясу драгоценный резной лук и колчан со стрелами с золотыми наконечниками, император сел на поданного ему коня и отправился на охоту.

Лю Бэй и его названные братья тоже решили принять участие в охоте.

Цао Цао ехал на своем рыжем коне, прозванном Летающая молния, в сопровождении многотысячной свиты. Охота предполагалась в Сюйтяне, и воины должны были оцепить это место на двести ли в окружности.

Цао Цао ехал рядом с Сыном неба, отставая от него лишь на голову коня. Сразу за ним следовали только его военачальники. Гражданские и военные чиновники, сопровождавшие государя, держались поодаль.

Когда подъезжали к Сюйтяню, Сын неба увидел Лю Бэя, который стоял у обочины дороги и почтительно его приветствовал.

³⁷ В Древнем Китае существовало пять княжеских титулов: гун – князь первой степени, хоу – второй, бо – третьей, цзы – четвертой и нань – пятой.

– Мы хотели бы посмотреть охотничье мастерство нашего дядюшки, – промолвил государь.

Лю Бэй, выполняя повеление, вскочил на коня. Как раз в этот момент из травы выскочил заяц. Лю Бэй метким выстрелом сразил его на бегу. Император вскрикнул от изумления. Обогнув склон горы, они заметили, как из зарослей терновника выбежал большой олень. Император выстрелил раз, другой, третий, но промахнулся.

– Стреляйте вы! – обратился он к Цао Цао.

Цао Цао взял у императора лук и стрелу с золотым наконечником и выстрелил. Стрела вонзилась оленю в спину, и тот упал.

Увидев стрелу с золотым наконечником, все решили, что стрелял государь, и бросились его поздравлять. Но вперед выехал Цао Цао и стал принимать поздравления. Все побледнели от страха.

Лю Бэй с поклоном подошел к Цао Цао и произнес:

– Вы прекрасно стреляете, господин первый министр! В целом мире с вами никто не сравнится!

– Это счастливая удача Сына неба! – с улыбкой ответил Цао Цао и, повернувшись к государю, принес ему свои поздравления. Однако лук он государю не возвратил, а повесил себе на пояс.

По окончании охоты в Сюйтяне был устроен роскошный пир, после чего все возвратились в Сюйчан и разъехались по домам.

Вернувшись во дворец, государь со слезами жаловался государыне:

– Мы призвали Цао Цао быть хранителем трона, а он своевольничает и печется лишь о своей славе. Вот и сейчас на охоте он поступил со мной бесцеремонно, выехал вместо меня принимать поздравления! Рано или поздно он против нас что-либо замыслит.

– Все чиновники кормятся щедростью Ханьского двора, – заметила государыня Фу. – Неужели не найдется человека, который спас бы государство?

Не успела она это произнести, как вошел человек и молвил:

– Не печальтесь, государь и государыня! Я найду такого человека! – Это был Фу Бань, отец государыни.

– Вам тоже известно с недостойным поступке Цао Цао? – со слезами спросил государь.

– Выстрел в Сюйтяне, кто не знает о нем! – воскликнул Фу Вань. – Большинство при дворе если не родственники, то приспешники Цао Цао. И наказать злодея может один только человек: Дун Чэн. На него можно положиться.

– Велите пригласить его для обсуждения великого дела, – молвил государь.

– Не забывайте, что все ваши приближенные – приспешники Цао Цао, – заметил Фу Вань. – И если это раскроется, нам несдобровать.

– Как же нам быть?

– Я думаю так: пусть государь тайно подарит Дун Чэну халат и украшенный нефритовыми пластинками пояс, а в поясе будет зашит секретный указ. Обнаружив государево повеление, Дун Чэн будет днем и ночью обдумывать план, и ни духи, ни демоны о том не проведают.

После того как Фу Вань удалился, Сын неба прокусил себе палец, кровью написал на шелке указ и попросил государыню Фу зашить его в пояс. Затем он облачился в парчовый халат, надел пояс с зашитым указом и велел позвать Дун Чэна.

Когда же Дун Чэн предстал перед ним, Сын неба сказал:

– Мы помним, как вы спасли нас в западной столице. Но тогда мы не могли наградить вас, ныне же повелеваем надеть наш халат и подпоясаться нашим поясом, а дома тщательно осмотреть наш дар и выполнить нашу волю.

Дун Чэн облачился в государев халат, надел пояс и покинул зал. Но Цао Цао уже успели донести, что государь беседует с Дун Чэном. Цао Цао поспешил во дворец и в воротах столкнулся с Дун Чэном.

– О, на вас, я смотрю, государево одеяние! Но какому поводу Сын неба решил одарить вас? – спросил Цао Цао.

– Когда-то в западной столице я спас государя, – ответил Дун Чэн, – и он захотел меня наградить.

Цао Цао попросил его снять сначала пояс, потом халат, долго их разглядывал против солнца, потом надел на себя и спросил:

– Не подарите ли вы это одеяние мне?

– Как посмею я отдать то, что мне пожаловано Сыном неба? Дозвольте поднести вам в дар что-нибудь другое.

– Ничего не надо, – промолвил Цао Цао. – Я пошутил.

Цао Цао возвратил халат и пояс Дун Чэну.

Ночью у себя в кабинете Дун Чэн долго разглядывал государев подарок, но ни в халате, ни в поясе ничего не обнаружил.

Тогда Дун Чэн разложил пояс на столе, снова стал его рассматривать и невзначай задремал. В это время нагар от светильника упал на пояс. Дун Чэн очнулся и сквозь прожженную подкладку увидел что-то белое с кровавыми знаками. Дун Чэн вспорол подкладку и извлек секретный указ государя, который гласил:

«Злодей Цао Цао ныне захватил власть, обманывает и притесняет государя. Он пограл основы управления, жалует награды и наказывает, не считаясь с нашей волей. Дни и ночи мы скорбим о том, что Поднебесная в опасности. Вы, высший сановник в государстве, должны собрать всех верных и справедливых людей, дабы уничтожить тирана и его приспешников и восстановить алтарь династии. Наши предки возрадуются!

Мы, прокусив себе палец, кровью написали сей указ, повелевая вам быть вдвойне осторожным и не отступать перед препятствиями в выполнении нашей воли.

Писано весной, в третий месяц четвертого года Установления спокойствия»³⁸.

Всю ночь Дун Чэн не спал, думая о том, как уничтожить Цао Цао, но ничего не придумал и, утомившись, заснул.

Случилось так, что утром к нему явился друг Ван Цзыфу, офицер дворцовой стражи. Указ лежал на столе, под рукой Дун Чэна. Ван Цзыфу тихонько взял его и прочел. Тут Дун Чэн проснулся, и Ван Цзыфу ему сказал:

– Я прочел указ и все знаю. Можете рассчитывать на мою помощь. Ведь еще предки мои пользовались милостями Ханьского дома, и я обязан спасти династию от злодея Цао Цао. У меня есть близкие друзья У Цзылань, Чун Цзи и У Шо. Они нас поддержат.

И тут, словно на зов, явились Чун Цзи и У Шо.

– Небо помогает нам! – воскликнул Дун Чэн и попросил Ван Цзыфу спрятаться за ширмой. Он сам ввел гостей в кабинет и усадил.

Выпив чаю, Чун Цзи спросил:

– Вас не возмущает случай на охоте в Сютяне?

– Да, конечно, но что поделаешь? – притворившись равнодушным, ответил Дун Чэн.

– Я поклялся убить злодея, но некому мне помочь, – признался У Шо.

– Я готов помочь, – промолвил Чун Цзи.

– Вы, я слышу, собираетесь убить Цао Цао? Я должен донести! – пригрозил Ван Цзыфу, выходя из-за ширмы. – И дядюшка государя это подтвердит!

³⁸ То есть в 199 г. н. э.

– Преданному слуге династии смерть не страшна! – гневно заявил Чун Цзи. – Лучше умереть, чем служить государственному преступнику.

– Как раз по этому делу мы и собирались пригласить вас. Мой друг просто пошутил...

С этими словами Дун Чэн вытащил из рукава указ и показал его Чун Цзи и У Шо.

Ван Цзыфу привел У Цзылани, и они перешли во внутренние покои отдохнуть и выпить вина. Тут доложили, что к Дун Чэну пришел сянянский правитель Ма Тэн.

Дун Чэн вышел к нему. Они обменялись приветствиями, и Ма Тэн сказал:

– Я был принят государем и теперь возвращаюсь домой. Вот зашел к вам проститься и сказать, что случай на охоте наполнил грудь мою гневом. Цао Цао ведет себя нагло!

– Цао Цао великий государственный муж и пользуется доверием императорского двора! Как вы можете так о нем говорить? – с притворным изумлением вскричал Дун Чэн.

Уверившись в том, что Ма Тэн человек честный и справедливый, Дун Чэн дал ему почесть указ.

– Когда начнете действовать, – промолвил Ма Тэн, – рассчитывайте на мою помощь.

Дун Чэн представил Ма Тэна остальным участникам заговора.

– Все мы должны дать клятву, что скорей умрем, чем изменим нашему союзу! – воскликнул Дун Чэн. – Великое дело надобно довести до конца.

Ма Тэн попросил список чиновников и, читая его, всплеснул руками:

– Почему же вы не посоветуетесь с ним?

Все захотели узнать, о ком вспомнил Ма Тэн, и он, не торопясь, принялся рассказывать. Правильно говорит:

Лишь потому, что Дун Чэну вручили суровый указ,
Помочь династии Ханьской нашелся потомок тотчас.

О ком рассказал Ма Тэн, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава двадцать первая

Цао Цао высказывает суждения о героях.

Гуань Юй отрубает голову Чэ Чжоу

– Так вот, – сказал Ма Тэн, – я имел в виду юйчжоуского правителя Лю Бэя. Он сейчас здесь. Почему бы вам не обратиться к нему за помощью? Он охотно выступил бы против Цао Цао, но боится, что у него не хватит сил. Надо с ним поговорить, пожалуй, он согласится.

Следующей ночью Дун Чэн, захватив с собой государев указ, сам отправился на подворье к Лю Бэю.

– Не иначе как вы по важному делу, раз заявили так поздно, – промолвил Лю Бэй.

– Это чтобы не вызвать подозрений у Цао Цао, – произнес Дун Чэн. – Я видел, как во время охоты вы помешали Гуань Юю убить Цао Цао. Зачем вы это сделали? Ведь если бы все сановники походили на Гуань Юя, в государстве воцарилось бы спокойствие!

Опасаясь, что Дун Чэн подослал Цао Цао, Лю Бэй ответил:

– Разве в стране неспокойно?

– Не надо притворяться. Я говорю с вами откровенно.

– Я хотел проверить, не хитрите ли вы.

Тут Дун Чэн дал ему прочесть указ и протянул лист бумаги, на котором под торжественной клятвой стояло шесть подписей.

Лю Бэй поставил седьмую, свою.

– Я попытаюсь привлечь еще троих, и тогда мы сможем приступить к делу, – промолвил Дун Чэн.

Они совещались до часа пятой стражи и лишь тогда разошлись.

Чтобы отвести подозрения Цао Цао, Лю Бэй занялся разведением овощей у себя в саду. И вот однажды, когда он поливал грядки, а Чжан Фэя и Гуань Юя не было дома, неожиданно появились Сюй Чу и Чжан Ляо в сопровождении нескольких десятков воинов.

– Первый министр просит вас немедленно явиться.

Когда Лю Бэй предстал перед Цао Цао, тот с улыбкой спросил:

– Вы, кажется, занимаетесь у себя дома великими делами? – и повел его в сад. – Нелегкое это дело – выращивание овощей, а?

У Лю Бэя отлегло от сердца.

– Какое же это дело? Так, пустая забава.

– Прошу вас, пойдете в беседку, – промолвил Цао Цао и велел подогреть вина.

В беседке уже были расставлены кубки, блюда с черными сливами и сосуд для подогревания вина. Хозяин и гость уселись друг против друга и принялись с наслаждением потягивать вино.

Опершись на ограду, Цао Цао и Лю Бэй смотрели на темное грозное небо.

– Вы долго странствовали по свету, – сказал Цао Цао, – и должны знать героев нашего века.

– Откуда мне их знать? Я добился должности при дворе благодаря вашей милости и покровительству, – уверял Лю Бэй.

– Если не знаете лично, то, наверно, слышали их имена? – настаивал Цао Цао.

– Ну вот, к примеру, хуайнаньский Юань Шу, у него сильное войско, изобилие провианта, – ответил Лю Бэй.

– Это гнилая кость из могилы. Рано или поздно я схвачу его!

– Тогда хэбэйский Юань Шао... Из четырех поколений его рода вышло три гуна ³⁹, у него много приверженцев.

– Он только с виду храбр, а в душе труслив. Он любит строить планы, но не обладает решимостью, замышляет великие дела, но не любит трудиться. Ради маленькой выгоды готов забыть все на свете. Разве это герой?

– А Лю Бяо? Слава о нем гремит в десяти округах.

– Это не слава – одна только видимость!

– Ну, тогда цзяндунский Сунь Цэ. Он крепок и телом, и духом.

– Сунь Цэ не герой, он живет заслугами отца!

– А ичжоуский Лю Чжан?

– Всего лишь дворовый нес! – Цао Цао всплеснул руками и расхохотался. – Да ведь это все жалкие людишки! Герои – это люди, исполненные высоких устремлений и мудрых планов. Им одним ведомо, как объять всю вселенную.

– Где же найти таких героев?

– Это вы да я, – ответил Цао Цао.

Как раз в этот момент хлынул дождь, грянул гром. А как только дождь прекратился, два вооруженных мечами человека ворвались в сад и бросились к беседке. Слуги не смогли их удержать. Цао Цао узнал Гуань Юя и Чжан Фэя. Они вернулись из-за города, где упражнялись в стрельбе из лука, и, узнав, что Лю Бэя увели люди Цао Цао, бросились к нему во дворец. Однако увидев, что Лю Бэй с Цао Цао мирно распивают вино, остановились.

– Мы пришли, чтобы развлечь вас пляской с мечами, – нашелся Гуань Юй.

– Нам пляски Сян Чжуана и Сян-бо не нужны, это не праздник в Хунмыне!⁴⁰ – отвечал Цао Цао.

Лю Бэй улыбнулся. Цао Цао велел налить вина и поднести обоим, Гуань Юю и Чжан Фэю. Вскоре Лю Бэй распрощался с Цао Цао и вместе с братьями вернулся домой.

На другой день Цао Цао снова пригласил Лю Бэя. Во время пира явился Мань Чун с вестью о том, что Юань Шао разбил Гунсунь Цзяня, а его войска привлек на свою сторону.

Лю Бэя охватила печаль. Он вспомнил милости, оказанные ему Гунсунь Цзанем, вспомнил о Чжао Юне. Где-то он теперь? И Лю Бэй обратился к Цао Цао с такими словами:

– Если Юань Шу пойдет к Юань Шао, ему не миновать Сюйчжоу. Прошу вас, дайте мне войско, я ударю на Юань Шу и возьму его в плен.

Цао Цао выделил Лю Бэю пятьдесят тысяч пешего и конного войска и послал вместе с ним Чжу Лина и Лу Чжао. Вернувшись домой, Лю Бэй взял оружие, оседлал коня и двинулся в путь. К этому времени Го Цзя и Чэн Юй вернулись из поездки по проверке провианта и казны и, узнав обо всем, поспешили к Цао Цао.

– Господин первый министр, – сказали они, – мы много раз советовали вам покончить с Лю Бэем, но вы не послушались нас, а теперь еще дали ему войско. Это все равно что отпустить дракона в море или тигра – в горы.

Цао Цао внял словам своих приближенных и приказал немедленно вернуть Лю Бэя. Сюй Чу бросился выполнять приказание. Но Лю Бэй отказался вернуться.

– Выступив в поход, полководец не повинует даже государю, – сказал он. – Так и доложите.

³⁹ То есть три его предка носили высший княжеский титул – гун. (См. коммент. 1 к гл. 20.)

⁴⁰ Старинное предание рассказывает, что в конце III в. до н. э., когда шла борьба против династии Цинь, Лю Ван, будущий основатель династии Хань, первым захватил циньскую столицу Сяньян. Военачальник Сян Юй, мечтавший захватить власть, пригласил Лю Вана на пир в свой лагерь в местечко Хунмынь. Предполагалось, что во время пира его воин – богатырь Сян Чжуан начнет показывать танец с мечом и убьет Лю Вана. Но тут Сян-бо, младший брат Сян Юя, который дружил с одним из советников Сян Юя, тоже начал танцевать, прикрывая своим телом Лю Вана. В это время в шатер вошел телохранитель Лю Вана, силач Фань Куай, а спустя несколько минут Лю Ван вышел и потихоньку бежал в свой лагерь.

Сюй Чу вернулся и все передал Цао Цао.

– Лю Бэй не захотел вернуться, значит, он что-то замыслил, – сказали Го Цзя и Чэн Юй.

– При нем мои люди, – ответил Цао Цао. – Вряд ли он пойдет на измену.

Тем временем Лю Бэй прибыл в Сюйчжоу, где его встретил правитель округа Чэ Чжоу. А в скором времени вернулись лазутчики и донесли, что Юань Шу расточительствует сверх всякой меры и силы его значительно уменьшились.

Тогда Лю Бэй во главе пятидесяти тысяч воинов двинулся против Юань Шу и наголову разбил его войско. Вдобавок суншаньские разбойники Лэй Во и Чэнь Лань разграбили провиант и все прочие запасы Юань Шу, и он вынужден был уйти в Цзянтин. Семья и слуги его голодали, многие умерли. Вскоре скончался и сам Юань Шу. Случилось это в шестом месяце четвертого года периода Установления спокойствия.

Лю Бэй, узнав о смерти Юань Шу, написал донесение двору и отправил письмо Цао Цао. Чжу Лина и Лу Чжао он вернул в Сюйчан, а сам, оставив войска охранять Сюйчжоу, выехал из города, чтобы собрать разбежавшихся жителей.

Когда Чжу Лин и Лу Чжао доложили Цао Цао о том, что Лю Бэй с войском остался в Сюйчжоу, тот пришел в ярость и хотел казнить их, но его отговорил Сюнь Юй.

– Напишите лучше письмо Чэ Чжоу, пусть устроит Лю Бэю ловушку, – посоветовал он.

Цао Цао так и сделал. Чэ Чжоу, получив повеление, призвал на совет Чэнь Дэна.

– Все очень просто, – сказал Чэнь Дэн. – Не пройдет и дня, как Лю Бэй вернется. Устройте у крепости за городскими воротами засаду ⁴¹. С ним можно будет покончить одним ударом. А я с городской стены стрелами перебью его стражу.

Придя домой, Чэнь Дэн обо всем рассказал отцу, и тот велел тотчас же уведомить Лю Бэя. Чэнь Дэн отправился в путь и вблизи Сюйчжоу встретил Гуань Юя и Чжан Фэя.

⁴¹ Речь идет об укреплениях, построенных вне крепостных стен для дополнительной защиты городских ворот.

Гуань Юй договаривается о трех условиях

Выслушав Чэнь Дэна, Чжан Фэй хотел сразу же перебить стражу у городских ворот, но Гуань Юй его удержал:

– Они нас ждут. Действовать надо наверняка. Сделаем вид, будто в Сюйчжоу прибыли войска Цао Цао. Чэ Чжоу выйдет из города, тогда мы с ним и покончим.

Ночью они подошли к городу, окликнули стражу и на вопрос, кто они такие, ответили, что это отряд Чжан Ляо, посланный первым министром. Об этом доложили Чэ Чжоу. Тот вызвал Чэнь Дэна и в замешательстве сказал ему:

– Я должен выйти, иначе могу впасть в немилость. Боюсь только угодить в ловушку.

Он поднялся на стену и сказал, что лучше подождать до рассвета, а то в темноте ничего не видно.

– Открывайте ворота, пока нас не настиг Лю Бэй! – закричали снизу.

Чэ Чжоу ничего не оставалось, как выехать за городские ворота.

– Где Чжан Ляо? – спросил он, при свете огня распознав Гуань Юя, который с поднятым мечом во весь опор неся ему навстречу.

– Презренный мятежник! Ты хотел убить моего брата! – кричал он.

Чэ Чжоу в страхе повернул было обратно. Но у подъемного моста Чэнь Дэн со стены стал осыпать его стрелами. Чэ Чжоу, пытаясь спастись, поскакал вдоль стены, но его настиг Гуань Юй и мечом отрубил ему голову. После этого Гуань Юй поскакал навстречу Лю Бэю и рассказал, как было дело.

– Ты убил одного из приближенных Цао Цао! – воскликнул Лю Бэй. – Что теперь будет?

– Я знаю, как заставить Цао Цао отступить, – заявил Чэнь Дэн.

Вот уж поистине:

И от тигра ушел, из логова выбравшись ловко,
И злодея убил, обманув его хитрой уловкой.

Какой план предложил Чэнь Дэн, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава двадцать вторая

Юань Шао и Цао Цао выступают в поход с тремя армиями. Гуань Юй и Чжан Фэй берут в плен Ван Чжуна и Лю Дая

Итак, Чэнь Дэн обратился к Лю Бэю с такими словами: «Юань Шао – вот кого Цао Цао боится. Он, словно тигр, засел в землях Цзи, Цин, Ю и Вин. Почему бы не обратиться к нему с просьбой о помощи?»

Тотчас же к Юань Шао отправили посланца с письмом. А письмо попросили написать ученого мужа Чжэн Сюаня, давнишнего друга Юань Шао.

Прочитав письмо, Юань Шао созвал на совет четырех своих приближенных, но все они говорили по-разному, и Юань Шао не знал, кого слушать.

В это время вошли еще двое: Сюй Ю и Сюнь Чэнь. Услышав, о чем идет речь, оба в один голос вскричали:

– О князь! Своим многочисленным войском вы одолеете малочисленное, покараете злодея и поддержите правящий дом!

– Я и сам склонялся к такому решению, – сказал Юань Шао и по совету одного из своих приближенных велел, прежде чем выступить в поход, написать манифест об объявлении войны и перечислить в нем все злодеяния Цао Цао.

Манифест этот сочинил Чэнь Линь, личный секретарь Юань Шао, и дал его Юань Шао прочесть. Тот остался очень доволен, приказал воззвание переписать и разослать во все округа и уезды, вывесить на заставах, на перекрестках дорог и переправах.

Попало воззвание и в Сюйчан. Увидев его, Цао Цао задрожал всем телом и покрылся холодным потом.

– Кто это писал? – спросил он Цао Хуна.

– Как будто Чэнь Линь, – отвечал Цао Хун.

Цао Цао сразу успокоился и с улыбкой произнес:

– Литературный талант надобно подкреплять военным искусством. Чэнь Линь пишет отменно, но что в этом толку, если у Юань Шао нет военных способностей!

Цао Цао немедленно созвал совет, дабы обсудить план похода против врага. Пришел на совет и Кун Жун.

– С Юань Шао воевать невозможно, чересчур велики его силы, – промолвил он. – С ним надо заключить мир.

– А по-моему, такого, как Юань Шао, бояться нечего, – сказал Сюнь Юй.

– Как же его не бояться, – стоял на своем Кун Жун, – если земли его обширны, народ там сильный, советники мудрые, а сановники верные?

– У Юань Шао войск много, но порядка в них нет, – промолвил Сюнь Юй. – Все его сановники ненавидят друг друга и сразу передерутся между собой. Полководцы его храбры, но храбрость у них безрассудная, как у зверей. В первом же бою их можно взять в плен.

Кун Жун ничего больше не сказал, и Цао Цао громко рассмеялся:

– Да, Сюнь Юй очень верно их изобразил!

Итак, решено было выступить в поход. Передовые отряды возглавил Лю Дай; прикрывающим тыл был назначен Ван Чжун. Пятьдесят тысяч воинов двинулись к Сюйчжоу против Лю Бэя. Сам Цао Цао возглавил двести тысяч воинов и повел их к Лияну, чтобы одновременно напасть и на Юань Шао.

Войско Цао Цао приблизилось к Лияну. Войско Юань Шао стояло в восьмидесяти ли от города. Противники обнесли места своих стоянок глубокими рвами, насыпали высокие валы, но в бой не вступали. Оборона длилась с восьмого месяца до десятого.

Наконец Цао Цао приказал военачальнику Цзан Ба охранять Цинсюй, другим – расположиться на реке Хуанхэ, третьим – с главными силами разместиться в Гуаньду, а сам с отрядом возвратился в Сюйчан.

Лю Дай и Ван Чжун стояли лагерем в ста ли от Сюйчжоу, над лагерем развевалось знамя Цао Цао, но в наступление военачальники не шли, ограничиваясь разведкой к северу от реки. Лю Бэй, не зная намерений противника, не решался нападать первым.

Неожиданно от Цао Цао прискакал гонец с приказом Лю Даю и Ван Чжуну немедленно начать военные действия. Они бросили жребий, кому идти первым, и жребий пал на Ван Чжуна. Взяв с собой половину войск, Ван Чжун отправился на штурм Сюйчжоу.

Об этом стало известно Лю Бэю. Он позвал Чэнь Дэна и сказал:

– Юань Шао расположился в Лияне; его советники и сановники враждуют между собой, и он не двигается с места. Где сейчас Цао Цао, неизвестно. Я слышал, что в лиянской армии нет его знамени. Оно находится здесь. Что будет, если он нападет на нас?

– Цао Цао всегда хитрит, – заметил Чэнь Дэн. – Наиболее важным местом он считает Хэбэй и внимательно следит за ним, а знамя поднял не там, а здесь, чтобы ввести нас в заблуждение. самого Цао Цао тут нет, я уверен.

– Братья мои, кто из вас может разведать, так ли это? – спросил Лю Бэй.

– Я готов! – вызвался Чжан Фэй.

– Тебе нельзя, ты слишком горяч.

– Если Цао Цао здесь, я притащу его к вам! – горячился Чжан Фэй.

– Дозвольте мне, – сказал Гуань Юй.

– Пусть едет Гуань Юй, так мне будет спокойнее, – промолвил Лю Бэй.

Гуань Юй с тремя тысячами конных и пеших воинов выступил из Сюйчжоу и, размахивая мечом, крикнул:

– Я хочу поговорить с Цао Цао, пусть он выйдет!

– Да он и смотреть на тебя не захочет! – крикнул в ответ Ван Чжун.

Гуань Юй, придя в ярость, стремительно кинулся на Ван Чжуна, а тот, струсив, повернул коня. Гуань Юй настиг его, стащил с коня, перекинул поперек седла и вернулся в строй. Воины Ван Чжуна разбежались.

Связанного Ван Чжуна Гуань Юй доставил к Лю Бэю.

– Кто ты такой? Как посмел выставить знамя первого министра? – спросил Лю Бэй.

– Таков был приказ Цао Цао, – отвечал Ван Чжун. – Чтобы ввести вас в заблуждение – его самого здесь нет.

Успех Гуань Юя задел самолюбие Чжан Фэя, и он заявил, что захватит Лю Дая. Лю Бэй разрешил. Он дал ему три тысячи воинов и велел взять Лю Дая живым, ни в коем случае не убивать. Но взять Лю Дая оказалось не так-то просто. Несколько дней Чжан Фэй его подстерегал, подъезжал к лагерю противника, бранился, вызывал его на бой, но Лю Дай не показывался.

Тогда Чжан Фэй, притворившись пьяным, придрался к нарушениям порядка и избил одного воина. Мнимого нарушителя порядка связали и положили посреди лагеря.

– погоди у меня! – пригрозил ему Чжан Фэй. – Сегодня ночью перед выступлением принесу тебя в жертву знамени!

Вечером по приказанию Чжан Фэя воина тайно освободили, а тот бежал к Лю Даю и рассказал о готовящемся нападении на его лагерь. Лю Дай поверил, велел своим воинам уйти из лагеря и устроить засаду в стороне.

Ночью Чжан Фэй, разделив войско на три отряда, послал десятка три воинов поджечь лагерь врага, а остальные должны были обойти противника с тыла и напасть на него, как только будет дан сигнальный огонь.

Тридцать воинов пробрались к лагерю врага и подожгли его. Лю Дай напал на них, но тут подоспели два отряда Чжан Фэя. Воины Лю Дая не знали, как велики силы противника, и обратились в бегство. Лю Дай вырвался на дорогу, и тут его встретил Чжан Фэй. Враги всегда сходятся на узкой тропинке! Но положение Лю Дая было безвыходным. В первой же схватке он попал в плен. Пленного Чжан Фэй доставил к Лю Бэю. А тот распорядился, чтобы Ван Чжуна и Лю Дая освободили – вернули им их войска и проводили за город. На прощанье Лю Бэй им сказал:

– Первый министр заподозрил меня в бунте и решил наказать. Но разве дерзну я поднять смуту? Я желал лишь одного: оказать ему услугу в знак благодарности за большие милости.

Гуань Юй и Чжан Фэй пришли к Лю Бэю и сказали:

– Цао Цао снова придет.

– Если он нападет, нам в Сюйчжоу долго не продержаться, – промолвил Сунь Цинь. – Надо разделить войска и расположить их в Сяопэе и Сяпи.

Лю Бэй так и сделал.

Когда Лю Дай и Ван Чжун предстали перед Цао Цао и рассказали ему о том, как мило-стиво обошелся с ними Лю Бэй, Цао Цао в гневе воскликнул:

– Негодяи! Вы позорите государство! На что вы теперь пригодны?!

Он приказал увести несчастных и обезглавить.

Поистине:

Кто слышал, чтоб тигр бежал от свиньи иль собаки?

Сражаться с драконом не могут ни рыбы, ни раки.

От том, что произошло с Ван Чжуном и Лю Даем дальше, вы узнаете из следующей главы.
####

Глава двадцать третья

Ни Хэн сбрасывает с себя одежду и бранит злодея. Лекаря Цзи Пина карают за попытку отравления

Итак, Цао Цао приказал обезглавить Лю Дая и Ван Чжуна. Но за них вступился Кун Жун.
– Ну как им было тягаться с Лю Бэем? – сказал он. – Если убьете их – потеряете поддержку своих воинов.

Цао Цао казнь отменил, но лишил Лю Дая и Ван Чжуна всех должностей и жалованья. Он сам хотел вести войско против Лю Бэя, но Кун Жун стал его отговаривать.

– Раньше следует призвать к миру Чжан Сю и Лю Бяо, а потом уж идти походом на Сюйчжоу, – сказал он.

Цао Цао послал Лю Е на переговоры к Чжан Сю.

Чжан Сю очень обрадовался и в сопровождении Цзя Сюя отправился в Сюйчан изъявить покорность.

Цао Цао пожаловал Чжан Сю и Цзя Сюю высокие чины и просил их призвать к миру Лю Бяо.

– Лю Бяо любит водить дружбу с людьми знаменитыми, – сказал Цзя Сюй. – Пошлите к нему на переговоры прославленного ученого, и он покорится.

И вот решено было отправить к Лю Бяо ученого мужа Ни Хэна, испросив на то дозволение государя.

Как только высочайшее дозволение было получено, Цао Цао призвал к себе Ни Хэна и после приветственных церемоний пригласил сесть. Ни Хэн обратил лицо к небу и со вздохом сказал:

– Хоть и необъятен мир, но нет в нем достойных людей!

– Что это значит? – изумился Цао Цао. – У меня под началом несколько десятков человек, и все они герои!

– Хотел бы я знать их имена.

– Сюнь Юй, Сюнь Ю, Го Цзя, Чэн Юй, Сяо Хэ, Чэн Пин, Чжан Ляо, Сюй Чу, Ли Дянь, Юэ Цзинь, Цинь Пэн, Ма У, Люй Цянь, Мань Чун, Юй Цзинь, Сюй Хуан, Сяхоу Дунь, Цао Жэнь.

– Вы заблуждаетесь, – возразил Ни Хэн со спокойной улыбкой. – Сюнь Юй разве что способен быть плакальщиком на похоронах или проведать больного. Сюнь Ю годен ухаживать за могилами, Чэн Юю можно поручить закрывать окна и двери. Го Цзя пригоден для чтения стихов, Чжан Ляо способен бить в барабаны и гонги, Сюй Чу – пасти коров да ходить за лошадьми, Юэ Цзинь может писать да читать указы, Ли Дянь – развозить письма да депеши, Люй Цянь – точить ножи да ковать мечи, Мань Чун – пить да есть, а Сюй Хуан – резать собак да колоть свиней. Сяхоу Дуня следовало бы назвать полководцем Неповрежденной головы, а Цао Жэня – тайшоу ⁴² – Люблю денежки. Все остальные могут служить вешалками для платья, мешками для риса, бочками для вина и коробами для мяса!

– Какими же способностями обладаешь ты сам? – едва сдерживая гнев, спросил Цао Цао.

– Я постиг все небесные знамения и земные законы, три учения и девять течений ⁴³. Я мог бы сделать Сына неба равным Яо и Шуню ⁴⁴, а сам я в добродетелях могу сравняться с

⁴² Тайшоу – звание правителя области.

⁴³ Три учения. – В эпоху Хань так называли три категории: верность подданного своему владыке, почтительность и умение изъясняться литературным слогом; впоследствии под тремя учениями понимали конфуцианство, даосизм и буддизм. Девять течений – девять школ древнекитайской науки: конфуцианцы, даосы, легисты, натурфилософы, последователи философа Мо

Куном и Янем ⁴⁵. Не к лицу мне толковать с людьми невежественными! – воскликнул Ни Хэн и спокойно направился к выходу.

Чжан Ляо, стоявший рядом с Цао Цао, схватился было за меч, но Цао Цао удержал его и сказал:

– Мне не хватает барабанщика для пиров и представлений при дворе. Не поставить ли на эту должность Ни Хэна?

– Его надо казнить! – воскликнул Чжан Ляо.

– Он прославился по всей Поднебесной, – промолвил в ответ Цао Цао, – и люди не простили бы мне его смерти, но я сделаю его барабанщиком и тем опозорю.

На следующий день Цао Цао устроил во дворце пир. Все барабанщики явились в праздничных одеждах, и только Ни Хэн пришел в старом платье.

– Ты почему не переоделся? – спросил Ни Хэна один из приближенных Цао Цао.

И тут Ни Хэн сбросил с себя свое платье и остался совершенно голым. Гости закрыли лица руками.

– Стыда у тебя нет! – закричал Цао Цао. – Не забывай, что ты в государственном храме предков!

– Обманывать Сына неба и высших – вот бесстыдство, – невозмутимо отвечал Ни Хэн. – Я обнажил тело, данное мне отцом и матерью. Пусть все видят, что я чист!

– Это ты чист? – съязвил Цао Цао. – А кто же, по-твоему, грязен?

– Ты не отличаешь мудрости от глупости, значит, у тебя грязные глаза. Ты не читаешь вслух книг и стихов, значит, грязен твой рот. Ты не выносишь правдивых слов, значит, грязны твои уши. Не отличаешь старого от нового, значит, ты грязен телом. Ты мечтаешь о захвате власти, значит, ты грязен душой. Я самый знаменитый ученый в Поднебесной, а ты унизил меня, сделав барабанщиком, подобно тому, как Ян Хо унизил Конфуция ⁴⁶, а Цзан Цзи оскорбил Мэн-цзы ⁴⁷. Ты хочешь стать гегемоном, а сам презираешь людей!

– Ты поедешь моим послом в Цзинчжоу, – промолвил Цао Цао, обращаясь к Ни Хэну. – Если Лю Бяо покорится, я сделаю тебя сановником.

Цао Цао велел приготовить трех коней, чтобы Ни Хэна могли сопровождать два всадника, и в честь его отъезда распорядился устроить пир.

– Не вставайте, когда появится Ни Хэн, – предупредил присутствующих Сюнь Юй.

Ни Хэн вошел. Никто не встал с места. Ни Хэн заплакал навзрыд.

– В чем дело? – спросил Сюнь Юй. – Почему вы плачете?

– Как же мне не плакать? Я вошел к мертвецам...

– Если мы мертвецы, то ты безголовый дух, – возмутились все присутствующие.

– Я подданный ханьского государя, а не приспешник Цао Цао, – отвечал Ни Хэн. – И уже хотя бы поэтому меня нельзя назвать безголовым!

– Стойте! – остановил гостей Сюнь Юй, когда те хотели наброситься на Ни Хэна с мечами. – Он так же жалок, как воробей или мышь, стоит ли пачкать о него мечи?

цзы (или монеты), логики-«софисты», «аграрники» и представители разных мелких учений.

⁴⁴ *Яо* и *Шунь* – мифические государи глубокой древности. Конфуцианцы считали их правление образцом мудрости и гуманности.

⁴⁵ *Кун* и *Янь*. – Имеются в виду Конфуций (Кун Цю) и его ученик Янь Хуэй (VI в. до н. э.).

⁴⁶ Согласно преданию, рассказанному в «Беседах и суждениях» Конфуция, некто Ян Хо, мелкий чиновник одного из могущественных сановников царства Лу, хотел, чтобы Конфуций пришел к нему засвидетельствовать свое почтение. Мудрец не пошел. Тогда Ян Хо послал ему в дар вареного поросенка, думая, что теперь-то Конфуций явится поблагодарить его, но Конфуций отправился к нему тогда, когда заведомо знал, что Ян Хо не будет дома. Случилось так, что они встретились на дороге, и Ян Хо довольно грубо стал порицать Конфуция за бездеятельность.

⁴⁷ В книге «Мэн-цзы» рассказывается о том, что, когда правитель царства Лу собрался нанести визит последователю Конфуция, мудрецу Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), то любимец правителя, мелкий чиновник Цзан Цан, стал отговаривать его, говоря, что Мэн-цзы не соблюдает обрядов, поскольку он похоронил свою мать более пышно, чем отца.

– Пусть я воробей,мышь, кто угодно, зато у меня человеческая душа! Вы же черви и осы! Охваченные негодованием, гости разошлись.

Между тем Ни Хэн прибыл в Цзинчжоу к Лю Бяо, но когда стал произносить хвalebные речи, Лю Бяо сразу понял, что это насмешка и что Цао Цао прислал Ни Хэна, чтобы разделаться с ним руками его, Лю Бяо. И он отправил Ни Хэна в Цзянся к Хуан Цзу.

Вскоре Лю Бяо сообщили, что Хуан Цзу обезглавил Ни Хэна, и он пожелал узнать, как это случилось. Вот что ему рассказали.

Хуан Цзу спросил у Ни Хэна, когда они пили вино, кто самый достойный человек в Поднебесной, и Ни Хэн ответил, что самые достойные – старший сын Кун Жуна и младший сын Ян Дацзу.

– А я? – спросил Хуан Цзу.

– Ты как божество в храме, оно принимает жертвоприношения, но, увы, не обладает умом, – ответил Ни Хэн.

– Значит, по-твоему, я все равно что деревянный идол! – в гневе закричал Хуан Цзу и обезглавил Ни Хэна.

Лю Бяо пожалел о Ни Хэне и велел похоронить его возле острова По- пугаев.

Цао Цао, узнав о смерти Ни Хэна, со смехом воскликнул:

– Негодяй сгубил себя своим языком!

Дун Чэн после отъезда Лю Бяо день и ночь совещался с Ван Цзыфу и другими своими сторонниками, но придумать ничего не мог. В первый день пятого года Установления спокойствия ⁴⁸ во дворце был прием. Цао Цао держал себя вызывающе, и Дун Чэн от негодования заболел. Государь, прослышав о болезни шурина, послал к нему придворного лекаря Цзи Пина, самого знаменитого лекаря того времени. Цзи Пин стал лечить Дун Чэна настоями трав и не отходил от его ложа. Он часто замечал, что Дун Чэн сокрушенно вздыхает, но расспрашивать ни о чем не смел.

Однажды под вечер, когда Цзи Пин уже собрался уходить, Дун Чэн попросил его остаться поужинать. Они пили вино до часа первой стражи, и Дун Чэн, утомившись, задремал. Вдруг доложили, что пришел Ван Цзыфу со своими друзьями. Дун Чэн вышел их встречать.

– Великое дело улажено, – сообщил Ван Цзыфу. – Лю Бяо объединился с Юань Шао, и они ведут сюда по десяти направлениям пятьсот тысяч воинов. Ма Тэн, объединившись с Хань Суем, идет с севера во главе силянской армии численностью в семьсот тысяч человек. Цао Цао послал им навстречу все войска, которые были в Сюйчане. В городе пусто. Если собрать слуг и рабов пяти наших семей, – а их наберется более тысячи, – можно нынешней же ночью ворваться во дворец, где будет новогодний пир, и там убить Цао Цао. Нельзя упускать такой случай!

Дун Чэн тут же собрал слуг и рабов, вооружил их, сам облачился в латы и сел на коня. Пять заговорщиков условились встретиться у внутренних ворот дворца и по сигналу привели своих людей. Дун Чэн с мечом в руке вошел во дворец. Цао Цао сидел за столом во внутреннем зале.

– Ни с места, злодей! – закричал Дун Чэн и тут же одним ударом поверг его наземь.

В этот миг Дун Чэн проснулся и понял, что все это ему только снилось. Во сне Дун Чэн громко поносил Цао Цао.

– Много дней я замечал, что вы охаете и вздыхаете, но не осмеливался расспрашивать, и только слова, сказанные вами во сне, открыли мне ваши истинные чувства, – промолвил Цзи Пин. – Не будем обманывать друг друга. Если я могу быть чем-нибудь полезен, пусть уничтожат девять колен моего рода, я все равно не раскаюсь!

⁴⁸ То есть в 200 г. н. э.

С этими словами Цзи Пин надкусил себе палец в знак клятвы. Тогда Дун Чэн вынул указ и велел Цзи Пину его прочесть.

– Боюсь, что наши нынешние планы не увенчаются успехом! – добавил он. – С тех пор как уехали Лю Бэй и Ма Тэн, мы ничего не можем предпринять.

– Не тревожьтесь, судьба Цао Цао в моих руках! – заявил Цзи Пин. – Цао Цао часто страдает головной болью, и я приношу ему лекарство. Подолью туда яду – и все.

Их разговор подслушал домашний раб Цинь Цинтун и стал шептаться с прислужницей Юньинь. Это увидел Дуя Чэн, который вошел во внутренние покои, и велел дать им по сорок палочных ударов, а после этого Цинь Цинтуна запереть в погребе. Но Цинь Цинтун ночью бежал к Цао Цао и сообщил ему о заговоре, назвав имена заговорщиков, и в том числе лекаря Цзи Пина.

На другой день Цао Цао притворился, что мается головной болью, и вызвал Цзи Пина. Лекарь захватил отраву и отправился во дворец. Но когда приготовил лекарство и предложил Цао Цао выпить, тот сказал:

– Вы читаете ученые книги и должны знать этикет. Когда государю предлагают лекарство, его прежде должны отведают сановники. Отчего же вам первому не попробовать лекарство, которое вы для меня приготовили?

Цзи Пин понял, что заговор раскрыт, и, бросившись на Цао Цао, хотел силой влить ему в рот отраву. Но Цао Цао отшвырнул чашу, а слуги схватили лекаря и связали.

Так, связанного, его и приволокли на допрос. Но сколько ни били Цзи Пина, сколько ни пытали, он ни в чем не признался.

– Ты злодей! – крикнул лекарь. – Ты обманываешь государя! Не я один – вся Поднебесная ждет твоей смерти. Никто меня не подсылал! Я сам хотел тебя убить, но не удалось!

На следующий день Цао Цао устроил пиршество и пригласил всех сановников. Не пришел лишь Дун Чэн, сославшись на болезнь. После того как вино обошло несколько кругов, Цао Цао сказал:

– Что-то невесело у нас на пиру! Но сейчас я вас развеселю!

И он крикнул страже:

– Введите!

К ступеням подтащили Цзи Пина с кангой на шее.

– Известно вам, что этот человек был связан с шайкой злодеев, которая собиралась изменить двору и убить меня? Небо разрушило их планы. Вот послушайте. Сейчас он вам все расскажет!

Цзи Пина снова стали бить, но он твердил одно:

– Цао Цао, злодей! Убей меня! Чего ты ждешь?

Ван Цзыфу и его сообщники сидели, словно на иголках. Поняв, что от Цзи Пина ничего не добьешься, Цао Цао велел его увести.

Все сановники разошлись. Цао Цао оставил только Ван Цзыфу и еще троих.

– О чем вы совещались с Дун Чэном? – спросил Цао Цао.

– Ни о чем, – ответил Ван Цзыфу.

– А что было написано на белом шелке?

Все твердили в один голос, что ничего не знают. Тогда Цао Цао велел привести Цинь Цинтуна, и тот сказал:

– Вы вшестером что-то писали. Я сам видел.

– Этот негодяй развратничал с прислужницей Дун Чэна, а теперь еще клеветает на своего господина! – вскипел Ван Цзыфу.

– Но кто же, если не Дун Чэн, велел Цзи Пину подсыпать мне яду? – спросил Цао Цао.

Все ответили в один голос, что это им неизвестно.

– Сегодня же вы принесете повинную, – потребовал Цао Цао. – Тогда я пощажу вас. А не хотите – пеняйте на себя.

Ван Цзыфу и его сообщники упорно твердили, что ничего не знают, и Цао Цао велел бросить их в темницу.

Наутро Цао Цао отправился к Дун Чэну, осведомился, почему тот не был на пиру, и спросил:

– Вы знали о намерениях Цзи Пина?

– Нет, не знал, – ответил Дун Чэн.

Цао Цао усмехнулся и велел привести лекаря. Тот по-прежнему проклинал Цао Цао, а когда его снова стали пытаться, обещал во всем признаться и попросил его развязать.

– Развяжите его! – приказал Цао Цао.

Когда Цзи Пина развязали, он поднялся, обратился лицом к воротам дворца, поклонился:

– Увы! Слуге не удалось послужить государству. На то воля Неба.

С этими словами он разбил себе голову о ступени и умер. Цао Цао велел четвертовать его тело и выставить напоказ. После этого телохранители по знаку Цао Цао схватили Дун Чэна, а слуги бросились в спальню искать указ и письменную клятву заговорщиков. Под стражу были взяты семья Дун Чэна и все его домочадцы. С указом государя и клятвой, написанной на шелке, Цао Цао вернулся к себе во дворец и стал обдумывать план свержения Сянь-ди и возведения на престол другого государя.

Поистине:

Порой ни к чему не вели императорские указы,
Но клятву одну подписал – все беды обрушились сразу.

О дальнейшей судьбе государя Сянь-ди вы узнаете из следующей главы.

#####

Глава двадцать четвертая

Злодеи зверски убивают Дун-гуйфэй⁴⁹. Лю Бэй терпит поражение и бежит к Юань Шао

Итак, Цао Цао решил свергнуть государя Сянь-ди, но Чэн Юй стал его отговаривать:

– Вы можете наводить страх и повелевать Поднебесной лишь до тех пор, пока действуете от имени ханьского государя. Его свержение послужит поводом к войне.

Цао Цао отказался от своего намерения, но заговорщиков приказал казнить вместе с их семьями, не пощадив ни старых, ни малых.

Этим Цао Цао не умерил свой гнев и отправился во дворец, чтобы убить Дун-гуйфэй, любимую наложницу государя, приходившуюся младшей сестрой Дун Чэну. Дун-гуйфэй была беременна на пятом месяце.

В тот день государь пребывал во внутренних покоях и беседовал с государыней, сокрушаясь о том, что до сих пор от Дун Чэна нет вестей, как вдруг ворвался Цао Цао с искаженным от гнева лицом и с мечом в руках.

– Государю известно, что Дун Чэн замышлял мятеж? – крикнул он.

– Нет, неизвестно.

– А о прокушенном пальце и кровью написанном указе забыли? – продолжал бушевать Цао Цао.

Государь молчал. Тогда Цао Цао распорядился привести Дун-гуйфэй.

Как ни молили государь и государыня пожалеть несчастную, Цао Цао был непреклонен.

– Оставить ее в живых, чтобы она потом натворила бед?

И Цао Цао приказал вывести Дун-гуйфэй за ворота дворца и задушить.

– Казнить каждого из родственников государя по женской линии, кто войдет во дворец без моего дозволения! – распорядился Цао Цао. – Тех же, кто проявит попустительство, считать соучастниками!

После этого Цао Цао набрал три тысячи верных ему телохранителей и поставил во главе их Цао Хуна.

– А теперь еще надо расправиться с Ма Тэном и Лю Бэем, они тоже смутьяны, – сказал Цао Цао, обращаясь к Чэн Юю.

В это время вошел Го Цзя, и Цао Цао сказал ему:

– Я хочу идти походом на Лю Бэя. Следует ли мне в этом случае опасаться Юань Шао?

– Нет, не следует, – отвечал Го Цзя. – Что же до Лю Бэя, то он не успел еще завоевать сердца своих новых воинов. Можете идти на восток и решить все в одной битве.

Вскоре двести тысяч воинов пятью отрядами двинулись на Сюйчжоу. Это стало известно Сунь Цяню, который поспешил донести о положении дел Гуань Юю в Сяпи и Лю Бэю в Сяопэе.

– Надо обратиться за помощью к Юань Шао, – сказал Лю Бэй и отправил Сунь Цяня с письмом к Юань Шао.

Но Юань Шао отказался двинуть войска.

– В случае опасности, – молвил он, – пусть Лю Бэй переходит ко мне, я найду способ ему помочь.

Сунь Цяню ничего не оставалось, как вернуться в Сяопэй и обо всем рассказать Лю Бэю.

– Что же делать? – встревожился Лю Бэй.

– Не печальтесь! – успокоил его Чжан Фэй. – Войска Цао Цао утомлены после долгого похода. Надо напасть на них и разбить, прежде чем они раскинут лагерь.

⁴⁹ Гуйфэй – титул любимой наложницы государя.

– Ты не только храбрый, но еще и хитроумный, – сказал Лю Бэй и дал брату войско для разгрома вражеского лагеря.

В это время Цао Цао вел свое войско к Сяопэю. Вдруг от резкого порыва ветра с треском сломалось древко одного из знамен. Цао Цао созвал советников и спросил у них, что бы это могло означать.

– С какой стороны налетел ветер и какого цвета знамя? – спросил Сюнь Юй.

– Ветер юго-восточный, знамя красное с синим, – отвечал Цао Цао.

– Это значит, что нынче ночью нападут на наш лагерь, – промолвил Сюнь Юй.

То же самое сказал и Ма Цзе.

– Само Небо предостерегает меня! Надо принять меры! – вскричал Цао Цао.

Он разделил войско на девять отрядов; один отряд остался, чтобы разбить лагерь, а другие засели в засаду в разных местах. Луна была на исходе и тускло светила. Лю Бэй и Чжан Фэй выступили в поход. Сунь Цянь остался охранять Сяопэй. Чжан Фэй решил действовать самостоятельно. Он повел вперед легкую конницу и внезапно ворвался в лагерь Цао Цао. Там почти никого не было, за исключением нескольких пеших и конных воинов. Вдруг со всех сторон вспыхнули огни, раздались крики. Чжан Фэй понял, что попал в ловушку, и повернул обратно. На него ударили сразу с нескольких сторон. Чжан Фэй храбро отбивался, но воины его, прежде служившие под началом Цао Цао, быстро сдались в плен.

С трудом вырвавшись из кольца, Чжан Фэй обратился в бегство. За ним следовало всего лишь несколько десятков всадников. Дорога в Сяопэй была отрезана. В Сюй-чжоу или Сяпи он идти боялся. Оставалось лишь двинуться к Манданским горам. Что же касается Лю Бэя, то он, вырвавшись из окружения, отправился к Юань Шао, который с большой свитой встретил его в тридцати ли от города Ецзюня и сердечно приветствовал.

– Из-за болезни сына, – сказал Юань Шао, – я не мог прийти вам на помощь, но рад видеть вас у себя.

– Клянусь достойно отблагодарить вас за дружбу и за радушный прием, – ответил с поклоном Лю Бэй.

Но оставим пока Лю Бэя и вернемся к Цао Цао. Захватив Сяопэй, он двинул войска против Сюйчжоу. Ми Чжу и Цзянь Юн вынуждены были бежать. Чэнь Дэн сдал Сюйчжоу, и войска Цао Цао вступили в город. Успокоив народ, Цао Цао созвал советников, чтобы обсудить, как поскорей взять Сяпи.

– Гуань Юй охраняет семью Лю Бэя и будет драться до последнего, – сказал Сюнь Юй. – Надо взять город немедленно, иначе его захватит Юань Шао.

– Я всегда ценил Гуань Юя за военные способности и ум, – после долгого молчания заговорил Цао Цао. – Как бы уговорить его покориться?

– Гуань Юй – человек долга, – промолвил Го Цзя. – Вряд ли он поддастся на уговоры.

– Гуань Юй мой друг, – сказал один из тех, кто стоял у шатра. – Могу попытаться уговорить его.

Это был Чжан Ляо.

– Словами его не возьмешь, – возразил Чэн Юй. – Прежде надо поставить его в безвыходное положение, а уже потом начать переговоры.

Вот уж поистине:

Он яму и лук приготовил, чтоб тигра поймать и убить.

Он в воду бросил приманку, чтобы кита приманить.

Каков был план Чэн Юя, вам расскажет следующая глава.

####

Глава двадцать пятая

Сидя на вершине горы, Гуань Юй ставит три условия. Цао Цао на белом коне вырывается из окружения

– Один Гуань Юй стоит десяти тысяч врагов, – сказал Чэн Юй. – Только хитростью можно его победить. Пошлите пленных воинов Лю Бэя в Сяпи к Гуань Юю, и пусть они скажут, что им удалось бежать. Они укроются в городе и станут нашими лазутчиками. Потом мы вызовем Гуань Юя на бой, завлечем его подальше, отрежем путь к отступлению и предложим сдаться.

Цао Цао так и поступил. Что касается Гуань Юя, то он, ничего не подозревая, принял вернувшихся воинов. А на другой день Сяхоу Дунь во главе пятидесяти тысяч войска подступил к городским стенам Сяпи и после длительной перебранки заставил Гуань Юя выйти на бой. На одиннадцатой схватке Сяхоу Дунь обратился в бегство. Гуань Юй погнался за ним и промчался около двадцати ли, но, боясь потерять Сяпи, созвал своих воинов и двинулся обратно.

Вдруг затрещали хлопущки: слева Сюй Хуан, справа Сюй Чу с двумя отрядами преградили ему дорогу. Гуань Юю удалось прорваться, но тут из засады на него саранчой посыпались стрелы. Он повернул свой отряд и успешно отразил нападение Сюй Хуана и Сюй Чу. Однако путь на Сяпи уже отрезал Сяхоу Дунь. Гуань Юй сражался до самого заката солнца, после чего увел своих воинов на гору, чтобы они могли передохнуть.

Но войско Цао Цао окружило гору. Гуань Юй с высоты видел, как в Сяпи вспыхнуло пламя. Это перебежчики предательски открыли ворота, и Цао Цао, с огромной армией ворвавшись в город, приказал зажечь огонь, чтобы смутить сердце Гуань Юя.

Гуань Юй потерял присутствие духа. Ночью он несколько раз пытался прорваться, но его останавливали тучи стрел. На рассвете он заметил всадника, подымавшегося на гору, и узнал в нем Чжан Ляо. Чжан Ляо соскочил с коня, отбросил клинок и приветствовал Гуань Юя. Они уселись на вершине горы, и Гуань Юй спросил:

- Вы хотите уговорить меня сдаться?
- Нет, нет! Я хочу лишь спасти вас, как вы когда-то спасли меня.
- Значит, вы намерены мне помочь?
- Тоже нет.
- Зачем же вы приехали?

– Хочу уведомить вас, что прошлой ночью Цао Цао завладел Сяни, но не причинил вреда ни воинам, ни народу, даже распорядился охранять семью Лю Бэя. Так что беспокоиться вам не о чем.

– Напрасно морочите меня! – гневно вскричал Гуань Юй. – Вы приехали, чтобы уговорить меня сдаться, но из этого ничего не выйдет! Смерти я не боюсь! Я иду в бой!

- Над вашими словами будет потешаться вся Поднебесная, – с хохотом сказал Чжан Ляо.
- Кто станет потешаться над погибшим во имя долга и справедли- вости?

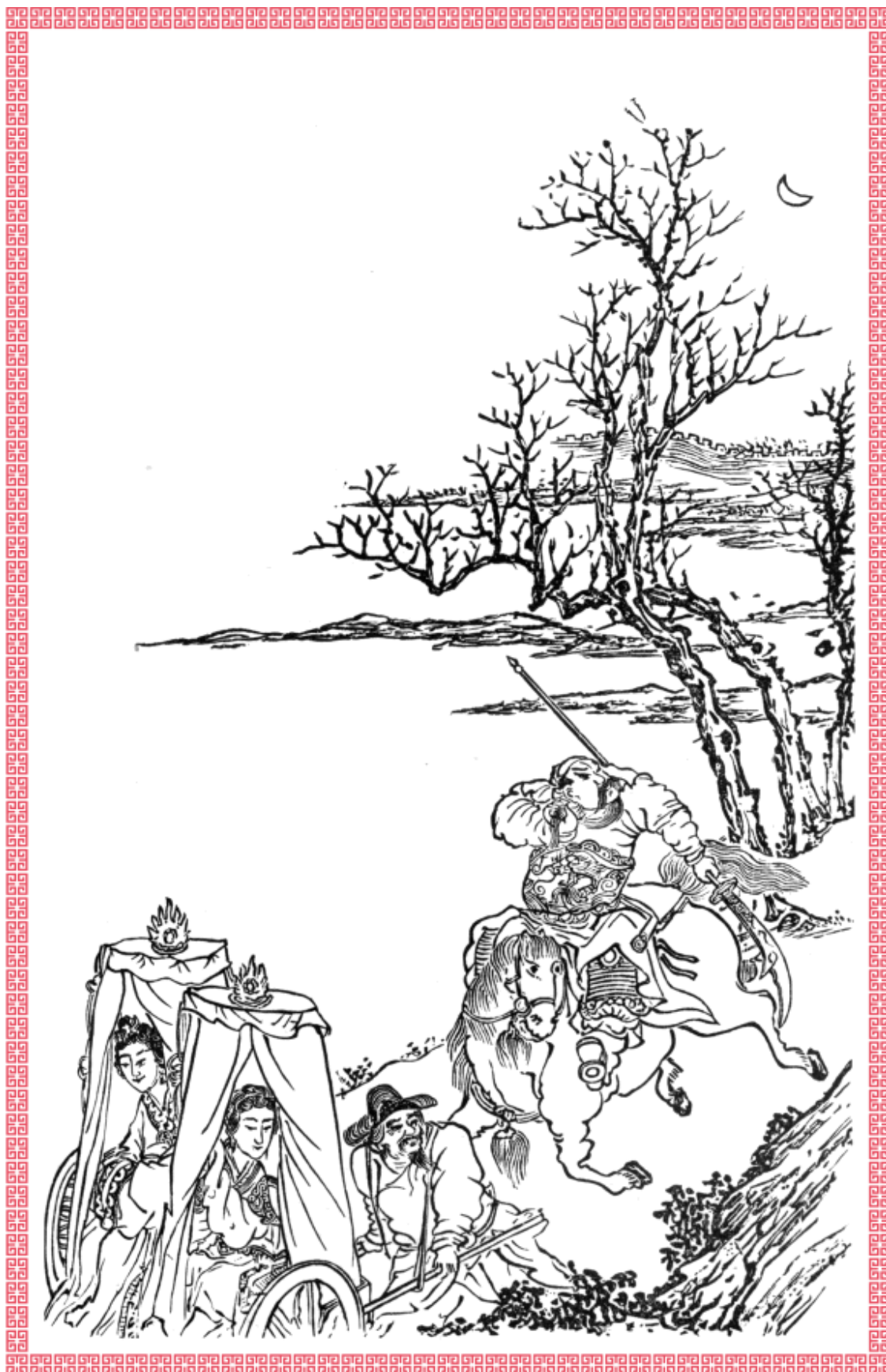
– Если вы погибнете, то будете виноваты втройне! Лю Бэй, заключив с вами союз, поклялся жить и умереть вместе с названными братьями. Он только что потерпел поражение. Возможно, ему потребуется ваша помощь, а вас не будет в живых. Это первое. Кроме того, Лю Бэй поручил вам охранять свою семью. Если же вы погибнете, обе его жены останутся беззащитными. Это второе. И наконец, третье, вы обладаете недюжинными военными способностями, достойными войти в историю. Вы же, вместо того чтобы спасти Ханьский дом, предпочитаете броситься в кипяток или прыгнуть в огонь – такое деяние недостойно благородного мужа!

После долгого размышления Гуань Юй спросил:

- Чего же вы от меня хотите?

– Вы окружены войсками Цао Цао, – промолвил Чжан Ляо. – От вашей смерти не будет никакой пользы. Послушайтесь меня, сдайтесь, а потом уйдете к Лю Бэю, когда узнаете, где он. Так вы спасете жизнь двум женщинам, останетесь верным клятве, данной в Персиковом саду, и спасете себя, чтобы в будущем принести пользу.

– В свою очередь, я поставлю первому министру три условия, – ответил Гуань Юй. – Если он их примет, я снимаю латы, если нет, беру все три вины на себя. Итак, первое условие: я покорюсь, только не Цао Цао, а ханьскому государю. Второе: прошу обеспечить жен моего старшего брата деньгами и провиантом, а также распорядиться, дабы ни высокородные, ни простолюдины не дерзнули приблизиться к их дверям. Третье: по первой же моей просьбе мне должны разрешить уйти к Лю Бэю, будь он хоть в десяти тысячах ли отсюда.

Гуань Юй увозит золовок

Чжан Ляо вернулся и все это доложил Цао Цао.

– Служить Ханьскому дому – значит, служить мне, – самодовольно промолвил Цао Цао. – Поэтому я принимаю первое его условие.

Второе условие Цао Цао тоже принял. Только третье условие вызвало у Цао Цао сомнения.

– Зачем же я стану его кормить, если он после уйдет к Лю Бэю? Нет, на это согласиться я не могу.

– Вам только надо привлечь добротой его сердце, как это сделал Лю Бэй, – промолвил Чжан Ляо. – И он никуда от вас не уйдет.

Цао Цао согласился. Тогда Чжан Ляо вновь поднялся на гору и сообщил Гуань Юю о том, что Цао Цао принял все его условия. Вскоре после этого Гуань Юй в сопровождении нескольких десятков всадников отправился к Цао Цао. Тот лично встретил его у ворот лагеря и радушно приветствовал. Гуань Юй спешился и, поклонившись, сказал:

– Чжан Ляо передал мне, что вы согласны на мои условия. Так вот, как только я узнаю, где мой старший брат, я уйду к нему, хоть бы мне пришлось пройти сквозь огонь и воду.

– Сдается мне, что Лю Бэй погиб, – ответил Цао Цао. – Не беспокойтесь и предоставьте мне это разузнать.

Вскоре Цао Цао задал пир, на который собрались все гражданские и военные чиновники. Гуань Юя встретили со всяческими почестями и поднесли ему дорогие дары: шелка, парчу, золотую и серебряную утварь.

Со дня прибытия в Сюйчан Цао Цао осыпал Гуань Юя милостями и не переставал им восхищаться.

Однажды он спросил Гуань Юя, сколько волос у него в бороде.

– Примерно несколько сот, – ответил Гуань Юй. – Осенью выпадает по три – пять волосков в месяц, а зимой помногу, и тогда я прячу бороду в шелковый мешочек, чтобы она совсем не вылезла.

Цао Цао заказал шелковый мешочек и подарил Гуань Юю. На другой день Гуань Юй предстал перед государем, а тот поинтересовался, что это за мешочек у него на груди.

– Моя борода очень длинна, и первый министр подарил мне мешочек, чтобы я прятал ее, – отвечал Гуань Юй.

Государь велел снять мешочек, и борода рассыпалась по груди Гуань Юя, достав до самого живота.

– Поистине, вы князь Прекрасной бороды! – воскликнул государь.

С той поры это имя так и закрепилось за Гуань Юем.

Как-то Цао Цао обратил внимание на то, что конь у Гуань Юя тощий, и тотчас же велел привести красавца коня огненно-рыжей масти.

– Не иначе как это конь Люй Бу Красный заяц! – воскликнул Гуань Юй.

– Он самый! – подтвердил Цао Цао и подарил Гуань Юю коня, а в придачу седло и сбрую. Гуань Юй дважды поклонился в знак благодарности и сказал:

– Имея такого коня, я смогу увидеть своего старшего брата в тот же день, как узнаю, где он.

И Цао Цао пожалел, что так опрометчиво подарил Гуань Юю коня. Тут Сюнь Юй обратился к Цао Цао с такими словами:

– Гуань Юй обещал не покидать вас, пока не окажет вам услуги. Постарайтесь не дать ему такой возможности, и он не уйдет.

А теперь вернемся к Лю Бэю. Все это время он жил у Юань Шао, находясь в мрачном расположении духа.

– Что с вами? – спросил его Юань Шао.

– Как же мне не горевать? Нет вестей ни от жен, ни от братьев. Государству помочь я не смог, семью защитить не сумел.

– Вот настанет весна, – принялся утешать его Юань Шао, – и я поведу войска на Сюйчан. Не печальтесь!

– Цао Цао злодей, он посягает на трон, – ответил Лю Бэй, – и покарать его – значит исполнить свой долг перед Поднебесной.

– Прекрасно сказано! – воскликнул Юань Шао и вскоре стал готовиться к походу.

Огромная армия стекалась к Лияну. Правитель округа донес в Сюйчан об опасности, и Цао Цао двинул свое войско навстречу врагу.

– Мне хотелось бы быть впереди, – обратился Гуань Юй к Цао Цао.

– Не смею пока беспокоить вас, но как только понадобится, сам попрошу вас об этом.

Цао Цао разделил на три отряда сто пятьдесят тысяч воинов и выступил в поход, в пути он получил донесение о том, что положение создалось тяжелое, и встревожился.

В схватке с Янь Ляном пали один за другим Сунь Сянь и Вэй Сюй, военачальники Цао Цао.

Сюй Хуану тоже не удалось одержать верх над Янь Ляном, и он едва спасся. Тогда Цао Цао отвел свое войско. Отошел и Янь Лян.

– Только Гуань Юй может сразить Янь Ляна, – промолвил Чэн Юй, и Цао Цао послал за Гуань Юем.

Гуань Юй вооружился мечом Черного дракона, вскочил на Красного зайца и в сопровождении нескольких воинов поскакал в Байма. Вместе с Цао Цао и военачальниками Гуань Юй поднялся на холм и оглядел войско противника.

– Куча глиняных кур и собак! – с презрением махнул рукой Гуань Юй.

– А вон тот, в расшитом халате, Янь Лян, – промолвил Цао Цао.

– Сдается мне, что он выставил свою голову на продажу! – произнес Гуань Юй.

– Не надо заранее хвалиться! – предостерег его Цао Цао.

– Пусть я бездарен, но я отрублю ему голову и преподнесу ее вам, – заявил Гуань Юй, – на глазах у всех воинов.

Гуань Юй вскочил на коня, схватил меч и помчался вниз с холма. Налившиеся кровью глаза его округлились, брови нахмурились. Прославленные хэбэйские воины расступились, и Гуань Юй устремился к Янь Ляну. Тот не успел и пальцем шевельнуть, как Гуань Юй оказался рядом. Сверкнул меч, и непобедимый воин рухнул с коня. Гуань Юй соскочил на землю, отрубил врагу голову, повесил ее на шею своего коня и снова вскочил в седло.

Хэбэйские воины пришли в смятение. Воспользовавшись этим, Цао Цао ударил на них. Убитых было не счесть. Цао Цао захватил множество коней и оружия.

Гуань Юй поднялся на холм и положил перед Цао Цао голову Янь Ляна.

– Да вы же настоящий герой! – восклицал Цао Цао.

Тем временем воины, бежавшие в страхе из разбитой армии Янь Ляна, встретили по пути Юань Шао и рассказали ему о поражении, которое нанес им воин с красным лицом и длинной бородой, ворвавшийся в строй и убивший Янь Ляна.

– Кто бы это мог быть? – спросил Юань Шао.

– Несомненно, Гуань Юй, младший брат Лю Бэя! – ответил Цзюй Шоу.

Юань Шао, задыхаясь от гнева и тыча пальцем в Лю Бэя, закричал:

– Я казню тебя! Твой брат убил моего любимого военачальника! Ты его сообщник, это мне ясно!

Юань Шао позвал палача, чтобы тот обезглавил Лю Бэя.

Вот уж поистине:

Сперва, как гость, он был у нас в почете,
Сейчас злодей – стоит на эшафоте.

О дальнейшей судьбе Лю Бэя вы узнаете из следующей главы.
####

Глава двадцать шестая

Юань Шао терпит поражение и теряет военачальника. Гуань Юй оставляет печать и возвращает дары

– Вы выслушали только одну сторону и уже готовы порвать нашу дружбу, – спокойно произнес Лю Бэй, когда Юань Шао приказал его казнить. – Я даже не знаю, жив ли мой брат. Мало ли в Поднебесной краснолицых да длиннобородых! Необязательно это был Гуань Юй.

Юань Шао тут же отменил свой приказ и стал советоваться с Лю Бэем, как отомстить за Янь Ляна.

– Я любил Янь Ляна, словно брата, – промолвил воин, стоявший у шатра, – кто же, как не я, за него отомстит?

Это сказал знаменитый хэбэйский военачальник Вэнь Чоу.

– Кто лучше вас сможет это сделать? – поспешно ответил Юань Шао. – Я сам со стотысячной армией перейду Хуанхэ и нападу на злодея Цао Цао.

– Мне хотелось бы отправиться вместе с Вэнь Чоу, – промолвил Лю Бэй, – чтобы хоть чем-нибудь отплатить вам за добро и, кроме того, узнать правду о Гуань Юе.

Юань Шао дал на это свое согласие. Но Вэнь Чоу запротестовал.

– Лю Бэй не раз терпел поражения, – произнес он, – воины ему не верят. Но коль скоро мой господин желает, чтобы и он шел, я выделю ему тридцать тысяч воинов, и пусть следует за мной.

Как только Цао Цао стало известно, что Вэнь Чоу намерен переправиться через Хуанхэ и уже занял переправу у Яньцзиня, он прежде всего распорядился переселить местных жителей в Сихэ. Затем он повел свое войско навстречу врагу, причем провиант был отправлен вперед.

Это было сделано в расчете на то, что вражеские воины позарятся на провиант, попытаются его захватить, и это внесет смятение в их ряды.

Так оно и случилось.

Завладев повозками с провиантом, воины Вэнь Чоу погнались за брошенными конями. Это уже было не войско, а толпа грабителей – строй и порядок были нарушены. Цао Цао велел своим воинам спуститься с холмов и напасть на врага. В армии Вэнь Чоу произошло замешательство: сражался один Вэнь Чоу, а его воины топтали друг друга.

– Кто схватит знаменитого Вэнь Чоу? – спросил Цао Цао у своих приближенных.

Тотчас же выехали вперед Чжан Ляо и Сюй Хуан.

При виде обоих военачальников Вэнь Чоу отбросил копье и схватился за лук. Выпущенная им стрела сбила кисть со шлема Чжан Ляо. Но тот упорно рвался вперед. Вэнь Чоу выстрелил еще раз, и стрела попала Чжан Ляо в скулу. Он потерял равновесие и свалился с коня. Вэнь Чоу бросился было к нему, чтобы добить, но путь ему преградил Сюй Хуан, размахивавший огромной секирой. Чжан Ляо удалось спастись. Однако в это время к месту боя подоспел тыловой отряд Вэнь Чоу. Сюй Хуан понял, что ему не устоять, и повернул назад. Вэнь Чоу преследовал его вдоль берега реки.

И вдруг появилось новое войско, и его военачальник с поднятым мечом ринулся на Вэнь Чоу. Это был Гуань Юй.

После трех схваток Вэнь Чоу обратился в бегство. Быстроногий конь Гуань Юя мгновенно настиг врага. Взмах меча, и голова скатилась с плеч Вэнь Чоу.

В это время ввел в бой свое войско Цао Цао. Добрая половина хэбэйских воинов была сброшена в реку.

В разгар схватки подоспел с тридцатитысячным отрядом Лю Бэй.

– Краснолицый воин с длинной бородой убил Вэнь Чоу! – донесли ему из передового отряда.

На другом берегу реки Лю Бэй заметил всадников, мчавшихся с быстротой ветра. Над их головами развевалось знамя с именем Гуань Юя.

«Значит, мой брат действительно у Цао Цао!» – подумал Лю Бэй, возблагодарив в душе Землю и Небо.

В это время Юань Шао, который со своим войском расположился в Гуаньду, доложили, что Гуань Юй убил Вэнь Чоу, а Лю Бэй притворяется, будто не узнает брата.

– Ах, длинноухий злодей! – в гневе вскричал Юань Шао. Вскоре прибыл и сам Лю Бэй. Юань Шао приказал схватить его и обезглавить.

– Ты подослал своего брата убить моего военачальника! – орал Юань Шао.

– Разрешите, я все объясню. Цао Цао меня ненавидит. Он знает, что я вам помогаю, и нарочно послал Гуань Юя, полагая, что вы об этом узнаете и убьете меня.

– Пожалуй, так и есть, – согласился Юань Шао и увел Лю Бэя к себе в шатер.

– Я столь многим обязан вам, – промолвил Лю Бэй, – что не знаю, как отплатить за все ваши милости! Разрешите мне написать письмо Гуань Юю, он придет немедленно и поможет вам разбить врага.

– О, Гуань Юй для меня дороже, чем десять Янь Лянов и десять Вэнь Чоу! – воскликнул Юань Шао.

Лю Бэй написал Гуань Юю письмо, но не знал, с кем его послать.

Юань Шао отвел свои войска в Уян и временно прекратил войну.

Оставив Сяхоу Дуня оборонять Гуаньду, Цао Цао тоже возвратился в Сюйчан. Здесь ему сообщили, что в Жунани вновь начали бесчинствовать главари Желтых повязок Лю Би и Гун Ду и что в бою с ними Цао Хун потерпел поражение.

– Дозвольте мне пойти на жунаньских разбойников! – попросил Гуань Юй. – Я послужу вам верно, как собака и конь.

Цао Цао выделил ему пятьдесят тысяч воинов, а в помощники дал Юй Цзиня и Юэ Цзиня.

Между тем Гуань Юй подошел к Жунани и расположился там лагерем. Ночью ему привели двух лазутчиков. В одном из них Гуань Юй признал Сунь Цяня.

– У кого вы теперь? – спросил он, отослав приближенных. – Я не слышал о вас ни слова с тех пор, как мы потеряли друг друга из виду.

– Я скитался, пока не попал в Жунань, – ответил Сунь Цянь. – Тут мне повезло: Лю Би принял меня. А как вы оказались у Цао Цао? И что с женами Лю Бэя?

Гуань Юй в свою очередь рассказал ему о себе.

– Недавно довелось мне узнать, что Лю Бэй находится у Юань Шао, – сказал Сунь Цянь. – Я постараюсь устроить так, чтобы вы смогли перейти на ту сторону и повидаться с Лю Бэем.

– Это было бы прекрасно. Но вот беда – я убил двух военачальников Юань Шао.

– Тогда давайте сначала поеду я, разузнаю, что там да как, а потом сообщу вам, – предложил Сунь Цянь.

– Хорошо, – сказал Гуань Юй. – Но только до этого мне надо вернуться в Сюйчан и проститься с Цао Цао...

В ту же ночь он тайком отпустил Сунь Цяня. На другой день Гуань Юй повел войска в бой и полностью разгромил мятежников. После этого он возвратился в Сюйчан, где Цао Цао устроил в честь победителя пир...

Между тем Цао Цао узнал от Юй Цзиня, что Лю Бэй находится у Юань Шао, и решил подослать Чжан Ляо к Гуань Юю выведать, что тот собирается теперь предпринять. Чжан Ляо застал Гуань Юя в мрачном расположении духа.

– Вы, кажется, на поле битвы узнали новости о Лю Бэе? Поздравляю вас, – сказал Чжан Ляо.

– С чем меня поздравлять? Брат мой жив, это так, но я его не видел, – ответил Гуань Юй.

– Вы хотите уехать к нему? – осведомился Чжан Ляо.

– Я не нарушу клятвы! Вы уж как-нибудь объясните это первому министру.

По возвращении Чжан Ляо рассказал обо всем Цао Цао. Выслушав его, Цао Цао сказал:

– Я знаю, как его удержать.

Тем временем к Гуань Юю явился незнакомец.

– Кто вы такой? – спросил Гуань Юй.

– Я Чэнь Чжэнь из Наньяна, служу у Юань Шао, – ответил незнакомец.

– Должно быть, вас привело сюда важное дело?

Чэнь Чжэнь вручил Гуань Юю письмо Лю Бэя, где говорилось:

«Некогда в Персиковом саду мы заключили союз и поклялись умереть вместе. Почему же ты сейчас, на полпути, позабыл о долге, погнался за славой и богатством и ради них готов пожертвовать моей головой? В письме всего не выскажешь. Буду уповать на судьбу».

Прочитав письмо, Гуань Юй зарыдал:

– Мог ли я помышлять об измене? Я просто не знал, где искать брата.

– Если то, что вы сказали, правда, немедленно отправляйтесь к Лю Бэю, он возлагает на вас большие надежды.

– Я пришел сюда открыто и уйду тоже открыто, – заявил Гуань Юй. – Сейчас я напишу письмо моему брату, вы передадите его, я скоро приеду к нему сам с обеими его женами. Но прежде я должен попрощаться с Цао Цао.

Чэнь Чжэнь взял письмо и удалился, а Гуань Юй отправился к Цао Цао. Но на воротах висела дощечка с надписью, что первый министр никого не принимает. Пришлось Гуань Юю вернуться ни с чем. Так продолжалось несколько дней. Тогда Гуань Юй пошел к Чжан Ляо, но и тот, сказавшись больным, не принял его.

«Цао Цао пустился на хитрость, чтобы не дать мне уйти, – подумал Гуань Юй. – Но я не останусь!»

Он велел приготовить коляски для жен Лю Бэя и написал Цао Цао прощальное письмо:

«С молодых лет я служу Лю Бэю и поклялся жить и умереть с ним вместе. Эту клятву слышали Небо и Земля.

Вы милостиво приняли условия, поставленные мною в Сяпи. И вот я узнал, что господин мой находится в войсках Юань Шао. Помня о союзе, я не смею изменить ему. Хотя и велики милости ваши, но о своем долге забывать нельзя. Я пишу вам прощальное письмо и смиренно прошу подождать иных дней, когда я смогу отблагодарить вас за милости, еще не оплаченные».

Отправив человека с письмом во дворец Цао Цао, Гуань Юй собрал все золото и серебро, полученное в подарок, разложил в кладовой, повесил свою печать в приемном зале и попросил женщин сесть в коляски. Сам он вскочил на Красного зайца, взял меч Черного дракона и в сопровождении верных людей, пришедших с ним когда-то, направился к северным воротам.

Цао Цао размышлял, как ему поступить с Гуань Юем, когда неожиданно ему подали письмо.

– Гуань Юй уходит! – заволновался он, пробежав письмо глазами.

Прискакал с донесением начальник стражи городских ворот:

– Гуань Юй ушел на север с женами Лю Бэя и двадцатью своими слугами.

Из дома Гуань Юя прибежал человек:

– Гуань Юй оставил все вещи и служанок во внутренних покоях, повесил печать в приемном зале и ушел из города.

– Дайте мне три тысячи закованных в броню всадников, и я доставлю Гуань Юя живым! – воскликнул один из военачальников.

Взоры всех обратились к нему – это был Цай Ян.

Вот уж поистине:

Пещеру большого дракона едва лишь покинул он,
Как встретил свирепое войско, что было страшней, чем дракон.

О том, как Цай Ян собирался преследовать Гуань Юя и что из этого получилось, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава двадцать седьмая

Князь Прекрасной бороды один совершает путешествие за тысячу ли. Гуань Юй у пяти застав убивает шестерых военачальников

Итак, Цай Ян вызвался преследовать Гуань Юя, но Цао Цао про- молвил:

– Гуань Юй остался верным своему господину, и я отпустил его. Но мне хотелось бы его проводить. Догоните его и скажите, пусть подождет, – обратился он к Чжан Ляо.

Увидев Чжан Ляо, Гуань Юй схватился за меч, но Чжан Ляо промолвил:

– Первый министр пожелал проводить вас и просит его подождать. Иных намерений у него нет.

Гуань Юй выехал на мост и увидел Цао Цао, который ехал в сопровождении нескольких десятков всадников.

Приблизившись, Цао Цао обратился к Гуань Юю с такими словами:

– Я хотел проводить вас и дать немного денег на дорогу.

– Очень обязан вам за милости! – ответил Гуань Юй. – Но я не нуждаюсь в деньгах. Отдайте их лучше воинам.

– Тогда примите этот парчовый халат в знак моей благодарности, – сказал Цао Цао. – Вы самый верный долгу человек, таких не найдешь во всей Поднебесной! Жаль, что мне не удалось привлечь вас на свою сторону!

Один из военачальников подал халат. Гуань Юй не спешил, опасаясь подвоха, принял халат на острие меча и облачился в него.

– Благодарю за подарок, господин первый министр. Надеюсь, мы еще встретимся! – Гуань Юй повернул коня и во весь опор помчался в северном направлении.

А Цао Цао вернулся в город, по дороге с грустью размышляя о Гуань Юе.

Близился вечер. Гуань Юй заметил усадьбу и направился туда, чтобы остановиться на ночлег. Его встретил убоженный сединой старик и спросил:

– Кто вы и к какому роду принадлежите?

– Я младший брат Лю Бэя, а зовут меня Гуань Юй, – ответил тот с поклоном.

– Так это вы сразили Янь Ляна и Вэнь Чоу?

– Да, я, – ответил Гуань Юй.

Старик обрадовался и пригласил его в дом.

– В колясках едут еще две женщины, – предупредил его Гуань Юй.

Хозяин позвал жену и дочь, велел им ввести жен Лю Бэя в сад, а потом проводить их во внутренние покои.

Сам же он принялся угощать Гуань Юя.

Старика звали Ху Хуа. Во времена государя Хуань-ди он был доверенным советником, но со временем отказался от должности и уехал в деревню. Сын его Ху Бань служил у правителя Синъянского округа, и старик попросил Гуань Юя, если ему случится проходить это место, передать правителю письмо.

После утренней трапезы путники снова двинулись в дорогу, взяв направление на Лоян. У заставы Дунлин, охраняемой военачальником Кун Сю с полтысячей воинов, Гуань Юя остановили, и Кун Сю после приветствий попросил Гуань Юя предъявить разрешение на проезд в Хэбэй, куда Гуань Юй направлялся.

– Я очень торопился и не успел его получить.

– В таком случае подождите, я пошлю человека к первому министру за указаниями.

– Я не могу так долго ждать.

– А я не могу вас пропустить, я следую закону!

Рассерженный Гуань Юй обнажил меч. Кун Сю ушел на заставу и ударил в барабан, собирая воинов. Те быстро вскочили на коней и помчались вниз с громкими криками:

– Попробуй-ка пройди!

Гуань Юй отвел коляски женщин в сторону, а сам схватился с Кун Сю и первым же ударом его убил. После этого он прошел через заставу и продолжал свой путь к Лояну.

О случившемся стало известно лоянскому правителю округа Хань Фу, и он созвал на совет военачальников.

– Гуань Юй храбр и свиреп, – промолвил Хань Фу. – Силой его не возьмешь. Надо действовать хитростью!

– Давайте преградим путь к заставе «оленьими рогами», – предложил Мынь Тань. – Как только Гуань Юй подойдет, я вступлю с ним в бой и сделаю вид, что потерпел поражение. Он погонится за мной, а вы стрелой из засады его убьете.

Хань Фу с тысячей воинов укрылся в засаде по обеим сторонам дороги и, когда Гуань Юй был совсем близко, крикнул:

– Ты кто такой?

– Я Гуань Юй, хочу пройти по этой дороге.

– А письменное разрешение первого министра Цао Цао у тебя есть?

– Не успел взять.

– Я получил приказ охранять эту землю и вылавливать лазутчиков. Раз у тебя нет казенной бумаги, – значит, ты лазутчик!

– Кун Сю уже нашел свою смерть, и ты хочешь того же! – вскипел Гуань Юй.

– А ну, кто его схватит? – закричал Хань Фу.

Мынь Тань, размахивая мечом, устремился на Гуань Юя, но после третьей схватки обратился в бегство. Гуань Юй погнался за ним на своем быстроногом коне, в мгновение ока его настиг и разрубил пополам. Тут Хань Фу выстрелил из лука и ранил Гуань Юя. Гуань Юй зубами вытащил стрелу из руки и, не обращая внимания на то, что кровь льется ручьем, во весь дух помчался вперед прямо на Хань Фу. Удар меча – и голова Хань Фу покатилась по земле.

Гуань Юй едва держался на ногах от слабости, но приказал двигаться к Ишуйской заставе.

Охранял эту заставу военачальник Бянь Си, и оружием ему служила булава – Летящая комета. Родом он был из Бинчжоу, когда-то служил у Желтых повязок, затем перешел к Цао Цао. Узнав о приближении Гуань Юя, он решил пойти на хитрость и, устроив засаду в храме Хранителя страны, выехал встречать путников.

– Имя ваше гремит по всей Поднебесной! – сказал он Гуань Юю. – Вы возвращаетесь к брату! Это ли не доказывает ваше благородство и преданность!

Они миновали Ишуйскую заставу и подъехали к храму Хранителя страны. Монахи при колокольном звоне вышли им навстречу.

Один из них оказался земляком Гуань Юя, и они оба радовались встрече.

– Прошу господина пожаловать к столу! – промолвил Бянь Си.

Монах, со своей стороны, предложил Гуань Юю зайти в келью и выпить чая.

– Здесь в колясках две женщины, пусть они вначале войдут, – сказал Гуань Юй.

Вдруг он заметил, как монах, который разливает чай, коснулся висевшего на поясе ножа и указал глазами на Бянь Си. Гуань Юй сразу понял, в чем дело, и велел своим людям с оружием следовать за ним. Бянь Си привел его в зал, где было приготовлено угощение.

– С добрым или злым намерением пригласили вы меня сюда? – обратился к нему Гуань Юй.

Бянь Си не успел ответить, как Гуань Юй увидел за ширмами вооруженных людей.

– Как ты посмел? А я считал тебя честным человеком! – воскликнул Гуань Юй.

– Бейте его! – крикнул Бянь Си.

Воины, рискнувшие выполнить это приказание, в следующий миг пали от меча Гуань Юя. Бянь Си бежал в боковую галерею. Гуань Юй отбросил свой короткий меч и побежал вслед за ним. Бянь Си хотел метнуть в него свою булаву, но Гуань Юй ударом длинного меча разрубил ее надвое, настиг Бянь Си и зарубил его.

Расправившись с коварным врагом, Гуань Юй поблагодарил монаха и двинулся в направлении Синъяна. Правитель округа Синъян, по имени Ван Чжи, доводившийся родственником Хань Фу, стал придумывать, как погубить Гуань Юя.

Он послал людей охранять заставу, а сам выехал Гуань Юю навстречу и с улыбкой промолвил:

– Вы, господин, очень торопитесь, и женщины в колясках, должно быть, притомились. Отдохните в городе, на подворье, а завтра поедете дальше.

Когда же Гуань Юй и его люди расположились на подворье, Ван Чжи тайно вызвал своего приближенного Ху Баня и сказал ему так:

– Гуань Юй бежал, изменив первому министру. По дороге он убивал начальников застав; тяжки его преступления, но он храбр, и в единоборстве противостоять ему невозможно. Подготовьте тысячу воинов с факелами и во время третьей стражи подожгите подворье. Я приду туда с войском.

Выслушав приказание, Ху Бань, прежде чем выполнить его, решил взглянуть на Гуань Юя, которого никогда не видел, и заглянул в комнату.

Гуань Юй, опершись правой рукой о низенький столик, левой поглаживал бороду и читал при светильнике.

– Поистине небесный человек! – прошептал Ху Бань.

– Кто там? – окликнул Гуань Юй.

– Чиновник правителя Синъянского округа Ху Бань, – ответил тот, входя и кланяясь.

– Так вы сын Ху Хуа, который живет возле Сюйчана?

– Он самый, – ответил Ху Бань.

Гуань Юй передал ему письмо отца. Прочитав письмо, Ху Бань вздохнул.

– По ошибке я едва не погубил замечательного человека! – тихо произнес он и добавил: – Ван Чжи хочет вас погубить, он велел окружить подворье и во время третьей стражи поджечь его. Я сейчас открою городские ворота, а вы поскорей собирайтесь и уезжайте.

Гуань Юй поспешно собрался, усадил в коляски жен Лю Бэя и двинулся к окраине города. Ворота были открыты. Не успели они пройти и нескольких ли, как вдали замелькали факелы: их преследовал отряд воинов.

Ван Чжи с копьем наперевес бросился на противника, но тут же был разрублен надвое мечом Гуань Юя. Преследователи разбежались, и Гуань Юй двинулся дальше.

По пути ему еще пришлось убить Цинь Ци, охранявшего въезд на переправу через Хуанхэ. Лишь после этого воины Цинь Ци по приказу Гуань Юя подогнали к берегу лодки, чтобы он и его люди могли переправиться на другой берег и вступить в земли Юань Шао.

Так Гуань Юй прошел пять застав и сразил шестерых военачальников!

– Не хотелось мне убивать людей, но пришлось! – вздохнул Гуань Юй. – Цао Цао, наверно, сочтет меня неблагодарным человеком.

– Гуань Юй, остановись! – послышался возглас.

С севера мчался всадник. Гуань Юй узнал в нем Сунь Цяня.

– Что нового с тех пор, как мы расстались в Жунани? – спросил его Гуань Юй.

– Когда вы ушли, Лю Би и Гун Ду снова завладели городом, – ответил Сунь Цянь. – Меня послали в Хэбэй для переговоров с Юань Шао, а он пригласил на совет Лю Бэя, чтобы обсудить, как разбить Цао Цао. Но они не учли, что хэбэйские военачальники враждуют друг с

другом. Тянь Фын – в темнице, Цзюй Шоу – в изгнании, Шэнь Пэй и Го Ту борются за власть. Юань Шао колеблется. Мы посоветовались с Лю Бэем и решили, что он поедет в Жунань к Лю Би, а я встречу вас, чтобы вы не попали к Юань Шао. Спешите в Жунань, там вы увидите с вашим братом.

Гуань Юй повернул в сторону Жунани, но в пути их настигла погоня.

– Стой, Гуань Юй! – во весь голос кричал скакавший впереди войска Сяхоу Дунь.

Вот уж поистине:

Сразил он шесть полководцев – и вот сметена преграда.

Но армию новую встретил, и снова сражаться надо.

О том, как спасся Гуань Юй, вам расскажет следующая глава.

####

Глава двадцать восьмая

Обезглавив Цай Яна, братья разрешают сомнения. Гуань Юй и Чжан Фэй вновь встречаются с Лю Бэем

Итак, Сяхоу Дунь взял копье на изготовку, но тут заметил мчавшегося ему навстречу всадника.

Это был гонец Цао Цао. Он вынул из-за пазухи бумагу и обратился к Сяхоу Дуню:

– Первый министр любит и ценит полководца Гуань Юя за его верность и справедливость и вот велел мне передать ему охранную грамоту с разрешением на свободный проезд.

– А известно первому министру, что Гуань Юй убил нескольких начальников застав? – спросил Сяхоу Дунь.

– Пока еще нет, – ответил гонец.

– Ну, так я не отпущу его, а отправлю к первому министру, пусть он решает, что делать.

И Сяхоу Дунь вступил с Гуань Юем в бой.

Они схватились десять раз, как вдруг примчался еще один гонец. Это был Чжан Ляо.

– Первый министр узнал, что Гуань Юй убил начальников пяти застав, и, опасаясь, как бы его не преследовали в пути, велел передать, что он может ехать, куда пожелает! – сказал Чжан Ляо.

Пришлось Сяхоу Дуню отступить.

А Гуань Юй, простившись с Чжан Ляо, отправился дальше, в Жунань.

Неожиданно впереди на дороге появился какой-то отряд. Возглавлял его чернолицый военачальник богатырского сложения, вооруженный копьем. Звали его Чжоу Цан.

Гуань Юй остановился и приготовился к бою.

– Да это же полководец Гуань Юй! – воскликнул, к его удивлению, чернолицый, спрыгнул с коня и пал ниц.

– Откуда ты меня знаешь? – еще больше удивился Гуань Юй.

– Мне приходилось вас видеть, когда я служил у главаря Желтых повязок Чжан Бао. Потом я ушел от мятежников. Если вы не отвергнете меня, я готов всегда держать вашу плеть и следовать пешком у вашего стремени!

Гуань Юй согласился. Чжоу Цан отпустил своих людей и последовал за ним.

Через несколько дней путники увидели на горе город.

– Как этот городок называется? – спросил Гуань Юй у местных жителей.

– Гучэн, – ответили ему. – Не так давно военачальник по имени Чжан Фэй пришел сюда с отрядом и, прогнав уездного начальника, овладел городом. Сейчас он покупает коней, запасается провиантом и набирает воинов. У него уже около пяти тысяч человек, и никто вокруг не смеет ему противиться.

– Кто мог подумать, что мой брат здесь! Ведь я о нем ничего не слышал с тех пор, как он потерял Сюйчжоу! – радостно воскликнул Гуань Юй.

Сунь Цяню было приказано поспешить в город и известить Чжан Фэя об их прибытии. Чжан Фэй, не проронив ни слова, облачился в доспехи и во главе тысячного отряда выехал из города. Сунь Цянь был изумлен, но расспрашивать не решился. Завидев приближавшегося Чжан Фэя, Гуань Юй передал свой меч одному из воинов, а сам двинулся навстречу брату. Но у Чжан Фэя глаза засверкали гневом, усы стали торчком, как у тигра, и он в гневе вскричал:

– Как ты посмел явиться ко мне? Ты замарал свою честь! Покорился Цао Цао и изменил старшему брату! А теперь и меня хочешь предать?! Вон, я вижу, приближается твое войско!

Гуань Юй обернулся и действительно увидел, что среди облака пыли к ним приближается отряд пеших и конных воинов с развевающимися на ветру знаменами. Это была армия Цао Цао.

– Ты и теперь посмеешь меня обманывать! – закричал Чжан Фэй и снова вскинул копье.

– Стой! – крикнул Гуань Юй. – Сейчас я убью их военачальника и тем докажу тебе мою преданность!

– Ладно! Я поверю тебе, если ты его убьешь прежде, чем я успею тысячу раз ударить в барабан!

Отряд войск Цао Цао вел Цай Ян, который мчался на коне и кричал:

– Ты убил моего племянника Цинь Ци и бежал! Первый министр велел схватить тебя!

Гуань Юй ничего не ответил, поднял меч и устремился вперед. Чжан Фэй ударил в барабан. И не успели еще отзвучать первые удары, как голова Цай Яна слетела с плеч, а воины его обратились в бегство.

Чжан Фэй наконец поверил в искренность Гуань Юя, и на радостях братья устроили пир. А на другой день Гуань Юй и Сунь Цянь собрались ехать в Жунань. Чжан Фэй непременно хотел поехать вместе с ними. С трудом удалось Гуань Юю убедить его остаться в Гучэне и охранять жен Лю Бэя.

Гуань Юй и Сунь Цянь отправились в путь. Они добрались до Жунани, но Лю Бэя там не застали – он уехал к Юань Шао в Хэбэй.

Потолковав между собой, они решили, что Сунь Цянь один поедет к Лю Бэю, а Гуань Юй пока останется здесь. Сунь Цянь уехал, а Гуань Юй остановился на ночлег в деревенской усадьбе, где хозяином был старик, прозывавшийся Гуань Дин.

Сунь Цянь между тем разыскал Лю Бэя и рассказал ему, зачем приехал.

Лю Бэй призвал Цзянь Юна, и втроем они стали советоваться о том, как устроить Лю Бэю побег.

– Скажите Юань Шао, – промолвил Цзянь Юн, – что вам нужно поехать к Лю Бэю обсудить совместное нападение на Цао Цао.

– Прекрасно! – воскликнул Лю Бэй. – Но как выберетесь отсюда вы сами?

– Об этом я уже подумал.

На другой день Лю Бэй предстал перед Юань Шао и сказал:

– Лю Бэю владеет девятью областями Цзинчжоу и Сяньяна, войско у него отборное, провианта много. Хорошо бы уговорить его вместе с нами напасть на Цао Цао.

– Он об этом и слышать не хочет, я уже посылал к нему гонца, – ответил Юань Шао.

– Я с Лю Бэем договорюсь! – заверил Лю Бэй. – Мы с ним из одного рода!

Получив разрешение на отъезд, Лю Бэй удалился, и вошел Цзянь Юн.

– Вряд ли Лю Бэй вернется! – сказал он. – Мне надо бы поехать с ним вместе; во-первых, я сам переговорю с Лю Бэем, а во-вторых, буду следить за Лю Бэем.

– Хорошо, поезжайте, – согласился Юань Шао, и Цзянь Юн отправился в путь.

Тем временем Лю Бэй послал Сунь Циня предупредить Гуань Юя и следом за ним выехал сам вместе с Цзянь Юном. Они встретились в условленном месте и отправились в усадьбу Гуань Дина. Гуань Юй встретил их за воротами. У входа в дом гостей приветствовали старик хозяин и оба его сына, Гуань Нин и Гуань Пин.

Старик представил Лю Бэю своих сыновей. Лю Бэй поинтересовался, чем они занимаются. Гуань Дин сказал, что Гуань Нин увлекается науками, а Гуань Пин питает склонность к военному искусству, и выразил пожелание отдать младшего сына в услужение Гуань Юю.

– У моего брата пока нет детей, – сказал Лю Бэй, – так пусть Гуань Пин будет ему приемным сыном.

Старик этому обрадовался и велел Гуань Пину поклониться Гуань Юю как отцу.

Опасаясь преследования, Лю Бэй торопился в дорогу.

Достигнув Гучэна, братья зарезали быка и лошадь, принесли жертвы Земле и Небу, наградили всех воинов и несколько дней пировали. Потом Лю Бэй решил покинуть Гучэн и занять оборону в Жунани.

О том, как братья там жили, как набирали воинов и какие строили планы, речь пойдет ниже. А сейчас вернемся к Юань Шао.

Он несколько раз порывался поднять войско и идти на беглеца Лю Бэя войной, но его отговаривал Го Ту.

– Лю Бэя бояться нечего, – убеждал он. – Самый сильный наш враг – Цао Цао, с ним надо покончить! А для этого необходимо заключить союз с цзяндунским Сунь Цэ, который держит в руках земли шести округов, расположенные по трем рекам. У него огромное войско и много советников.

Юань Шао послушался его и послал Чэнь Чжэня с письмом к Сунь Цэ.

Вот уж поистине правильно сказано:

Едва ушел из Хэбэя один могучий герой,
На место его из Цзяндуна уже появился другой.

О том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей главы.

#####

Глава двадцать девятая **«Маленький тиран» казнит Юй Цзи.** **«Голубоглазый отрок» воцаряется в Цзяндуне**

Рассказывают, что, завладев Цзяндуном, Сунь Цэ стал еще могущественнее. Сам Цао Цао его боялся и решил породниться с ним, выдав дочь брата своего, Цао Жэня, за брата Сунь Цэ. Но Сунь Цэ требовал, чтобы ему пожаловали звание главнокомандующего, а в случае отказа грозился напасть на Сюйчан.

И вот однажды к Сунь Цэ прибыл Чэнь Чжэнь, посол Юань Шао, который предлагал союз против Цао Цао с Восточным У.

Сунь Цэ возликовал и в тот же день на городской башне устроил пир в честь Чэнь Чжэня.

Во время пира он вдруг заметил, что его военачальники, пошептавшись о чем-то, один за другим спускаются вниз. Оказалось, что мимо башни проходил в это время бессмертный Юй Цзи, и они пошли поклониться ему.

Узнав об этом, Сунь Цэ посмотрел вниз и увидел даоса в накидке из перьев аиста. Он стоял на дороге, опершись на посох, а люди, воскуривая благовония, кланялись ему, падая ниц на дорогу.

– Что за волшебник такой? – в гневе вскричал Сунь Цэ. – Ведите его ко мне!

– Монах Юй Цзи раздает наговорную воду и исцеляет людей от болезней, – стали тут приближенные объяснять Сунь Цэ. – В мире его зовут «Бессмертным духом». Не надо его обижать!

Но Сунь Цэ слышать ничего не хотел и, когда привели даоса, завопил:

– Безумный! Кто дал тебе право смущать сердца людей?

– Я бедный даос – служитель дворца в Ланье, – отвечал Юй Цзи. – Еще во времена императора Шуня я удалился в горы собирать целебные травы и там, у Цюйянского источника, нашел священную книгу «Путь к великому спокойствию и вечной молодости». В книге более ста свитков, и все они учат искусству врачевания. Я постиг эту книгу и теперь спасаю людей от недугов. Это единственное мое занятие. За это я ничего не беру. И уж тем более никого не подстрекаю на дурные дела.

– Ничего не берешь? – заорал Сунь Цэ. – А откуда у тебя одежда и пища? Наверняка ты приспешник Чжан Цзяо. Если тебя не убить, будет беда!

– Не убивайте его! – предостерег Чжан Чжао. – Юй Цзи не один десяток лет прожил в Цзяндуне и никогда ничего дурного не совершал.

За Юй Цзи вступился даже Чэнь Чжэнь, но и это не помогло. Сунь Цэ приказал бросить праведника в темницу. Гости разошлись. А Сунь Цэ вернулся во дворец.

Как ни уговаривали приближенные Сунь Цэ пощадить даоса, он был неумолим.

– Что пользы в этих учениях? – твердил Сунь Цэ. – Они только смущают народ. Я твердо намерен предать Юй Цзи казни.

– Даос Юй Цзи умеет вызывать ветер и дождь, – заметил Юй Фэнь. – А у нас сейчас засуха. Велите ему вызвать дождь, дабы он искупил этим свою вину.

– Что ж, посмотрим, какой он чародей, – отвечал Сунь Цэ.

С Юй Цзи сняли оковы, приказали ему подняться на помост и вызвать дождь. Юй Цзи совершил омовение, сменил одежду, обвязался веревкой и лег на солнцепеке. Толпы людей загрохотали улицы.

– Я буду молиться о трех чи благотворного дождя, чтобы спасти народ, – сказал он, – но смерти все равно не избежну.

К помосту подошел Сунь Цэ.

– Помни, – сказал он даосу, – если к полудню дождя не будет, я тебя сожгу.

По его приказанию люди начали собирать хворост.

Около полудня поднялся сильный ветер, небо нахмурилось, стали собираться черные тучи.

– Вот так волшебник! – издевался Сунь Цэ. – Время подходит, а дождя все нет!

Он велел положить Юй Цзи на кучу хвороста и поджечь ее с четырех сторон. Ветер раздувал пламя, столб черного дыма поднимался к небу. И вдруг грянул гром, засверкали молнии, хлынул дождь. В одно мгновение улицы превратились в реки, горные потоки вздулись. Поистине три чи живительного дождя!

Юй Цзи, возлежав на куче хвороста, восклицал:

– О тучи, остановите дождь! Солнце, засияй снова!

Люди помогли Юй Цзи подняться, освободили от пут и благодарили, почтительно кланяясь. Но Сунь Цэ взревел:

– Никакого чуда здесь нет! Солнце и дождь – подвластны Небу, волшебник этим пользовался!

И Сунь Цэ велел палачу немедленно обезглавить даоса. Один взмах меча, и голова праведника скатилась на землю. Клубы густого дыма вырвались из нее и унеслись к северо-востоку. Сунь Цэ велел убрать тело даоса, а в указе перечислить его преступления.

Всю ночь бушевал ветер, лил дождь, а наутро не нашли ни головы, ни тела Юй Цзи. Об этом доложили Сунь Цэ. В ярости он хотел расправиться со стражей, но вдруг увидел медленно входившего в зал Юй Цзи.

Сунь Цэ схватился за меч, но тут же упал без памяти. Когда же сознание, вернулось к нему, навестить его пришла мать, госпожа У.

– Сын мой, – промолвила она, – ты поступил несправедливо! Убив праведника, ты накликнул на себя беду!

Ночью, когда Сунь Цэ лежал у себя в покоях, пронесся порыв холодного ветра. Светильники погасли, затем вспыхнули снова. При их слабом свете Сунь Цэ увидел Юй Цзи, стоявшего возле ложа.

Сунь Цэ метнул в него свой меч, но призрак исчез.

Узнав об этом, госпожа У еще больше встревожилась и распорядилась устроить жертвоприношения в храме Нефритовой чистоты ⁵⁰.

– Пойди помолись, – сказала она Сунь Цэ, – может быть, воцарится спокойствие!

Сунь Цэ послушаться не посмел и в паланкине отправился в храм. Даосы встретили его и проводили внутрь. По их просьбе Сунь Цэ воскурил благовония, но возносить моления не стал. К его удивлению, дым, подымавшийся из курильницы, превратился в цветистый зонт, а на верхушке зонта сидел Юй Цзи. Сунь Цэ бросился вон из храма, но снова увидел волшебника: он стоял у ворот.

– Этот храм – прибежище чародеев! Разрушить его!

Воины принялись снимать черепицу, и Сунь Цэ снова увидел Юй Цзи – он тоже сбрасывал черепицу с крыши.

Тогда Сунь Цэ велел разогнать даосов, храм сжечь, но в языках пламени ему снова почудился Юй Цзи. В страшном гневе Сунь Цэ помчался во дворец и у ворот снова увидел праведника.

С тремя отрядами воинов Сунь Цэ выехал из города и разбил лагерь. Там он собрал военачальников и держал с ними совет, как оказать помощь Юань Шао в войне против Цао Цао.

⁵⁰ По даосским верованиям, существует три высших мира, называемых «Три чистоты»: мир нефритовой чистоты, мир верхней чистоты и мир великой чистоты.

Ночью ему все время чудился Юй Цзи с распущенными волосами. Сунь Цэ кричал и метался в шатре.

Утром он глянул в зеркало, но вместо себя увидел Юй Цзи.

Испустив пронзительный вопль, Сунь Цэ ударил рукой по зеркалу. Сознание его помутилось, раны раскрылись, и он упал. А когда пришел в себя, про- молвил:

– Не жить мне больше!

Он призвал к себе Чжан Чжао, брата своего Сунь Цюаня и других приближенных и обратился к ним с такими словами:

– В Поднебесной царит смута. Укрепившись в Саныцзяне, с помощью людей из земель У и Юэ многого можно добиться. Вы, Чжан Чжао, да и остальные должны всеми силами помогать моему брату! – Сказав это, он вручил Сунь Цюаню печать с поясом.

– Помни, с каким трудом твоему отцу и брату досталось то, чем мы владеем ныне.

Сунь Цюань со слезами на глазах принял печать и поклонился. Сунь Цэ умер. Было ему от роду двадцать шесть лет.

Мы не будем говорить о том, как хоронили Сунь Цэ, а расскажем об его преемнике, младшем брате Сунь Цюане.

Он был голубоглазый, рыжебородый, с крупным ртом и квадратным подбородком. Некогда ханьский посол Лю Вань, посетивший княжество У, так отозвался о братьях Сунь:

– Все они талантливы и умны, но невезучи, смерть постигает их в раннем возрасте. Одному лишь Сунь Цюаню предначертано долголетие.

И вот, когда Сунь Цюань вступил во владение Цзяндуном, на Бацю с войсками прибыл Чжоу Юй. Он оплакал умершего друга и сказал Сунь Цюаню:

– Я готов на все, чтобы отблагодарить покойного благодетеля моего за оказанные мне милости.

– Тогда дайте совет, как наилучшим образом продолжить деяния отца и брата.

– Еще в древности говорили: процветает тот, за кем идут люди, и тот гибнет, кто их теряет! Разыщите мудрых советников, и Цзяндун будет в безопасности!

– Покойный брат завещал мне во внутренних делах полагаться на Чжан Чжао, а во внешних – на вас.

– Чжан Чжао достоин этого, мне же с моими ничтожными способностями, пожалуй, не справиться с такой трудной задачей! Но могу порекомендовать вам одного человека...

– Кого именно?

– Лу Су из Линьхуэя, – отвечал Чжоу Юй. – Голова у него полна военных хитростей и хитроумных планов. Он богат, великодушен, щедр, помогает бедным. Больше всего он любит биться на мечах, ездить верхом и стрелять из лука. Надо не мешкая его пригласить.

Получив согласие Сунь Цюаня, Чжоу Юй тотчас же отправился к Лу Су и изложил ему планы Сунь Цюаня.

Лу Су вначале заколебался, но потом поехал следом за Чжоу Юем.

Сунь Цюань принял его с почестями, и они весь день толковали о делах.

Однажды Сунь Цюань сказал Лу Су:

– Ханьский дом клонится к упадку, в стране царит смута, и я, наследуя великое дело отца и старшего брата, хочу поступить так же, как в свое время поступили Хуань-гун и Вэнь-гун⁵¹. Что вы на это скажете?

– В старину ханьский Гао-цзу хотел служить государю И-ди, но ему помешал Сян Юй⁵², – заметил Лу Су. – Ныне же с Сян Юем можно сравнить Цао Цао. Ханьский дом не спасти.

⁵¹ Хуань-гун, правитель древнего царства Ци в 685–648 гг. до н. э., мечтал с помощью мудрого советника, философа Гуань-цзы, стать во главе всех удельных князей. В 636 г. после его смерти власть захватил Вэнь-гун, правитель царства Цзинь, который и стал гегемоном всего Китая.

⁵² Военачальник Сян Юй (III в. до н. э.) боролся против власти династии Цинь, после разгрома циньской столицы пожа-

Цао Цао сразу не уничтожить. Самое разумное, что вы можете сделать, это удержать Цзяндун и наблюдать за тем, как распадается Поднебесная... Воспользуйтесь беспорядками на севере и уничтожьте Хуан Цзу, потом идите войной на Лю Бяо. Вы завладеете великой рекой Янцзы и тогда сможете назвать себя государем или ваном, как вам угодно, и подумать о Поднебесной. Точно так поступил Гао-цзу.

Сунь Цюань остался доволен ответом.

Между тем Цао Цао, узнав о смерти Сунь Цэ, решил было двинуть войска на Цзяннань, но, опасаясь поражения, почел за лучшее поддерживать с Сунь Цюанем мир и даже подал доклад государю о назначении Сунь Цюаня на должность правителя округа Гуйцзи.

Слава о Сунь Цюане распространилась по всему Цзяндуну. Народ его полюбил.

Тем временем Чэнь Чжэнь, возвратившись в Хэбэй, сообщил Юань Шао о смерти Сунь Цэ и о союзе Сунь Цюаня с Цао Цао. В великом гневе Юань Шао поднял войска численностью более семисот тысяч и двинулся на Сюйчан.

Поистине:

Едва лишь в Цзяннани затих грохот военной грозы,
Как тысячи копий уже поднялись на севере Цзи.

О том, кто победил и кто потерпел поражение, вы узнаете из следующей главы.

####

ловал своему князю – чускому Хуай-вану – титул И-ди (Верного государя, или, по другой версии, Временного государя). Первоначально предполагалось, что и Лю Бан (ставший впоследствии основателем династии Хань, известным в истории под именем Гао-цзу) будет служить И-ди, но Сян Юй, желавший самолично править Поднебесной, приказал тайно убить И-ди.

Глава тридцатая

Юань Шао терпит поражение у Гуаньду. Цао Цао сжигает житницы в Учао

Как только Юань Шао подступил к переправе Гуаньду, Цао Цао двинул в поход семидесятитысячное войско и пошел в наступление.

Юань Шао в золотом шлеме и латах, верхом на коне выехал перед строем. Справа и слева рядами расположились военачальники.

Раздвинулись знамена над рядами воинов Цао Цао, и сам он выехал вперед, окруженный приближенными.

После словесной перепалки Цао Цао приказал Чжан Ляо вступить в поединок с Чжан Хэ. До пятидесяти раз сходились воины, но ни один из них не добился победы. Тогда вступили в единоборство Сюй Чу и Гао Лэнь. Четыре воина, двое на двое, бились в жестокой схватке. Цао Цао приказал Сяхоу Дуню и Цао Хуну начать большой бой.

В этот момент Шэнь Пэй дал сигнал хлопучками. С двух сторон одновременно открыли стрельбу лучники. Воины Цао Цао дрогнули и отступили. Юань Шао бросил войска в завершающий бой и разбил наголову армию Цао Цао, преследуя его до самого Гуаньду. Там Юань Шао раскинул несколько лагерей, и по совету Шэнь Пэя его воины стали насыпать земляные холмы, чтобы с высоты следить за тем, что делается в лагере врага, и метать туда стрелы. За десять дней было насыпано более пятидесяти холмов. На них соорудили высокие дозорные башни, где укрылись лучники. Оттуда непрерывно летели стрелы. Воины Цао Цао вынуждены были все время прикрываться щитами, а стрелки Юань Шао покатывались со смеху. Цао Цао вновь созвал советников.

– Надо изготовить камнеметы, – предложил Лю Е.

Очень быстро машины соорудили и привели их в действие совершенно неожиданно для врага, когда все лучники находились в башнях. В воздух полетели камни, причиняя огромные разрушения. Стрельба с башен прекратилась.

Тогда Шэнь Пэй предложил прокопать подземный ход в лагерь врага. Это стало известно Цао Цао, и он снова обратился за советом к Лю Е.

– Надо вырыть вокруг лагеря ров, – сказал Лю Е.

Ров был выкопан в ту же ночь. И когда воины Юань Шао стали рыть подземный ход, они наткнулись на края рва и увидели, что напрасно потратили силы.

Цао Цао приказал усилить оборону.

Разведка донесла Цао Цао, что тысячи повозок с провиантом, охраняемых Хань Мыном, направляются к лагерю Юань Шао. По приказу Цао Цао Сюй Хуан и Ши Хуань ночью в горах преградили им путь. Хань Мын вступил в бой с Сюй Хуаном, а тем временем Ши Хуань перебил людей и поджег обоз. Хань Мын бежал.

Когда о случившемся стало известно в лагере Юань Шао, Шэнь Пэй сказал:

– В походе для войска самое важное – провиант. Его надо тщательно охранять. Следовало бы усилить охрану складов на озере Учао.

– Вы правы, – ответил Юань Шао. – Отправляйтесь наблюдать за снабжением и постарайтесь, чтобы мы ни в чем не терпели недостатка.

Между тем в войске Цао Цао весь провиант вышел. Но тут случилось счастливое для него событие. На его сторону перешел Сюй Ю, советник Юань Шао, человек умный и дельный.

Увидев его, Цао Цао очень обрадовался и сказал:

– Ну, теперь все в порядке, раз вы пришли! Посоветуйте, как мне разбить Юань Шао.

– С малым войском сопротивляться превосходящему по числу врагу, да еще длительное время – значит обречь себя на гибель. Но у меня есть план, как заставить огромную армию Юань Шао за три дня развалиться без боя. У Юань Шао весь провиант хранится на озере Учао. Охраняет его Шуньюй Цюн, пьяница и бездельник. Отберите лучших воинов, пусть они выдадут себя за людей Цзян Ци, одного из военачальников Юань Шао, и скажут, что посланы охранять провиант, а потом, выбрав подходящий момент, сожгут житницы... После этого не пройдет и двух дней, как войска Юань Шао взбунтуются!

Поблагодарив Сюй Ю, Цао Цао оставил его в своем лагере и на следующий день сам отобрал пять тысяч конных и пеших воинов.

Для отряда, отправляющегося к озеру Учао, были изготовлены знамена, такие же, как в войсках Юань Шао. У каждого воина за спиной было по связке сена и хвороста. С наступлением сумерек отряд, возглавляемый самим Цао Цао, тронулся в путь.

Наступила ночь. У одного из лагерей Юань Шао отряд заметили и окликнули.

– Цзян Ци идет к озеру Учао охранять житницы! – ответили они.

К исходу четвертой стражи отряд подошел к Учао. Цао Цао приказал обложить житницы связками сена и хвороста, поджечь их со всех сторон и под бой барабанов ворваться в укрепление.

Шуньюй Цюн после попойки мертвым сном спал в шатре. Его разбудил гром барабанов. Не успел он опомниться, как крючьями был выгашен из шатра. Все житницы сгорели.

Шуньюй Цюна доставили к Цао Цао. Он приказал отрезать ему уши, нос и пальцы на руках, посадить на коня и с позором гнать в лагерь Юань Шао.

Когда Юань Шао доложили, что на севере пылает зарево пожара, он все понял и спешно созвал советников.

– Мы с Гао Лэнем пойдем спасать Учао! – предложил Чжан Хэ.

– Не надо, – возразил Го Ту. – Отряд, уничтоживший наш провиант, наверняка возглавил сам Цао Цао, и сейчас в лагере у него никого нет. Нападайте на лагерь. Цао Цао поспешит вернуться, и все будет так, как некогда было у Сунь Виня, который окружил Вэй, чтобы спасти царство Чжао ⁵³.

Юань Шао послушался Го Ту и решил послать Чжан Хэ и Гао Ляо с пятитысячным отрядом захватить лагерь в Гуаньду, а Цзян Ци с десятью тысячами воинов отправил спасать житницы.

Тем временем Цао Цао, перебив и рассеяв воинов Шуньюй Цюна, отобрал у них одежду, оружие и знамена. Переодев своих людей, он создал видимость, будто разбитый отряд Шуньюй Цюна возвращается в лагерь Юань Шао. На глухой дороге переодетые воины столкнулись с отрядом Цзян Ци. Тот ничего не заподозрил и поскакал дальше. Неожиданно на него напали Сюй Чу и Чжан Ляо. Цзян Ци не успел опомниться, как его сбили с коня. Воины его все до единого были уничтожены, а к Юань Шао был послан гонец с вестью, что Цзян Ци якобы разбил врага на озере Учао. Юань Шао отменил приказ о посылке туда подкрепления и отправил войска лишь в Гуаньду.

В лагере Юань Шао началась смута. Узнав, что Шуньюй Цюн был пьян, когда враг напал на Учао, Юань Шао в гневе казнил его. Го Ту, опасаясь, что Чжан Хэ и Гао Лэнь расскажут все, как было, стал клеветать на них, будто бы они замыслили перейти к Цао Цао, а сам отправил к ним гонца с вестью, что Юань Шао намерен их казнить.

⁵³ Сунь Бинь окружил Вэй, чтобы спасти Чжао. Когда однажды войска древнего царства Вэй напали на царство Чжао и осадили его столицу, вэйский правитель запросил помощи у царства Ци. Циский правитель послал войско во главе со знаменитым стратегом Сунь Бинем (см. коммент. к гл. 100). Вместо того чтобы идти в Чжао, Сунь Бинь, правильно рассчитав, что основные воинские силы заняты на осаде чжаоской столицы, двинул войска на вэйские земли. Вэйцам пришлось снять осаду с Чжао и вернуть войска. Тем самым осада была снята. Воспользовавшись ситуацией, Сунь Бинь легко разгромил вэйскую армию.

Гао Лэнь зарубил гонца и сказал Чжан Хэ:

– Юань Шао поверил, что мы покорились Цао Цао. Чего же нам ждать смерти? Лучше и в самом деле покориться.

– Я давно об этом думаю, – откликнулся Чжан Хэ.

И они со своими отрядами отправились в лагерь Цао Цао.

Цао Цао милостиво с ними обошелся, пожаловал им чины и титулы.

А Юань Шао, оставшись без провианта и оттолкнув от себя Сюй Ю, Чжан Хэ и Гао Лэня, совсем пал духом.

Сюй Ю посоветовал Цао Цао предпринять стремительное нападение на лагерь врага; Чжан Хэ и Гао Лэнь вызвались вести войска.

Ночью они вступили в бой, который длился до самого рассвета. Армия Юань Шао была разгромлена и обратилась в бегство.

Вслед за тем Цао Цао отдал приказ о нападении на Цзичжоу.

Поистине:

Один был хитер и врагов сразил небольшою силой,
Другой был силен, но глуп, и глупость его погубила.

Кто, в конце концов, оказался победителем, вы узнаете из следующей главы.

####

Глава тридцать первая

Цао Цао разбивает Юань Шао в Цантине. Лю Бэй находит убежище у Лю Бяо в Цзинчжоу

Итак, Цао Цао разгромил Юань Шао, и тот с остатками войска бежал, преследуемый врагом, в Лиян, к северу от реки Янцзы. Воины Юань Шао, узнав, что он жив, стали потихоньку к нему собираться, как муравьи. А еще пришли вести, что на помощь ему идут его сыновья: из Ючжоу с большим войском – Юань Си, из Цинчжоу – Юань Тань, а из Бинчжоу во главе пятидесяти тысяч воинов – племянник его – Гао Цянь. Юань Шао обрадовался и снова стал готовиться к войне с Цао Цао.

Цао Цао тем временем со своим войском расположился вдоль берега реки Хуанхэ. Когда ему донесли, что Юань Шао собрал из четырех округов войска численностью до трехсот тысяч и стал лагерем возле Цантина, Цао Цао двинулся туда и тоже расположился лагерем. Обе армии заняли боевые порядки.

После словесной перепалки между Цао Цао и Юань Шао первыми вступили в схватку Юань Шан, третий сын Юань Шао, а со стороны Цао Цао – военачальник Ши Хуань. После третьей схватки Юань Шан повернул коня и обратился в бегство. Ши Хуань помчался за ним. Но Юань Шан выстрелил из лука и попал противнику в глаз. Тот замертво упал с коня.

Юань Шао плетью подал знак, и войско его ринулось в битву. Но победы одержать не удалось, и обе стороны гонгами созвали воинов и вернулись в свои лагеря.

Цао Цао держал совет, как разбить Юань Шао. Советник Чэн Юй предложил ему отвести войско на берег Хуанхэ, укрыть там десять отрядов и заманить Юань Шао к берегу.

– Нашим воинам некуда будет отступать, и, сражаясь насмерть, они одолеют врага, – заключил он.

План этот получил название «десяти засад». Цао Цао принял его и на следующую ночь приказал Сюй Чу с отрядом подойти вплотную к вражескому лагерю, якобы с целью нападения. Когда же воины Юань Шао все разом поднялись на ноги, Сюй Чу вынужден был отступить и, преследуемый, бежал до самого рассвета, пока не очутился на берегу Хуанхэ.

Тут Цао Цао крикнул:

– Пути к отступлению нет. Сражайтесь насмерть!

И воины Сюй Чу с яростью обрушились на врага. Сам Сюй Чу скакал на коне впереди всех и разил мечом направо и налево. Войска Юань Шао стали в смятении отступать и укрылись у себя в лагере.

Но только было принялись они за еду, как на лагерь напали Чжан Ляо и Чжан Хэ. Юань Шао вскочил на коня и поскакал к Цантину. Люди и кони падали от усталости, их настигала многочисленная армия Цао Цао.

С огромным трудом вырвались они из окружения. Почти все воины погибли или разбрелись в пути. Обняв своих сыновей, Юань Шао горько заплакал и сказал:

– Никогда не думал я, что дойду до столь жалкого состояния! Это Небо карает меня! Сыновья мои, возвращайтесь по своим округам и поклянитесь мне до конца бороться со злодеем Цао Цао!

Он приказал Синь Пину и Го Ту с быстротою пламени мчаться вместе с Юань Танем в Цинчжоу, опасаясь, как бы Цао Цао не вторгся в его владения, второму сыну – Юань Си – велел возвратиться в Ючжоу, а сам вместе с Юань Шаном ушел в Цзичжоу.

Одержав победу у Цантина, Цао Цао решил пока не предпринимать нападения на Цзичжоу, а возвратиться в Сюйчан, на который, как ему донесли, намеревался напасть Лю Бэй с помощью сдавшихся ему разбойников Лю Би и Гун Ду.

Встреча Цао Цао с Лю Бэем произошла вблизи Жаншаня. Лю Бэй разбил лагерь, расположив свои войска треугольником: Гуань Юй – на юго-востоке, Чжан Фэй – на юго-западе, сам он вместе с Чжао Юнем – на юге.

Цао Цао привел свою армию в боевой порядок и вызвал Лю Бэя на переговоры. Они всячески поносили друг друга, после чего со стороны Цао Цао вперед выехал на коне Сюй Чу, а со стороны Лю Бэя Чжао Юнь. Однако в схватке ни один не одержал победы. Но тут с юго-восточной стороны с криками бросились в бой воины Гуань Юя, а с юго-запада – Чжан Фэя. Воины Цао Цао, утомленные долгим походом, устоять не могли и обратились в бегство. Лю Бэй, одержав победу, возвратился в свой лагерь.

На другой день Лю Бэй послал Чжао Юня вызвать врага на бой, но воины Цао Цао не показывались. Лю Бэй встревожился, а тут еще пришло известие, что Гун Ду, который вез провиант, окружен войсками Цао Цао. Пришлось Чжан Фэю отправиться ему на выручку. Следом донесли, что Сяхоу Дунь со своим отрядом пробрался в тыл и двинулся на Жунань.

– Мы окружены! – вскричал Лю Бэй.

Он немедленно отправил Гуань Юя в Жунань. Но вскоре оттуда прибыл гонец с вестью, что Сяхоу Дунь захватил город. Лю Бэй бежал, а Гуань Юй и Чжан Фэй попали в окружение.

– О Небо! – горестно вскричал Лю Бэй. – За что ты посылаешь мне такие страдания? Уж лучше смерть!

Он хотел заколоть себя мечом, но Лю Би его удержал.

После поражения у Лю Бэя не осталось и тысячи воинов. Покинув лагерь, они с боями прошли через горы и вскоре подошли к реке Ханьцзян. Здесь они остановились, и Лю Бэй за трапезой обратился к военачальникам с такими словами:

– Таланты ваши велики, а вы следуете за безвестным Лю Бэем! Злая у меня судьба. Даже нет пристанища. Покиньте меня!

– Вы не правы, – промолвил Гуань Юй.

– Отчаиваться незачем, – сказал Сунь Цянь. – Отсюда недалеко до Цзинчжоу. У правителя его, Лю Бяо, много войска и провианта, к тому же он, как и вы, потомок Ханьского дома. Почему бы вам не отправиться к нему? Я уговорю его принять вас...

– Боюсь, что он не примет, – усомнился Лю Бэй, но согласился с предложением и послал Сунь Цяня в Цзинчжоу.

Когда после приветственных церемоний Сунь Цянь изложил Лю Бяо цель своего приезда, тот, польщенный, ответил:

– Лю Бэй – мой младший брат. Я давно мечтаю встретиться с ним.

И Лю Бяо велел Сунь Цяню отправиться за Лю Бэем.

Тем временем весть о том, что Лю Бэй подался к Лю Бяо, дошла до Цао Цао, и он решил немедленно напасть на Цзинчжоу, но Чэн Юй его отговорил.

Однако весной, в первый месяц восьмого года правления под девизом Установление спокойствия ⁵⁴, Цао Цао двинул огромную армию и, прибыв в Гуаньду, расположился лагерем.

Узнав об этом, Юань Шао послал гонцов за Юань Танем в Цинчжоу, за Юань Си в Ючжоу и за племянником Гао Цянем в Бинчжоу, с тем чтобы напасть на Цао Цао с четырех сторон.

Вот уж поистине:

Едва лишь барабанный бой в Жунани возвестил поход,
Как сразу под литавров гром в Цзибэе выступил народ.

Кто победил на этот раз, вы узнаете из следующей главы.

####

⁵⁴ То есть в 203 г. н. э.

Глава тридцать вторая

Юань Шан с боем захватывает Цзичжоу.

Сюй Ю предлагает запрудить реку Чжанхэ

Итак, Юань Шан, не ожидая подхода Юань Таня и других, во главе нескольких десятков тысяч воинов двинулся к Лияну навстречу наступающей армии Цао Цао.

В первом же бою Юань Шан вступил в единоборство с Чжан Ляо, но, не выдержав и трех схваток, отошел с войском в Цзичжоу. Когда весть об этом дошла до Юань Шао, он был так потрясен, что у него открылась старая болезнь, и он вскоре скончался.

Согласно завещанию преемником его был назначен младший сын Юань Шан. Юань Шан назначил своего старшего брата Юань Таня командующим конницей и колесницами и велел ему выступить против войска Цао Цао, которое подошло к самым границам их владений.

Юань Тань без промедления отправился в поход и вблизи Лияна столкнулся с армией Цао Цао. Ван Чжао, один из военачальников, погиб в первом же поединке с врагом. Тогда Юань Тань укрылся в Лияне и отправил к брату гонца просить помощи.

Юань Шан тотчас же двинулся к Лияну и расположился со своим войском за его стенами, а Юань Тань остался в городе. На другой день к ним присоединились Юань Си и Гао Цянь.

Они много раз вступали в бой с Цао Цао, но победа неизменно оставалась на стороне последнего.

В начале второго месяца восьмого года Установления спокойствия, после очередного крупного поражения, объединенные силы Юань Таня, Юань Си и Гао Цяня бежали из Лияна. Цао Цао преследовал их до самых стен Цзичжоу. Юань Тань и Юань Шан заперлись в городе и упорно оборонялись, а Юань Си и Гао Цянь разбили лагерь в тридцати ли от Цзичжоу. Несколько дней кряду войска Цао Цао вели наступление, но безуспешно. Тогда Го Цзя обратился к Цао Цао с такими словами:

– В роде Юаней назначили преемником младшего сына, обойдя старшего. У обоих силы и права одинаковые, и у каждого есть сторонники. Перед лицом опасности они объединились, но как только опасность пройдет, братья передерутся. И тогда их можно брать голыми руками. Так что отправляйтесь пока на юг, против Лю Бяо.

Цао Цао так и сделал. И действительно, как и предсказывал Го Цзя, едва войска Цао Цао ушло, между братьями Юань начались раздоры.

– До чего же обидно! – жаловался Юань Тань. – Меня, старшего сына, обошли, а рожденному мачехой Юань Шану пожаловали высокий титул.

– Держите войска неподалеку от города, – посоветовал Го Ту. – При случае пригласите Юань Шана с Шэнь Пэем к себе, устройте пир, а во время пира убейте. Тогда дело решится просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.